
ИЛЬЯ
АМУРСКИЙ
МАТРОС
ЖЕЛЕЗНЯКОВ
ИЗДАТЕЛЬСТВО
„ДЕТСКАЯ
ЛИТЕРАТУРА"

ВСЯ
ВЛАСТЬ

СОВЕТАМ!

БРОНЕПОЕЗД
ИМЕНИ

ИЛЬЯ АМУРСКИЙ

ДОКУМЕНТАЛЬНАЯ
ПОВЕСТЬ

Ленинград
«Детская литература»
1982

9С 3КП1 (092)
А 62

«В степн под Херсоном высокне травы, в степн под Херсоном курган...» Эта песня о матросе-партнзане Железняке — герое гражданской войны А. Г. Железнякове — шнроко известна у нас в стране. Но немногне знают, как сложнлась жнзнь этого удивнтсльной отвагн н мужества человека. Побег с царского флота, штурм Знмнего, разгон Учреднтельного собрання, командованнс бронепоездом — вот славные страннцы бнографнн героя. Его вела по жнзнн жажда подвнга н беззаветная верность революции.

Автор кннгн — бывшнй военный моряк-балтнец, писатель Илья Амурский — долгие годы собнрал сведення о жнзнн н деятельностн Железнякова, разыскивая его родственннков, товарищей, очевидцев событий. На основанни этого матсрнала н напнсана кннга.

Рисунки Б. А. Лебедева

А $\frac{4803010102-130}{М101(03)-82}$ 463—82

ЖИЗНЬ-ЛЕГЕНДА

В иаших жилах —
кровь, а ие водица.
Мы идем
сквозь револьвериый лай,
Чтобы,
умирая,
воплотиться
в пароходы,
в строчки
и в другие долгие дела.

В этих строках, посвящеииых Владимиром Маяковским полвека тому назад своему другу, дипломатическому курьеру молодой Советской Республики Теодору Нетте, убитому белогвардейскими баидитами при защите диппочты, есть убедительиая, иепреходящая сила современиости.

Обратите виимаиие иа личное отиошеиие поэта к теме подвига: «В *наших* жилах», «*Мы* идем...» Вслед за Маяковским, певцом и участииком Революции, так имели право сказать и строители первых пятилеток, и бойцы Великой Отечествеиной войны, и комсомольцы, подиимавшие целииу, и молодые создатели БАМа.

Эстафета героизма в условиях классовых боев, иашей иеустаииой, трудиой борьбы за мир,

переходит к вам, будущим строителям комму-иизма.

Вот почему так важен для вас опыт первых ле-иинцев, молодых героев Революции, отдавших за иее жизиь иа заре рождеиия Советского государства.

В ряду этих дорогих имеи есть и имя славиого балтийского матроса Аиатолия Железиякова.

Когда Аиатолий погиб в битве с белогвардейцами 26 июля 1919 года, ему было двадцать четыре года.

Из этой кииги вы узиаете любовно прослежен-иые, тщательио изучеииые основиые эпизоды короткой, иезаурядиой и завидной жизии Аиатолия Железнякова.

В мою задачу ие входит растолковаиие повести «Матрос Железияков», оиа сама, устами автора Ильи Егоровича Амурского, достаточно красноречиво передает характер героя, черты его замечатель-иого времеии.

Но вот о том, что послужило поводом к ее написаиию имеиио этим автором, как продолжается жизиь кииги и ее героя в наши дии, рассказать надлежит. Тем более что участиика гражданской и Великой Отечествеииой войи, боевого моряка-литератора И. Е. Амурского уже давио иет в живых (он скоичался в 1968 году), а жизнь одной из лучших его кииг «Матрос Железияков» продолжается!

Но прежде чем рассказать о личных поводах, побудивших автора этой кииги к ее создаиию, я хочу остаиовиться хотя бы коротко иа других произве-деииях советской художествеииой литературы, посвящеииых отважиому моряку.

Первым, кто запечатлел черты его стремитель-

иой, полиой испытаииями и все-таки счастливой жизии, был... сам легеидариый матрос Железияков.

Смелый юиоша-революциоиер оставил будущему поколеиию свои стихи и дневиик. Литературное иаследство А. Железиякова было опубликоваио в журиале советских воеииых моряков «Красиый флот» в 1923 году, уже после гибели автора.

Эти талаитливые строки ие затерялись «в курганах книг». Оии пришли к будущему читателю «как старое, ио грозиое оружие».

Илья Амурский частично обиародовал эти материалы в своей повести. Подробио рассказал о иих в исследоваиии «Советские писатели-маринисты» (изд. «Наука», 1979) историк и исследователь русской морской художествеииой литературы В. П. Вильчиисиий. «Марииист» озиачает — пишущий о море, посвящающий морской тематике художествеииые полотиа. Марииистом был художиик Айвазовский.

Авторами, посвятившими свои киити морю, флоту, людям, служащим на кораблях, были такие известиые русские писатели, как декабрист Бестужев-Марлииский; морской врач, создатель толкового словаря русского языка В. Даль, автор «Фрегата «Паллады» и других замечательиых произведеиий И. Гоичаров, создатель плеиительиых морских повестей К. Стаиюкович, замечательиая плеяда морских советских писателей А. Новиков-Прибой, Лариса Рейсиер, Вс. Вишиевский, С. Колбасьев, Л. Соболев, Б. Лавреиев, поэт штурмаи подводиой лодки А. Лебедев и миогие, миогие другие.

Трудио сказать, какого совершеиства достиг бы в своем творчестве А. Железняков, но литературные задатки у иего несомиеино были. Уже в дневиике, который ои писал в трудиых условиях постояиио

окружавшей его опасности, угиетеиия, борьбы с царизмом, мы слышим его собствеииую интоиацию, стремлеиие иа своем примере раскрыть характерные черты человека, посвятившего свою жизиь борьбе за лучшие условия существоваиия.

В диевиике А. Железнякова мы читаем: «Не люблю порыва — это мгиовеииое, иепостояниое чувство. Порыв в разрешеиии вопросов общественной жизии, поставлеииых ребром, — очень опасиая и ненадежиая игрушка. А созиательиость, как море, изменяет старые очертаиия берега, творит новые. Да здравствует созиательность и воля! Их ие сокрушит ни штык, ии пулемет, ии цепи, ни сама смерть». (А. Железияков «Памятная тетрадь». Журиал «Красиый флот», 1923, № 3, стр. 141).

Для Железнякова, воеииого моряка, естествеииы образы, связаииые с вольиой морской стихией.

«Да здравствует жизиь-море и могучая свобода, как океан». Публикуя диевиик героя граждаиской войиы, редакция журиала «Красный флот» справедливо писала о том, что «ои даст читателю миого светлых красивых минут и заставит задуматься лишний раз над великим зиачением революциоииого движеиия иа флоте».

Это свидетельство, как мие кажется, отиосится и ко всей жизии Аиатолия Железиякова.

Сам он в своих стихах высказался о поставлеииой перед собой цели точио и определенно:

Чем труднее, опасней борьба,
Тем приятней и слаще победа!

Среди обстоятельств, подтверждающих избраииый революционным матросом жизиеииый путь, есть одиа славиая страница, особо запечатлевшаяся в памяти совремеииков.

Я говорю о знаменитом эпизоде, когда в январе 1918 года Железняков, в ту пору комендант Таврического дворца в Петрограде, где заседало буржуазное Учредительное собрание, в пятом часу утра поднялся на трибуну и сказал председателю: «Прошу прекратить заседание! Караул устал...».

Выдающийся советский поэт Александр Прокофьев в своей первой книге стихов «Улица Красных Зорь» посвятил Анатолию Железнякову строки, проникнутые гордостью за смелого моряка. В его лице поэт приветствовал одного из тех, кто по зову партии Ленина выступил против буржуазии, поддерживавшей контрреволюцию, за победу диктатуры пролетариата:

Ой, гуди, метелица, в дальние края...
Лучшая речь, Анатолий, твоя!

«Слово о матросе Железнякове» было создано Александром Прокофьевым в 1930 году, всего одиннадцать лет спустя после героической гибели балтийского моряка, командовавшего на Украине бронепоездом имени бесстрашного комсомольца-красногвардейца Худякова. Еще были молоды их соратники. Но уже творилась легенда о матросе Железнякове и живой, из плоти и крови, моряк становился одним из участников величественной народной истории.

Шесть лет спустя поэт Михаил Голодный, оттолкнувшись от конкретной судьбы Железнякова, создал балладу «Партизан Железняк». Сознательно измененные исторические обстоятельства позволяли угадывать в этом образе того же Железнякова и комендора крейсера «Аврора» Евдокима Огнева, стрелявшего по Зимнему, погибшего в гражданскую войну на берегу реки Маныч в Сальских

степях, н десяткн, сотин других моряков-побратнмов, участнннков великой освободнтельной войиы за Советскую Роднну.

Сказали ребята:
«Пробьемся штыками,
И десять граиат — не пустяк!»
Штыком и граиатой
Пробились ребята...
Остался в степи Железняк.

А легенда о Железияке продолжала твориться! Песня Матвея Блантера н Михаила Голодного перешагнула через рубежи нашей роднны. И казалось, что матрос не погнб в граждаискую войну, что клич «Мы нз Кронштадта» раздается в Испаннн, что его слово, зовущее на борьбу, проникает в гнтлеровские застенки, произноснтся шепотом бойцами антифашнстского подполья. И в Великую Отечественную войну прнмер матроса Железняка воодушевлял бойцов морской пехоты!

«Легенда, — говорится в энцнклопеднческом словаре, — это иародный рассказ о чудесном, воспрнннмающнйся слушателями и рассказчиком как достоверность».

Тиль Уленшпнгель, Овод, Данко, — сколько мы знаем созданных творцамн художественной литературы такнх прекрасных легенд! Поэтнческой легенде правду сообщает сама жнзнь.

И тогда нсторня такой жнзнн, какая была дарована Анатолню Железнякову, сохраияя достоверность, озаряется огнем легенды. Но тем более важной для всех будущнх поколенин остается ее первоначальная суть.

Еще не все эпизоды революцнонной деятельиостн Железнякова нам до конца нзвестиы.

Когда в начале двадцатых годов автору этих

строк было совсем немного лет, учителя в одесской школе рассказывали о том, как здесь во время оккупации белых и иностранных интервентов неустрашимо действовал в 1919 году народный мститель матрос Анатолий Железняков. Тогда же в Одессе находилась в подполье «Иностранная коллегия» во главе с посланной туда Лениным, бесстрашной французской коммунисткой Жанной Лябурб.

Подпольщики выпускали в типографии, находившейся глубоко под землей, в катакомбах, для французских моряков, не желавших служить своему буржуазному правительству, газету «Коммунист». Жанна Лябурб и ее товарищи были схвачены белогвардейской контрразведкой и без суда расстреляны. Железняков беспощадно мстил врагам за гибель отважных.

В 1923 году в журнале «Красный флот», где печатались стихи и дневник Железнякова, в номере, посвященном пятилетию Красной Армии и Рабоче-Крестьянского Красного Флота, в числе других материалов были помещены воспоминания соратника Железнякова по бронепоезду, бывшего солдата русской бригады во Франции, Р. Полита.

«Его движения, его взгляд, — вспоминал Полит, — произвели на меня сильное впечатление. Человек — энергия. Узнав, что я приехал из Франции, он изъявил желание побеседовать со мной. Эта встреча была самая яркая во всей моей жизни: измученный в германском плену, затем во французской тюрьме, я, говоря с ним, чувствовал прилив новой силы. Мы решили не расставаться. Я остался на бронепоезде».

Всеволод Вишневский, сражавшийся в гражданскую войну на бронепоезде «Грозный» вместе с бронепоездом Железнякова, в очерке, посвященном

герою, писал в 1938 году о последних часах его жизни:

«Бронепоезд Железнякова действовал в районе Екатеринослава... Белые отрезали путь у станции Верховцево. Бронепоезд Железнякова прорывался на юг — к Херсону, Одессе. Работали орудия и двадцать четыре пулемета. Батарея белых стояла у самой станции и била почти в упор.

Бой был яростный и скоротечный. Железняков приподнялся — он бил из револьвера по прислуге вражеской батареи... Пуля попала в Железнякова через несколько секунд.

Бронепоезд прорвался... Железняков умирал...

Организм боролся со смертью... Анатолию говорили о том, как удалось прорваться... Умирающий слушал, с трудом произнося последние слова...»

Илья Амурский, автор этой книги, был дружен с начала двадцатых годов со Всеволодом Вишневским, будущим автором «Мы из Кронштадта» и «Оптимистической трагедии». Одногодки, ровесники века, оба они были балтийскими матросами.

Илья Егорович Амурский приехал в Петроград с Дальнего Востока. Сперва он работал на заводе Нобеля. Молодой рабочий участвовал в февральской и Великой Октябрьской революциях. Во время наступления на Петроград войск белогвардейского генерала Юденича Илья вступил добровольно в ряды Красной Армии. А осенью 1919 года он уже по призыву пришел на Балтийский флот.

Революция была молодой, юными были и большинство ее участников. Молодежь восьмидесятых годов любит в наши дни слова песни:

И Ленин такой молодой,
И юный Октябрь впереди.

Да, так было на самом деле.

Молод был и воеимор Илья, когда в 1919 году ои вступил в Российскую коммуиистическую партию большевиков, избран был в Кронштадском учебиом отряде секретарем партийиой оргаиизации.

Быть большевиком значило, если надо, жертвовать во имя Революции жизиью.

В 1921 году в Кроиштадте вспыхиул коитрреволюциоииый мятеж. Его зачиищики, связаииые с иностраиными разведками и белогвардейскими оргаиизациями за рубежами иашей родины, захватили крепость и часть кораблей Балтийского флота.

В эти дии Илья Егорович Амурский служил иа лииейиом корабле «Петропавловск», также захвачеиим мятежниками. Оии арестовали комиссара полубригады лииcкоров А. Зосимова.

И. Амурского, выступившего иа его защиту, тоже схватили и заперли в корабельиом карцере. Моряку грозил расстрел.

Только быстрая помощь Красиой Армии, овладевшей штурмом мятежиой крепостью, спасла ему жизиь.

Год прослужил после этого Амурский иа «Марате» (так был изваи в честь одиого из вождей французской революции линкор «Петропавловск»). С 1922 года Амурский стал преподавателем молодых моряков в электромиииой школе. Начииающий поэт, прозу ои стал писать позднее, Илья Амурский занимался в литературном кружке с Вишиевским. Всеволод помогал товарищу советами, правил его стихи и заметки в газету «Красиый Балтийский флот». Оии оба стали организаторами литературиого флотского объедииения «Алые вымпела».

С Ильей Егоровичем я позиакомился в Кронштадте уже осеиью 1941 года. Мы оба были включеиы Всеволодом Вишневским в руководимую им

оперативиую группу писателей при Политическом управлеиии Красиозиамеииого Балтийского флота.

22 иоября 1941 года Вс. Вишиевский в рапорте на имя иачальиика Политуправления КБФ дивизиоииого комиссара Лебедева писал:

«И. Амурский. Образоваиие — институт журналистики и два курса Иистиутa Красиой профессуры. Около пяти лет работал в «Правде», редактировал райоииую газету. Автор семи киижек очерков, труда «Матрос Железияков». Во время Отечествеииой войны — редактор миоготиражки крейсера «Максим Горький». Аттестовать иа батальоииого комиссара».

Здесь иазваиие будущей кииги И. Амурского о Железиякове появляется впервые. Вышла оиа после войны. Помию, как говорил мие Илья Егорович: «Лучшим, что удалось сделать в жизии, я обязаи Всеволоду Вишиевскому».

Можио не сомиеваться, что это относится и к той киигe, которую вы держите сейчас в руках.

Амурский был храбрым человеком. В войиу его можио было видеть в боевых порядках морской пехоты иа Ораииеибаумском плацдарме, иа кораблях во время артиллерийской дуэли с фашистской авиацией, иа катерах при высадке десаитов.

Вот характеристика, которую дал комиссар крейсера «Максим Горький» своему подчииеииому, редактору миоготиражиой газеты И. Амурскому, в период самых тяжких испытаиий осеии 1941 года:

«Будучи расписаи по боевому расписаиию иа зеиитиой батарее, активно участвовал в отражении иалетов фашистской авиации и в бою вел себя хорошо.

Тов. Амурский помогал подиосить боезапас к орудиям, ухаживал за раиеиыми бойцами, подбад-

ривал их. С личным составом тесно связан, пользуется в краснофлотской среде большим авторитетом».

И так всю войну! Помню, уже на заключительном ее этапе, в Восточной Пруссии, во время высадки десанта на косу Фриш-Нерунг, куда отступали разгромленные фашистские войска, взволнованного, счастливого, уже немолодого человека. Амурский мечтал о том, чтобы, как только закончится война, сесть к письменному столу за доводку рукописи об Анатолии Железнякове, любимом своем герое.

А разве не символично, что учебное судно «Океан», где когда-то служил Железняков, названное позднее «Комсомольцем», стало в Отечественную войну местом закалки и воспитания балтийских юнг, участников боев с фашизмом!

Портрет Анатолия Железнякова хранится и в школьном музее на станции Верховцево, где погиб отважный командир бронепоезда.

А возле проходной Днепропетровского металлургического завода стоит старый бронепоезд, один из тех, что защищали Революцию здесь, на Украине.

И в Таврическом дворце в Ленинграде, где когда-то выступал на III Всероссийском съезде Советов Анатолий Железняков, словно звучит отголосок его слов:

«У революционной армии и флота, у всех «чернорабочих революции» еще не заржавели винтовки и хватит силы для того, чтобы довести революцию до конца и одержать окончательную победу над капиталом!».

Синеглазый, светловолосый, двадцатичетырехлетний, он остался таким в памяти тех, кто его знал, молодых бойцов и того юнги, Федьки, бывшего одесского беспризорника, которого он взял с

собой на бронепоезд... Впрочем, где они, железняковцы, войны сократили их век...

Но жива быль и легенда Революции, жива песня «Партизан Железняк», жива книжка, детище участника двух войн, и те пытливые ребята, что прочтут ее.

И на пороге новых счастливых времен, о которых мечтал, приближение которых воспел воин-поэт, молодое поколение слышит его завет:

Если в жизни случится,
Что горе с нуждой,
Как гроза, над тобой пронесется,
Не робей! И смело вступай с ними в бой,
И приветливо жизнь улыбнется!

Всеволод Азаров

Многие десятки тысяч бесстрашных бойцов отдали свои жизни за дело народа, сражаясь в рядах Красной Армии и Военно-Морского Флота. Имена таких народных героев, как Чапаев, Щорс, Рудиев, Пархоменко, Лазо, Дундич, матрос Железняков и многих других, будут постоянно жить в сердцах поколений. О них благодарный советский народ слагает свои песни, о них пишут и еще будут много писать книг. Они вдохновляют нашу молодежь на подвиги и героизм и служат прекрасным примером беспредельной преданности своему народу...

К. Е. Ворошилов

СЫН РУССКОГО ГРЕНАДЕРА

В один из августовских дней 1911 года к начальнику Московской Лефортовской военно-фельдшерской школы генералу Синельникову пришли скромно одетые пожилая женщина и юноша. Это были Мария Павловна Железнякова и ее сын Анатолий.

Смело подойдя к генералу, юноша подал ему заявление с просьбой о приеме его в школу и свидетельство об образовании.

Рассматривая поданные бумаги, генерал медленно, как бы про себя, протянул:

— Гм... мещанин Басманной слободы... тысяча восемьсот девяносто пятого года рождения... Два-

дцатого апреля... окончил церковно-приходское училище... — И, обращаясь к юноше, сказал: — Так, молодой человек, значит, хотите учиться в нашей школе?

В этот момент мать Анатолия подала генералу документы, удостоверяющие, что ее муж Григорий Егорович Железняков был гренадером русской армии, награжден двумя Георгиевскими крестами за участие в освободительной войне на Балканах в 1877—1878 годах. Что он под неприятельским огнем переправлялся через Дунай, сражался в боях под Плевной, был несколько раз ранен.

Еще никогда Анатолий не видел свою мать такой настойчивой, так убежденно доказывающей, что ее сын имеет полное право обучаться в школе на казенный счет.

Внимательно выслушав просительницу, генерал ответил ей:

— Хорошо, сударыня, я согласен принять вашего сына в нашу школу, если он выдержит экзамен. — И уже более снисходительно добавил: — Надеюсь, что молодой человек окажется достойным своего отца-героя...

— Постараюсь, ваше благородие! — отчеканил Анатолий, еще не зная точно, как обращаться к такой важной личности.

— Не ваше благородие, а ваше превосходительство, — поправил Синельников, самодовольно поглаживая пушистые усы. — А сейчас, молодой человек, пройдите в канцелярию, там вам разъяснят, что требуется для поступления к нам.

Не знал генерал, как долго пришлось Марии Павловне убеждать сына прийти сюда, в эту школу. На ее советы пойти учиться в Лефортовку он упорно отвечал:

— Не хочу быть фельдшером! Не хочу всю жизнь ставить градусники и пичкать больных порошками да пилюлями. Хочу быть моряком!

Но мать настойчиво уговаривала его:

— Тошенька, дорогой мой, лечить людей — благородное дело... Только приняли бы тебя в школу на казенное содержание...

Анатолий уступил доводам матери. После смерти Григория Егоровича, до последних дней работавшего смотрителем небольшого дома московского купца Чижова, Железняковы жили в большой нужде. Сестра Анатолия Саня, еще при жизни отца окончившая гимназию, учительствовала на дому, но это давало очень небольшой заработок. Матери же Анатолия приходилось на поденной работе добывать буквально гроши, стирая белье и убирая чужие квартиры.

Через несколько дней, после вступительных экзаменов, придя в канцелярию школы, Железняков узнал, что он принят в число ее слушателей.

Седенький писарь растроганно сказал ему:

— Поздравляю вас, молодой человек. Говорят, уж очень хорошо вы отвечали.

Начался учебный год. Первую лекцию прочитал военный врач Николай Иванович Якимов. На груди его сверкал орден Святого Лаврентия III степени.

— На вашу долю, господа, — сказал он, — выпала большая честь учиться в медицинской школе, которая вместе с Московским военным госпиталем существует свыше двух столетий и является прародителем всех медико-хирургических школ в

России. Здесь для русской армии получили образование сотни фельдшеров и врачей. История существования школы неразрывно связана с историей развития всей медицинской науки в России, успехи ее велики. От вашего усердия зависит овладеть этой наукой так, чтобы впоследствии принять посильное участие в ее дальнейшем развитии на благо отечества.

Якимов стал перечислять дисциплины, которые предстояло изучать будущим фельдшерам начиная с 1-го курса: хирургия, фармакология, полицейская медицина (в курсе школы она называется еще и полицейской гигиеной).

При словах «полицейская гигиена» у Анатолия невольно в памяти всплыли события его детства, связанные с событиями революции 1905 года.

Однажды вместе с матерью Анатолий оказался вблизи Страстного монастыря и Тверской улицы. Они попали в большую толпу демонстрантов, выкрикивавших лозунги против самодержавия и распевавших революционные песни. Вдруг раздалась ружейная стрельба, и люди в панике бросились в разные стороны. В образовавшейся суматохе Анатолий потерял мать. Он побежал туда, где продолжалась стрельба. Здесь на лошадях гарцевали казаки. Они стреляли в окна большого Торгового дома купца-миллионера Филиппова. Здесь забаррикадировались бастовавшие рабочие-пекари и служащие. Рассвирепевшие всадники били нагайками всех, кто оказывался возле них. На выручку осажденным спешили сотни людей. Недалеко от Анатолия городовые проволокли за ноги истекающего кровью мужчину в белом пекарском колпаке, и тело его оставляло кровавый след на булыжной мостовой. А двое конных жандармов хлестали нагайками

по лицу паренька в засаленной рабочей кепке и темно-синей спецовке...

Только под вечер вернулся Анатолий домой, усталый и не по-детски взволнованный.

И вот теперь, услышав слова лектора о курсе «полицейской гигиены», Железняков сразу представил себе, как он после окончания фельдшерской школы может оказаться на дежурствах в полицейских участках и составлять акты в защиту городовых. Такое будущее ему не улыбалось...

День за днем, лекция за лекцией. Школа тяготила Анатолия. Как и во всех военно-учебных заведениях царской России, будущих фельдшеров воспитывали в духе преданности самодержавию. Новички сразу попадали под строгое и неослабное наблюдение взводного фельдфебеля и ротного командира. В первый же день занятий им было заявлено: «Здесь мы вас вышколим на всю пружину». И это заявление настойчиво проводилось в жизнь.

На уроках словесности учащихся начиняли сведениями из уставов гаризонной и караульной служб, учили отдавать честь. Приходилось вызубривать такие премудрости: к кому обращаться «ваше благородие», к кому «ваше высокоблагородие», к кому «ваше превосходительство». Требовалось без запинки называть имена и отчества царя, царицы, их многочисленных дочерей, наследника...

Все эти «науки» вызывали у Анатолия душевный протест. И он стал задумываться, как бы оставить ставшую ненавистной школу. Но оказалось, если он уйдет отсюда, мать обязана будет возместить казне все расходы, понесенные школой по его содержанию. А средств у матери не было.

В апреле 1912 года вся Россия была потрясена

вестью о том, что на Ленских золотых приисках Сибири царские жандармы стреляли в рабочих только за то, что они требовали улучшить условия жизни. На такое злодеяние рабочие многих городов России ответили политическими демонстрациями и забастовками.

Воскресный деиь, 18 апреля, Анатолий получил разрешеиие провести у родных дома. Встретился ои и с товарищамн, работавшими иа текстильиой фабрике капиталиста Прохорова. Они рассказали ему о происшедшем на далекой реке Лене и о том, что на фабрике были распространены листовки революционеров, призывавшие рабочих к всеобщей забастовке. Железняков разделял их негодование.

В поиедельник, вернувшись в училище, Аиатолий узнал, что объявлен приказ подготовиться к торжествеиному молебну и параду в честь «тезоименитства» императрицы.

Юноша, не долго раздумывая, решительно направился к кабинету начальника школы генералу Синельникову.

— Я на парад и в церковь не пойду! — заявил он.

— Что-о-о? — не веря своим ушам, вскричал Синельников. Он весь побагровел. — Повтори, что ты сказал?!

— Я иа парад и в церковь не пойду! — твердо ответил Анатолий.

— Почему не пойдешь?! — Генерал вышел из-за стола и вплотную приблизился к бунтарю. — Отвечай!

— Я сам именнииик. Завтра мне исполнится семнадцать лет!

— Ишь какой король объявился! Говоришь,

завтра семиадцать лет тебе будет? Хорошо. Посиднщь, значит, в карцере семиадцать суток на хлебе н на воде.

— Не запугаете! — закричал Анатолий.

— Замолчать, негодяй!

На крик генерала прибежалн дежурный по учнлнщу фельдфебель и дневальный. Железнякова схватнлн и потащили в карцер.

Потеряв власть над собой, в ярости арестованный Аиатолнй разбил стекло в окне, снльно порезал руки. Но на окие была железная решетка. Он бросnлся к дверям, начал бить по ним табуреткой и бнл до тех пор, пока ие упал обессиленный.

6 мая 1912 года в актовом зале Лефортовской военно-фельдшерской школы выстроилнсь все учащнеся. Был зачитан прнказ об нсключенин Аиатолня Железнякова из школы как «личности вполне вредиой н безнравственной».

— Снимн казениое обмундирование! — прнказал командир роты.

Анатолий снял мундир, сброснл сапоги.

— Уведите его! — прнказал генерал Сниельников.

Мать встретила сына у подъезда школы. Анатолнй боялся увидеть ее в слезах. Но этого не случилось. Мария Павловна дрожащими от волиения рукамн обняла его н стала утешать:

— Ничего, ничего, Тошенька, как-нибудь прожнвем...

— Проживем, мама! Я найду работу. Но мучнтелям народа служить не буду!

— Что ты, что ты, сынок, нельзя так говорить! — в ужасе шептала мать. — Пойдем скорей домой!

Марию Павловну дерзкий поступок сына испугал, но он не был для нее неожиданностью. Она видела, как прямой и горячий Анатолий мучился, тяготился учебой и муштрой, которые царили в школе, и все время чувствовала себя виноватой в том, что уговорила его поступить учиться в Лефортовку. Она ждала, что он не выдержит, сбежит оттуда. Теперь же случилось другое, худшее, но она благодарила судьбу за то, что все обошлось только исключением из школы, а ведь могло быть и хуже... Время-то наступило какое!

Вскоре семья Железняковых переселилась в Богородск, где Анатолию удалось устроиться учеником в аптеку при Глуховской мануфактуре Морозова.

Богородско-Глуховская мануфактура Арсения Морозова была одной из крупнейших в России фабрик с двенадцатью тысячами рабочих. Даже в условиях царской России предприятия фабрикантов Морозовых отличались изощренной, продуманной до мелочей системой эксплуатации. Рабочий день здесь длился почти двенадцать часов, а заработок рабочих был гораздо ниже, чем на других текстильных фабриках России. За любой «проступок» на рабочего мастера накладывали штрафы. На фабрике часто происходили несчастные случаи.

Однажды вечером, когда Анатолий уже собирался закрыть аптеку, с фабрики прибежал подмастерье. Он сообщил, что в ткацком отделении рабочему оторвало три пальца правой руки. Фельдшер, один-единственный на таком большом предприятии, просил срочно прислать йод и перевязочный материал.

Анатолий немедленно сам побежал на фабрику. В Лефортовском училище он научился ока-

зывать первую помощь при несчастных случаях — накладывать бинты, делать перевязки.

Переступив порог цеха, Анатолий закрыл уши руками: грохот станков был настолько оглушительным, что дрожали от него стены и, казалось, вот-вот провалится пол. Воздух был пропитан пылью — в цехе не было вентиляции.

Железняков вместе с фельдшером сделали для пострадавшего все что могли и отвезли в больницу.

На следующий день в аптеку пришел один из ткачей, который видел, как Анатолий оказывал помощь рабочему. Он крепко пожал руку молодому аптекарю и сказал:

— Спасибо тебе, дружок Доброе дело ты сделал вчера, помог нашему товарищу. Жаль беднягу, теперь ведь он уже не работник... Вот беда-то приключилась. Подумать только, три пальца оторвало, да еще на правой руке! Но что поделаешь, такая уж наша доля рабочая... Заходи ко мне, милок, гостем будешь. Поближе познакомимся. Зовут меня Тимофеем Петровичем.

Анатолий стал бывать у Тимофея Петровича и узнал от него много любопытного из жизни морозовской мануфактуры. В частности, ткач рассказал ему, как в подмосковном «Манчестере» фабрикант Савва Морозов заставлял рабочих «жертвовать» деньги на постройку церквей. Высмеивая своего хозяина, рабочие сочинили и распевали песню:

Чтоб не ели в пост скоромного,
Поведенья были скромного,
Чтоб безропотно трудились
И молитвами кормились...

Тимофей Петрович познакомил Железнякова с местными подпольщиками-революционерами. Вско-

ре Анатолнй стал для них одним из лучших помощиников в распространеини среди рабочих большевистской печати. Ои всегда был желанным человеком в казармах текстильщиков. Рабочие предупреждалн его:

— Будь поосторожней, мнлый. К людям присматривайся. Остерегайся, главное, смотрителей. Иной прикинется такой овечкой, другом твоим...

В один из февральских дней молодой аптекарь находился в рабочей казарме. Узкие, слабо пропускавшие диевной свет окна, заделанные железнымн решетками, как в тюрьме. Общие нары были заполнены обитателями казармы, спавшими вповалку, тесно прижавшнсь друг к другу, чтобы хоть иемиого согреться.

Из темного угла доносился мучительный детский кашель. Анатолий направился туда. Худощавая женщина держала иа руках умирающего ребеика. Рядом стоял фабричиый поп. Переводя взгляд заплывших жиром узеньких глаз с ребенка на женщииу, он говорил:

— Не плачь, не горюй, голубка, а радуйся, что дитя твое на том свете попадет в царство иебесиое. Ведь его ангельская душенька совсем иевинная. Ей только в раю место.

На улице бушевал резкий северный ветер. Холод проникал в казармы сквозь стены и окна, из-под каменного пола. Возмущенный словами попа насчет «счастья», которое ожидало эту бедную мать после смерти ее замерзающего ребенка, Анатолий ие выдержал:

— Вы, батюшка, вместо обещания «царства небесного» помогли бы рабочим, чтобы хозяии отре-

монтировал казарму да получше отапливал ее. Может, по воле божьей хозяин не делает этого и морозит людей?

— Еретик! Богоотступник! — закричал на него поп и погрозил крестом. — Как твоя фамилия? Вот сообщу о тебе куда следует.

— Это вы умеете делать! — ответил Анатолий и вышел на улицу.

Поп выполнил свою угрозу.

Как-то весной усталый Анатолий шел с фабрики домой, вдруг он увидел группу всадников. Это сам Арсений Морозов с дочерьми и своими гостями выехал на прогулку.

Фабрикант Морозов требовал от рабочих, чтобы они при встрече с ним в любом месте снимали шапки и обязательно низко кланялись. Каково же было удивление его, когда он увидел, что какой-то молодой человек не остановился и не поклонился ему.

— Стоп, стоп, господа! — закричал Морозов своим спутникам, а сам повернул лошадь в сторону Железнякова, стараясь прижать его к забору.

— Ты почему не снял шапку, подлец?! — негодующе вскричал он.

— Я шапку снимаю только перед покойниками, — ответил Анатолий.

— Ты что, не знаешь, кто я такой? Я — хозяин фабрики! Твой кормилец!

— Тебя кормят рабочие своим трудом, а не ты рабочих! — крикнул Железняков.

— Ага, социалист, значит, — угрожающе произнес Морозов. — Как твоя фамилия?

— Железняков! Запишите на воде мелом, — показал Анатолий на большую лужу и быстро зашагал дальше.

— Железняков? Так вот ты какой, безбожник! — крикнул вслед Морозов.

На следующий день Анатолий был уволен из фабричной аптеки.

Железняков уехал на Черное море, в город Туапсе. В то время там работал водолазом его старший брат, Николай. Анатолий надеялся с его помощью найти работу в порту или на каком-нибудь пароходе. Ведь он еще с детства мечтал быть моряком.

Прошло немного времени, Анатолий пишет матери:

«Я живу неважно. Места нет... Работаю поденно у водолазов. Тоска. Все идет не так, как желаешь... Чего хочешь, желаешь — не выходит. А то, чего не хочешь, — само лезет.

Очень хочется мне, дорогая мама, поступить в морскую школу. Буду готовиться. Спать придется совсем мало, по три часа в сутки, но поступлю обязательно!»

В начале мая 1914 года Железняков сообщил родным в Богородск:

«Ура! Ура! Я устроился очень хорошо. Служу матросом на пароходе «Тайфун»...»

Чтобы не огорчать мать, сестру, он не писал, как ему тяжело приходится: в духоте надо было почти непрерывно шуровать в топках мелкий зольный уголь, раздеваясь донага, чистить котлы. Нестерпимо болели ничем не защищенные глаза, едкая солоноватая пыль разъедала мокрое от пота тело, затрудняла дыхание.

Свободное после вахты время Железняков проводил либо в машинном отделении — старательно изучал все, что требовалось знать механику на

пароходе, либо читал. Он мечтал поступить учиться в мореходное училище.

1 августа 1914 года началась первая мировая война. Анатолий узнал, что Ростовское мореходное училище объявило дополнительный набор курсантов.

И вот он в Ростове. Успешно сданы все экзамены в отделение судовых механиков. Было отмечено, что кочегар с «Тайфуна» превзошел многих экзаменующихся по своим знаниям. Но в списках принятых его фамилии не оказалось.

— Почему меня нет в списках принятых в училище? — спросил Железняков секретаря в канцелярии. — Ведь я выдержал все экзамены.

Тот, выслушав, открыл ящик стола и протянул Анатолию сданные перед экзаменами документы.

— Не приняты-с, молодой человек.

— Почему не принят? — недоумевающе спросил Анатолий.

— Вот уж этого не знаю-с. Начальству виднее.

— Может, мне пройти к начальнику?

— Его сейчас нет. Да он ничего и не скажет. Пожалуй, в Москве скорее дознаетесь...

— При чем здесь Москва? — настороженно спросил Анатолий.

— Эх, зелен ты еще, милый мой, — уже более мягко сказал канцелярист. — В народе говорят: «Добрая слава за печкой спит, а худая по свету бежит». Ты в Москве в Лефортовской школе учился? В Богородске на фабрике Морозова работал? Вот так-то...

Железнякову все стало ясно. Он попал в «черные списки». Занесенного в черные списки не принимают на работу, не допускают учиться.

В апреле 1915 года команда парохода «Тайфун»

объявила забастовку. Судовладельцы обратились в портовую жандармерию. Всех матросов, годных для отправки на фронт, сняли с парохода и направили в пехоту. Железнякова, как не достигшего призывного возраста, мобилизовать не могли. Его уволили с парохода и предложили в течение 24 часов убраться из Одессы, где в то время стоял «Тайфун».

«Я стараюсь принять это как должное испытание, которое дает мне жизнь для будущего, — писал Анатолий родным в мае 1915 года. — Опыт никогда не мешает. Много еще встретится огорчений и всяких треволнений, перед которыми эти явятся мелкими, серенькими пятнышками. Настроение бодрое, и я думаю, что выйду победителем из положения, в котором очутился.

Я всегда рад, когда получаю от вас письма, и с большим наслаждением читаю их. И хочется борьбы сильной и большой, такой грозной, как сильный шторм. Да, да, и на самом деле, что это за жизнь, которой жили и живут гоголевские старосветские помещики и обломовы Гончарова. Не жизнь, а копчение неба и бесполезное занимание места».

Почти вслед за письмом Железняков вернулся в Москву. В июне 1915 года он поступил слесарем на Бутырский завод Густава Листа, не указав места прежней работы. Нуждаясь в слесарях, управляющий заводом немец принял новичка без особых расспросов. Завод вырабатывал снаряды для фронта и насосы для военно-морского флота.

Однажды, войдя в сборочный цех, управляющий услышал доносившуюся из-под сводов цеха песню.

— Что это за артист здесь появился? — спросил он у мастера.

— Как же, слесарь наш новый, сами изволили его принять третьего дня.

— Ах, этот юнге, такой длнннный? Его фамилия айзеи... айзеи... Ага! Железняков! Карашо работает?

— Хороший слесарь, — ответнл мастер.

— Карашо. Пусть поет. С песнь будет лучше работать. — И, заметнв непорядок на одном нз токарных стаиков, он обрушнлся руганью на токаря. Стуча толстой тростью по станку, он крнчал: — Собакин сыи! Ты чего делаль? Хочешь на фронт поехать?

Железняков, ловко орудуя ннструментом, крнкнул сверху:

— Эй там, на палубе! Не мешай работать! Чего разошелся, как самовар?

Управляющий умолк и тотчас выбежал нз цеха, что-то бормоча не по-русскн.

Вечером того же дня в тесной комнатушке старого рабочего завода токаря Петрова собралась немногочисленная заводская подпольная большевистская организация. Один нз рабочнх спроснл:

— Кто знает иового слесаря, что так смело обрезал нашего иемца? По всему заводу об этом разговор пошел...

— Я с ним малость поговорил, — ответнл однн из присутствующих. — Говорит, недавно с Черного моря приехал. Кочегаром там работал. Вндно, боевой паренек... Надо бы заняться им...

— Будешь работать со мной? — спросил как-то Петров у Анатолня. И разъяснил, что надо делать.

— Есть! — ответнл Анатолнй по-матросскн.

Первая мнровая война была в разгаре. Работа, к которой старый подпольщик Петров прнвлек Железнякова, заключалась в следующем. Надо было незаметно вкладывать в ящнкн со снарядамн, отправлявшимися на фронт, антивоенные лнстовки.

Приемку ящиков со снарядами производил представитель от военного ведомства, молодой поручик. Необходимо было отвлекать его внимание от этих ящиков. И каждый раз Железняков что-нибудь придумывал. Однажды он схитрил так.

— Господин поручик, — обратился к офицеру Анатолий, — я много раз думал о том, какой вы молодой еще, но у вас уже два Георгиевских креста...

Приемщик с увлечением начал расписывать свои «подвиги».

Анатолий хорошо знал, что поручик получил награды не за боевые дела, так как совсем не был на фронте, а все время находился в Москве. Но с разыгранным восторгом он поддакивал приемщику, восхищаясь его «храбростью», наблюдая в это время за упаковщиками, от которых ждал условного сигнала, что все сделано. После этого Железняков, сделав поклон головой, сказал:

— Ваше благородие, вы так интересно все рассказываете. Скорее бы и мне попасть на фронт!..

На снарядном заводе Густава Листа Железняков проработал слесарем до осени 1915 года. Немало отправил он на фронт антивоенных большевистских листовок. В октябре Железняков был призван на военную службу в Балтийский флот.

НА «ОКЕАНЕ»

Боцман, сидящий на корме баркаса, всей своей грузной фигурой наклоняется вперед и командует протяжно:

— А-а-ать!

Баркас делает сильный рывок вперед и, разгоняя волны, с шумом проходит брандвахту у выхода из военной гавани, чтобы выплыть на широкий водный простор.

Загребной, плечистый, ладно скроенный, высокий матрос, дыша полной грудью, вместе с другими гребцами отталкивается веслом, искусно рассекая встречный ветер развернутой лопастью.

— Железняков, осел! — кричит боцман Слизкин. — Как гребешь, обормот!

Молодого моряка передернуло. Ведь он работает веслом не хуже других. Почему же этот толстопузый придирается к нему? И он тихо сказал: «Эх, двинуть бы веслом тебя!»

Услышав сказанное Железняковым, находившийся рядом с ним матрос строго заметил: «Возьми себя в руки, Анатолий!»

— Груздев, не вертись, как буек! — обрушился боцман и на него.

Миновав окруженный гранитной стеной, вросший в Финский залив хмурый старинный форт Кроншлот, баркас направился к внешнему рейду, держа курс на высокобортное судно с надписью «Океан».

У командира учебного судна «Океан» Норгартена с самого утра было испорчено настроение. К нему неожиданно явился жандармский ротмистр. Он подробно расспрашивал о матросе Железнякове.

— Мы знаем, господин капитан первого ранга, что Железняков ведет среди матросов вашего корабля антиправительственную агитацию и снабжает их листовками.

Сообщение представителя жандармского управления так поразило командира «Океана», что он несколько минут не мог ничего ответить.

— Вот одно из писем, в котором Железняков довольно открыто высказывает свое настроение... Почитайте. — Ротмистр протянул командиру листок бумаги.

«Дорогая мамочка, — читал Норгартен, — прости, что долго тебе не писал — не было времени. Последнее желание мое исполнилось, меня причислили к машинной школе, если удастся ее кончить, то буду иметь звание механика четвертого разряда. Недурно ведь, верно?..

Сегодня ездил в отпуск в город, разозлился, было, до крайности. Замерзли, зашли в чайную, не пускают. Идем дальше, в другую, там то же самое, и в третьей слышу такой же ответ. Вот тебе и наши герои, вот так уважение... Возмущение берет... Давят, а приходится подчиняться...»

— Что же делать с этим Железняковым, господин ротмистр? — растерянно спросил Норгартен.

— Вы должны будете помочь нам поймать его на месте преступления. Если же это окажется невозможным, надо вызвать молодчика на какое-нибудь грубое нарушение устава службы и отправить на гарнизонную гауптвахту. Оттуда нам легче будет убрать его, куда следует. А пока усильте наблюдение за ним.

Проводив ротмистра, Норгартен долго еще находился в возбужденном состоянии. Он вспомнил, как пришлось расплачиваться командирам дредноута «Гангут», линкора «Андрей Первозванный» и других кораблей, на которых был раскрыт заговор революционеров против самодержавия. Взглянув на портрет Николая II, висевший на переборке каюты,

испуганный командир почти наяву услышал: «Предупреждаю, что при малейшем повторении недопустимых беспорядков на судах флота будут приняты самые суровые меры взыскания, начиная со старших иачальствующих лиц». Такую резолюцию царь написал на донесении главнокомандующего флотом, докладывающего о выступлении матросов линкора «Гангут».

Вызвав дежурного по кораблю, Норгартен приказал:

— Старшего офицера ко мне!

Капитан второго ранга Сохачевский побледнел, услышав от Норгартена заявление ротмистра о Железнякове. Он мгиовенно представил себе все те неприятности, которые могут возникнуть, если на «Океаие» действительно завелись «крамольники».

Сохачевский озадаченно протянул:

— Да... Это очень...

— Надо выполиить то, что от нас требуют. Я не желаю рисковать своим положением из-за какого-то матроса. Кстати, какие данные имеются в его деле? — спросил Норгартен.

— В послужиом списке о нем сообщается очень немного. Призваи во флот в тысяча девятьсот пятнадцатом году. Прошел строевое обучение и получил звание матроса второй статьи во втором Балтийском флотском экипаже. А с февраля текущего года зачислен учеником класса машинных унтер-офицеров Кронштадтской машинной школы и прислан к нам для прохождения морской практики, — ответил Сохачевский.

— Все ясно. Надо сделать так, чтобы мы имели основания убрать этого смутьяна с корабля. Притом, чтобы никто не знал, что его арестовали за аитиправительственную агитацию. Мы его отправим

на гарнизонную гауптвахту как нарушителя корабельного устава... А как сделать это, подумайте...

— Слушаюсь! — коротко произнес Сохачевский.

В кубрике уже давно царила полная тишина, а Железняков беспокойно ворочался в своей подвесной койке и никак не мог уснуть. Корабельные склянки пробили два часа ночи. Выпрыгнув из койки, он направился к дежурному.

— Что случилось, Железняков? — удивленно спросил тот.

— Голова разболелась. Разрешите выйти на верхнюю палубу.

— На четверть часа разрешаю.

Над морем лежала белая северная ночь. Дул небольшой зюйд-вест. Облокотившись на фальшборт, Железняков глядел на темный водный простор.

«Итак, прощай, машинная школа, прощай, «Океан», с твоими драконовскими методами... На днях, как объявил начальник школы, получу звание механика четвертого разряда. Тогда на любом корабле мне найдется хорошее место. Я судовой механик! Как обрадуется мама! Ведь она так долго ждала, когда я выйду в люди...»

— Анатолий... — раздался за спиной тихий голос.

— А, Федор!

— Проснулся, взглянул на твою койку, вижу — пустая. Забеспокоился, — сказал Груздев. — Хочу поговорить с тобой.

— Случилось что? — тревожно спросил Железняков.

— Да, случилось. Разговор о тебе самом. Как

неосмотрнтельно ты вел себя сегодня на баркасе! Если б не удержать тебя, пожалуй, и в самом деле стукнул бы боцмаиа.

— Эта шкура давно заслужнла такой награды, — зло ответнл Железняков.

— А чем это могло кончнться, ты подумал? В такое время! — строго сказал Груздев. — Завтра же на тебя наделн бы кандалы или расстреляли. Ты же знаешь, что получнлось у гангутцев.

— Знаю, все знаю. Говорят, что девяиосто пять человек на каторгу угоняют...

Осмотревшнсь кругом, Груздев тнхо продолжал:

— И сколько матросов попало в тюрьмы, страшно подумать...

— А мы все молчнм, терпнм... Надо немедленно поднять команды всей Кронштадтской базы, выручать товарнщей!

Груздев схватил его за руку н совсем тихо, почти шепотом сказал:

— Не горячнсь. Не прншло еще время, браток. А кто знает, может быть, разведывательное отделенне донесло уже команднру. Вот оин н нщут предлог, как нзбавиться от тебя. Кстати, как с листовками?

— Передал кому надо, не беспокойся, — едва слышно ответнл Железняков.

На всех кораблях, стоящнх на рейде, склянкн отбнлн половнну третьего.

Железняков спохватнлся:

— Ох, черт поберн! Мне разрешнлн только на четверть часа отлучиться нз кубрика! Надо бежать!

Через несколько мннут друзья уже былн в своих подвесных койках н скоро погрузнлнсь в крепкий предутренний сон...

Рассвело. Сквозь иллюминаторы врываются в кубрик первые лучи восходящего солнца. На всех кораблях склянки бьют половину шестого. Напевный звон медных рынд сливается со звуками горнов, играющих побудку. Это военно-морская музыка нового дня проникает во все отсеки «Океана».

Напеву горнов и перезвону склянок вторят трели и пронзительные свисты боцманских дудок. Слышны сердитые, хриплые от постоянных покрикиваний на матросов голоса унтер-офицеров.

— Вставай! Вставай! Койки вязать!

Заспанные люди неохотно сбрасывают с себя одеяла, недовольно бурча, выпрыгивают из подвесных парусиновых коек, шлепая о палубу босыми ногами, и пугливо озираются — не приближается ли «главный пес», — так прозвали на судне боцманмата Слизкина.

Проворно соскочил со своей койки и Железняков. Он уже оделся, свернул постельные принадлежности, втиснул в парусиновый мешок и ловко зашнуровал его.

Кочей Сомов насмешливо говорит Железнякову:

— Думал я, Анатолий, что ты не из трусливых. А как погляжу, тоже перед боцманом пасуешь...

Железняков уже готов был нести свою койку в положенное место, но остановился, чтобы ответить Сомову:

— Зато ты, Сомов, за свою «храбрость» и усердие с удовольствием принимаешь «царские подарки» [1], которыми Слизкин частенько награждает тебя. Вот и вчера...

[1] «Царскими подарками» иронически называли матросы в старом флоте удары боцмана медной цепочкой от своей дудки.

— Нихто не може проучить такую собаку, як наш боцман. Оброс салом, як той кабан годований, — вмешался в разговор здоровяк матрос Петр Бугаенко.

Железняков возбужденно сказал:

— Ничего, братки. Придет время, и мы им отплатим за все...

— Кому это ты так страшно грозишь? — неожиданно раздался голос старшего офицера, вошедшего в кубрик.

Матросы сразу все умолкли.

Сохачевский подошел вплотную к Железнякову.

— А ну, разъясни, с кем это ты собираешься расправиться? — Взгляды их скрестились. Вытянув длинную шею, Сохачевский уставился в молодого матроса злыми черными глазами. — Молчишь, сукин сын? А почему так долго возишься с койкой?

Железняков окинул быстрым взглядом кубрик. Еще никто не вынес своей постели. А этот придирается к нему...

Анатолий впился дерзким взглядом в Сохачевского.

— Что ты уставился на меня, как баран? — крикнул еще более раздраженно старший офицер. — Я спрашиваю, почему до сих пор не вынес койку?

С трудом сдерживая себя, чтобы не ответить Сохачевскому резкостью, Железняков ответил:

— Виноват, задержался...

Выхватив из рук Железнякова койку, старший офицер издевательски спросил:

— Это что такое у тебя?

— Койка, — уже еле владея собой, выговорил Анатолий.

— Мешок с навозом, а не койка! Разве так за-

шиуровывают?! — Сохачевский приподиял брезеи-товый мешок с постелью и бросил его иа палубу. — Перевязать!

Железияков сжал кулаки. Но вдруг увидел, как сурово, предостерегающе смотрит иа иего Груздев. Словио облитый ледяиой водой, Аиатолий сразу вытяиулся во фроит перед Сохачевским.

— Есть перевязать койку!

В этот момеит в кубрик вошел боцмаи Слизкии. Крупиые покатые плечи, высокое и толстое туловище, рыжие щетиистые усы и ярко иадраеииая большая медиая дудка, висящая иа такой же блестящей цепи, перекииутой через багровую шею, усиливали сходство его с городовым.

Сохачевский иабросился иа иего:

— Безобразие! Распустил комаиду! Это ие воеиные моряки, а старые бабы!

— Виииоват-с, ваше высокобродие. Что касаемо до матроса второй статьи Железиякова, так иет сил управиться. Развращает всю комаиду...

Железияков обратился к Сохачевскому:

— Разрешите выиести койку?

Старший офицер грубо отрезал:

— Марш, быстро!

А вечером, встретив Железиякова иа верхией палубе, боцмаи Слизкии зло иабросился иа иего:

— Из-за тебя, дармоед, мие сегодия попало от их высокоблагородия. — При этих словах Слизкии толкиул Аиатолия.

Терпеиие молодого матроса лопиуло. Ои ударил боцмаиа с такой силой, что тот грохиулся иа палубу и закричал:

— Караул! Убивают!

Первым иа крик прибежал дежуриый по кораблю, а за иим явились Норгартеи и Сохачевский.

— Он хотел убить меня, ваше высокобродие! — завопил Слизкин.

— Это неправда! Я...

— Молчать! — крикнул Норгартен. — Под суд пойдешь! Арестовать его!

Над заливом уже сгущались вечерние сумерки, когда от трапа «Океана» отчалила шлюпка, на которой отправили в Кронштадт Железнякова под конвоем двух матросов. Один находился в носовой части шлюпки, а другой — вблизи кормы. У каждого из них у ног наклонно стояла винтовка.

Улучив момент, когда сидящий ближе к корме матрос занес весла для очередного гребка, Железняков схватил у него винтовку, наставил на переднего конвойного и приказал:

— Бросай ружье в воду! — Затем он навел дуло своей винтовки на другого матроса и властно потребовал: — Кидай весла в воду!

— Железняков, не губи нас! — закричали конвойные.

— Братцы, простите меня! Если я попадусь в лапы жандармов, то меня расстреляют или сошлют на каторгу! Прощайте! — С этими словами он прыгнул в воду...

ПРОТИВ ВОЛН

Скрываясь от царских властей, Анатолий Железняков под чужим именем плавал на различных торговых судах Черноморского флота, мечтая бежать из царской России. В это время он вел днев-

иик, названный им «Памятиой тетрадью». Из диевиика мы узиаем о его жизии с августа 1916 года по апрель 1917 года.

Первая запись иачииалась словами:

«Кто посягиет иа свободу человека, достоии позора и смерти.

Вплоть до мииуты, когда я буду ие в состояиии писать, до тех пор ие будет белых страииц.

Жизнь скитальца полиа треволиеиий, лишеиий и суровых переживаиий, ио прекрасиа дикой свободой и вольиым взмахом желаиий.

Если в жизии случится,
Что горе с нуждой,
Как гроза, иад тобой проиесется, —
Не робей! И смело вступай с иими в бой,
И приветливо жизиь улыбиется...
Чем трудией и опасией борьба,
Тем приятией и слаще победа.

Новороссийск. 1916 год. Август.

...Эту памятку я завел для того, чтобы когда все пройдет и когда я буду «там», то буду вспомииать все, что заставляло перечувствовать глубоко те решительиые момеиты, которые оставят иеизгладимый след в моей жизии. То, что пережил я, теперь для меия лишь сои, длиииый, мрачиый, ужасиый, болезиеииый, кошмариый. Свобода, воля труда и работа, хотя и до полиого изиеможеиия... Поступок, совершеииый миой 12 июия, сразу сделал переворот в моей жизии...

Решительиость, смелость!

12 августа. Вечер.

Снялись из Новороссийска. Идем ие то в Батум, ие то в Трапезуид. Держусь каждую мииуту в пол-

ной готовности. Много еще испытаний на пути, но они ничуть меня не пугают и не тревожат.

Хорошо жить и бороться! Хорошо умирать, защищая свою независимость. Верю, что я не пройду по жизни маленьким человечком с маленькими вол нениями и тревогами.

Мои коллеги — все почти ровесники, славные добродушные парни, хотя у них не то принято за истинную цель, что надо. Я знаю, что никто из них не пойдет вразрез другому, все тесным кольцом будут отстаивать свои права. Но между ними нет человека с волей; а каждый взять инициативу в свои руки не может и не в состоянии...

Тихо, все спят. Иду на вахту.

23 августа. Рейд Гагры.

Высокие крутые горы покрыты мягкой бархатной зеленью южных горных лесов; там, на их склонах, белыми красивыми пятнами выступают виллы и дачи буржуа. Тихо и хорошо для утомленных. Жаль, все это приобретается на деньги. С берега сообщают, что 108-й[1] близ Батума потоплен подводной лодкой, миной и артиллерийским огнем. Есть раненые и убитые...

24 августа. Рейд Сухум.

Пока до Сухума шли благополучно.

25 августа. Ночь, 11 часов. Порт Батум.

Стоим. Груз до Трапезунда. Там простоим довольно долго...

Поскорее бы только исчезнуть из границ нашего приятного отечества! Поздно, пора спать...

---

[1] По-видимому, речь идет о транспорте № 108.

26 августа. Вечер.

Сегодня на «Принцессе» поистине Содом и Гоморра. Сено, повозки, и в довершение всего на палубы погрузили верблюдов. Пройти в кубрик нет возможности. Лежим на рострах. Снялись с якоря в шесть часов. На юте полно офицеров и сестер милосердия. Идет попойка. Обидно, стыдно и больно за то, что видишь. Все то, что должно быть свято, что должно произноситься с глубоким уважением, — все это попрано, загрязнено ногами, топчется со смехом в грязи и слякоти нашей жизни...

На палубу приняты были больные солдаты. Спят вповалку, где и как попало. Идут две сестры милосердия, одна несет бутылку из-под вина, другая одета в сапоги изящного образца, с нею морской офицер.

— У вас есть помещение, где спать? — спрашивает ее морской офицер.

— Самого ужасного вида! Капитан дал отдельную каюту, но такая ужасная, скверная, неудобная, — вопит она.

Подлость! Люди измученные, больные спят наверху под свежим морским ветром, ей предоставили каюту, а она заявляет претензию!

29 августа. Рейд Платаны.

Сегодня перешли сюда и встали на якорь. Это от Трапезунда семь миль. Едим сухари и картошку, испеченную в поддувалах. Мяса не было во рту уже неделю.

5 сентября. Рейд Ризе.

Вот уже пятые сутки стоим на якоре...

6 сентября.

Идет дождь, начало слегка зыбнть. С одной стороны дело неважно: вышел хлеб, будем глодать сухари.

А дождь все сыплет, уже осень. Где ты, золотая русская осень, с легкими морозами и чистым, звонким, как звук стекла, воздухом?..

Война! Ужас, кошмар. Судьба пишет историю народов кровью. Идет безумная, достигшая крайней разнузданности оргия. «Люди гибнут за металл» и от металла.

Цари людей, сильные мира сего, упившись властью, тешатся новой игрой, мировой бойней, идущей уже третий год.

Смейтесь! Но хорошо смеется тот, кто смеется последним, а вы смеетесь в последний раз. Уже тянется наводящая на нас смертный ужас кровавокрасная рука революции...

12 сентября.

Сижу в арестном доме, т. е. хочу сказать, в окружной тюрьме г. Ризе. Сидят много флотских, четыре турка за убийство своего старосты, я и Старчук.

Удивительно для других народов и характерно для России: может отсутствовать провиант, фураж и предметы первой необходимости, отсутствуют школы, приюты и т. п., но зато повсюду, где ступила нога российского администратора, мгновенно выросли полицейские, жандармские управления, тюрьма, арестные и прочие злокачественные учреждения.

В Трапезунде, Платанах и здесь, в Ризе, всюду поражает изобилие полицейских и жандармов.

Взятка — законный грабеж процветает и дает обильную жатву нашим хранителям и блюстителям закона-беспорядка, закона-поработителя...

13 сентября. Арестный дом.

Всю ночь шел дождь. В камере открылись течи, и полно на полу воды. Стекол нет. Весь вечер Старчук рассказывал о своей жизни, о действительной службе, о женитьбе...

Долго не спал, и вся жизнь длинной лентой прошла перед глазами.

Надо трогаться вперед за тем, к чему стремишься...

Быть или не быть? А так жить не хочу...

Только бы вера в людей, в лучшую жизнь не ослабла...

Да здравствует жизнь-море и могучая свобода, как океан!..

Старчук спит... Дождь, свист, и на море шторм...

14 сентября, утро.

Дождь и ненастье. Заснул прошлую ночь поздно, и сон был кошмарный.

Сегодня четвертый день. Наслу привезли горячую пищу, хотя пришлось обращаться к дежурному офицеру.

Что правит миром? Добро или зло? Ложь или истина?

Человеку, как существу высшему, дан разум, даны добродетели и пороки. Все это кто-то перемешал: добро и зло сплелись плотно и неразлучно всюду следуют вместе.

Пошедшему навстречу жизни-шторму не следует бояться гибели. Горе тому, кто испугался вида страшилищ — седых стариков-валов! Будь он

полои позиаиий, все равно погибиет, ие пройдя и третн пути.

Кости брошены. Игра иачалась. Кто победит? Хладиокровие, смелость, решительиость!..

17 сентября. Рейд Платаны.

Стоим здесь. Будем выгружаться. В городе отсутствует все. Мясо достать страшно трудио. Комаида голодает.

У берега моря стоит памятиик с зиамеиитой иадписью:

> «Мир праху вашему, дорогие бойцы за Русь и свободу народов. Вы спите крепким, иепробудным сиом далеко от дорогой родиины, заброшеииые сюда роковой судьбой. Волны морские будут одни напевать песии, и нмена ваши золотыми буквами впишутся иа страиицах русской истории.
> 16 июня 1916 г.».

Спите мирио, серые чудо-страдальцы! Кто больше вас видел страдаиий? Кто больше, чем вы, нспытал? Кто терпеливее, чем вы, иес всю жизнь тяжелый крест тиранин буржуа н купцов?

Всю жизиь, полуголодиые, забитые, запугаииые, всегда в страхе за себя и свою голодиую семью, вы терпеливо шли, иеся этот крест безропотно, подчиияясь превосходящей вас силе. Пошли сражаться, и опять иад вами внселн смерть и издевательства, и вы погибли, а там, в тылу, свистят пулн н падают окровавлеииые матери и дети на грязиые мостовые улнц, и топчут их копыта жаидармских лошадей. За что?

За то, что голодные осмелились сказать, что им хочется есть, что онн голодны. Вы погибли, а виовь пополнивших ряды угощают ложью, вылетающей из ие знающих утомления уст красиобаев — мелких

газетиых бумагомарак. И оин смеются до слез, пьяиые от успеха, и справляют оргии крови и мяса под музыку скрежета, плача, проклятий обезумевших от горя н голода матерей и умирающих в подвалах детей.

Прав автор иадписи иа памятинке, с какой бы мыслью ои это нн пнсал: золотыми буквами запншутся имеиа ваши иа мрачных и кошмарных страницах эпохи русской истории. И эти нмена громко будут звать жнвых ко мщеиию. На долгие годы, века запечатлнтся в памяти народа кровавый след оргии тираиов-«миротворцев».

Вот там, на горе, виднеются тесно прижавшиеся друг к другу малеиькие белые кресты, словио извиияясь за то, что здесь прншлось им стать, иапоминать об измучеииых телах, иашедшнх вечный отдых, омрачить этим привыкшие к художествеииым пейзажам взгляды тираиов-паразитов н их супруг. О, как противно, как больио, обидио становится на душе, когда какое-ибудь нз этих «иежных созданий» иачииает причитать, артистическн складывая руки, «душевио сожалея»!

Ей, милой паразитке, кажется забавиой, интересиой, полиой поэзии эта кровавая каша, это безумиое месиво крови, мяса, костей, и солдаты, «рвущиеся в бой», и серый офнцер, окутаиный ореолом храбрости н славы. Так много рыцарей, что у нее глаза разбегаются от колоссальиейшего выбора! А если ей и случится увидеть кусочек суровой жизии, оиа вскрикивает, отвертывается и... тотчас забывает.

26 сентября. Ночь. Платаны.

Постараюсь изложить свои мысли, которые ие дают мие покоя.

Все, что творится вокруг, так ужасио, что порой стаиовится трудио поверить в победоиосное шествие иарода вперед. Всюду растет произвол, всюду кучки людишек, прикрываясь личииой, имеиуемой «закоиом», грабят, давят, прессуют, осыпают градом глубочайших обид и оскорблеиий.

Горько, обидио, и злоба закипает иеугасимая в груди, когда видишь, иа какую простую, глупую, грубую шутку люди попадаются, как сельди в сети.

Человек хочет сделать шаг в сторону от этой сети; ои уже готов привести свое иамереиие в исполиеиие, как вдруг слышит грозиый окрик: «Смотри! Это карается закоиом». И люди, подчииияясь этому иелепому закоиу, убивают друг друга, ие зиая, для чего и во имя чего; идут сами иа смерть, исполияя волю кучки людей, преследующих корыстолюбивые цели. Бесцельио умирают тысячи молодых, сильиых людей, которые могли бы приолести колоссальиейшую пользу иароду; гибиут дети, жеиы, сестры, дочери и матери, падая и обагряя кровью уличиые мостовые под пулями вериых защитников закоиа.

Но в воздухе уже чувствуется что-то иовое для иашего иарода! Движеиие медлеииое, ио есть. Надо развить его скорость!

И я верю, — а иначе и жить иет смысла, — что иаступит пора, когда человечество, шагая через трупы товарищей и врагов, пройдет тяжкие испытаиия и среди смрада, зарева пожаров и разрушеиий увидит ее, всю облитую кроваво-красиым светом, великую, едииственную и могучую мать — свободу.

29 ноября. Днем.

Проходим Сочи, Адлер, Гагры. Чудиые, великолепиые виды.

Вот стоит в зелени белый и чистый на вид Афонский монастырь. Но сколько там грязи и разврата!

Ночь, пришли в Сухум.

21 декабря.

Работаем, что называется, полным ходом. Из рейса в рейс. Скоро праздники, но это не для таких, как я...

1 января 1917 года. Батум.

Новый год...

Что подаришь ты мне из трех вещей, которые лежат на пути моем: смерть, свободу или заключение?..

Я не боюсь и смело гляжу вперед, ибо верю, что выиграю...

Да здравствует жизнь! Труд!

Да здравствует борьба!

11 января.

Дождь, зарядивший надолго.

Мокро, грязно и слякотно... Стоим под парами... В кубрике жить нельзя, команда разбежалась, ибо течет полным ходом. Заявляли начальству — не обращают никакого внимания или начинают успокаивать тем, что «сделают»...

При таких условиях всякое желание работать отпадает...

...Занимаюсь перелистыванием книги Джека Лондона, которую читал уже за короткий срок раз шесть, и чтением старой газеты: некоторые места знаю наизусть.

Я люблю читать речи депутатов не оттого, что я слышу в них звуки смелой правды, нет — меня каждый раз приводит в восторг горячая речь оратора.

Почему?

Да потому, что я как живого вижу его, говорящего с увлечением, всей душой стремящегося вложить в мозг слушателя свои убеждения, свои идеи.

Каждая горячая речь приводит меня в восторг...

Ведь в такие минуты мы живем всем своим существом, волнуемся, и каждое слово, каждый звук есть выражение боли, скорби души, исстрадавшейся от лжи и оскорблений.

11 января. Ночь.

Ужасный вечер! Я никогда не чувствовал себя так скверно, так нехорошо, как сегодня. Тоска ужасная, кошмарная тяжелой пеленой окружила меня и начала, как удав, медленно, но упрямо душить. На душе стало сумрачно и хмуро, как в штормовую ночь. Хотелось бежать, но куда? Стоим на рейде, идет дождь, да и город представляет ночью печальную картину.

О чем тосковал?

Одиночество — вот причина. Я один, как волк среди зимней необъятной равнины...

Передо мною лежит книга «Солнышко красное». Я перечитываю и радуюсь, что купил. В ней есть многое, что поможет мне остаться человеком. Я как прочту, так делается легче. Вот такие люди, как этот герой Ислам, могут вырвать у жизни кое-что, не принимая ее благосклонные подарки.

О, поскорей, катись, время!.. Только не опередил бы меня наш милый надзиратель, виноват, полицмейстер. Да неужели не выберусь?.. Шансы, хотя и маленькие, но на моей стороне.

Вперед! Все для цели. Все для свободы!.. Трудиться, работать и чувствовать, что ты ни от кого не зависишь! О счастливейшая пора, когда ты наступишь?!

13 января. Ночь. 12 часов. Анатолия
Река Хопа. Шторм.

Сегодня пошли и, не дойдя до Вице, отдали якорь в Хопе. На море шторм, тысяча звуков — безумных, диких, грозных. Несется, плачет, рыдает могильным свистом ветер. Он то стихнет на мгновенье, то злым, сокрушающим порывом завертится, закружится в вантах, снастях, точно хочет догнать кого-то. Догнать нет мочи, и ветер в бессильной злобе бросается на все, что встречается ему по пути. Дождь крупными сильными ударами бьет о палубу.

Тепло в каюте — горит «молния», но кормовое помещение течет. Это ужасно. В сухом помещении можно выдержать очень долгий шторм, не ругая никого. Но как быть, когда мокро, холодно и сыро?

Я люблю штормовую погоду: она навевает неясную грусть, и все, что нарастает на душе зачерствелой корой, уходит куда-то далеко-далеко. В такие минуты я чувствую себя хорошо, — хочется подвига, страшного, рискованного, безумного. И я, ни на секунду не задумываясь, кинулся бы ему навстречу.

Хочется писать много, но качает. Все-таки буду продолжать. Вот моя жизнь сейчас — этот этап — до того тиха и спокойна, что трудно дышать.

Но, кажется, я попадусь здесь, если придут справки, а они их наводят.

За последние дни я чувствую что-то такое, что раньше не наблюдалось или приходило лишь на мгновенье, а теперь на долгие часы плотно и крепко улеглось в душе: это тоска о жизни, тоска и непонятная тревога.

После того как я жил и работал в Москве, все кажется бледным: опять сильно тянет к той жизни...

Я не верю в порывы. Что такое порыв? Мгновенное чувство, заставляющее подняться сразу на значительную высоту и могущее так же быстро низвергнуть гораздо ниже... Порыв в разрешении вопросов общественной жизни, когда они поставлены ребром, — это очень опасная и ненадежная игрушка.

Нет, тут нужно нечто иное, более прочное и могущественное. Нужна явная, разумная сознательность, когда вся воля собрана, когда молча объявлена борьба. Какой враг страшнее — тот, который, нападая, кричит, или тот, кто идет молча, стиснув зубы? Я думаю, что второй, — при встрече с таким врагом волосы на голове зашевелятся.

Когда человек скажет: «Да этого не должно быть, я не хочу работать в таких условиях»—и начнет медленно, спокойно распутывать узел общественной жизни, то у «художников», создавших этот узел, на душе станет хуже осенней ночи. Они увидят сразу, что их козыри тут слабы, игра проиграна.

Одна лишь сознательность способна сделать то, что не сделает масса порывов... Сознательность напоминает шквалы морского шторма, которые, равномерно катясь один за другим, сокрушают очертания берега, творят новые или размывают, уносят вглубь старые. Она дает свет, тепло, влагу и жизнь новому, и это новое живет до тех пор, пока оно в колее жизни.

Да здравствует то, чего не сокрушит ни штык, ни пулемет, ни цепь, ни сама смерть!

19 января. Ночь.

Читал сейчас Мэна «Охота за любовью». Очень дикая книжонка. Я только удивляюсь такого рода писателям, которые гнут из осины оглобли. На что,

спрашивается, мне все эти неврастеники миллионеры, на что все эти спекулянты и такие женщины, как Ута Энде, которые для достижения цели отдаются старикам? К чему же такими особами восхищаться? Искусство, где они для славы готовы бегать в ночных рубашках?

Что может быть общего между искусством и раздеванием? И как можно причислять фарсы к искусству? Это же подлость!

В жизни нашего общественного строя все так смешалось, все так перепуталось, что жизнь стала мрачной ночью лжи и самообмана. Люди сами гибнут и губят растущие молодые поколения, воспитанные на кошмарной лжи, обмане, самообольщении, которыми, как проспиртованные препараты, насыщены их отцы.

23 января. г. Батум.

Стоим в ремонте. Каких-нибудь два месяца, и — в путь на север. Эх, черт возьми, да неужели правда?! Вперед, все для того, чтобы только достигнуть цели!

Сижу голодный как волк, денег нет.

25 января. г. Батум.

Черт знает что делается. Жизнь дорожает каждый час. За последние двое суток только вечером мог поесть горячего — занял денег у заведующего отправками. В городе хлеба нет, и достать его почти невозможно.

Получил письмо от Виктора [1].

Да, в этом сидит другой человек, нежели во мне, этот скоро встанет на последние мертвые якоря в

[1] Младший брат Железнякова.

тихой пристани. Купит герань для окон, занавески, самовар медный, жену заведет...

Сундук его желаний небольшой, а потому он скоро его заполнит; малому кораблю малое и плавание!

26 января.

Ночи стоят чудные, божественные, лунные, в такую ночь лишь петь великие гимны жизни, борьбе и свободе.

31 января. Батум.

Сегодня был вызван в контору. Объявили, что дали прибавку в размере 20 рублей. Следовательно, я получаю 100 рублей. Это очень и очень утешительно, и если бы еще два месяца все обошлось благополучно, тогда я смог бы начать свое победоносное шествие к цели.

Видел Можанова, просил перевода на паровой. Он сказал, что меня переведут обязательно. Это меня утешает еще более, так как есть большие шансы делать рейсы между Трапезундом и Новороссийском, что меня очень радует...

...Читаю газеты изо дня в день. Больше и читать нечего. Но радости мало, лишь гнев и злоба каждый раз сильным вулканом кипят и клокочут в груди. Так много прекрасных слов, высокопарных фраз, после которых, кажется, будет не жизнь на Руси, а нечто вроде рая. А на деле?

Судьба Польши вручена сенаторам, явно враждебным всякому... малейшему освободительному движению. Еврейский вопрос лежит под сукном на столе антисемита. Крестьянское равноправие после долгого пережевывания, перевертывания брошено в темный угол архивов, чтобы вновь покрыться пылью. Рабочие организации запрещаются, а общест-

во фабрнкаитов н заводчиков дальше н шнре протягивает руки, набивая плотнее богатство, уложенное в кладовках и банках.

Общественная жизнь трепещет под давленнем властиой руки бюрократов. Оиа окружеиа всевозможиыми «вериыми слугами», во главе которых стоит духовеиство.

История повторяется, это правда; во времена французской революции неиавнсть к церквн достнгла апогея, так и теперь наблюдается течеине к этому. Общество довольно ясно понимает, что церковь сует свой нос далеко не в ту сторону, куда бы это следовало.

Жизнь отдельиых члеиов общества, особеиио семейиая стороиа, глухо заковаиа в цепи церковным кузиецом. В последнее время громко и уснленно иачали говорить о брачном вопросе, о разводе. Вопрос этот большой, н дотрагиваться до него, не давая положительного ответа, я счнтаю велнчайшнм преступлеиием, злоиамерениым растравлеиием иазревшего иарыва.

Время идет к тому моменту, когда общество станет лнцом к лнцу с двумя сильиыми, до безумия лживыми н хитрыми врагами, не стесняющимися в средствах для достижения цели, — правительством и церковью...

2 марта.

Стоим в Сурмние, есть иечего и купить негде. Возмущает халатиость комаидиров, их нерадение к делу.

Вот только сегодня занялись выгрузкой, когда началось волненне; когда же стояла чудиая погода, то ие выгружали. Эх, Россия, Россия!

Утро. 9 марта. Батум.

Итак, я граждаиии. Нечто новое появилось иа лице иашей земли. Император Николай отрекся от престола, и буржуазия встала у кормила правлеиия.

Карта Романовых бита. Замечательио то, что план выполиеи так точно, определеиио, как ои был запроектирован: председателем совета мииистров Львов, воеиный и морской мииистр Гучков и т. д. И вот теперь иачииается хитросплетениая, тоикая политика капиталистов. Но что получил народ?

Фигуры переставлеиы, игроки заияли свои места, игра иачалась — тоикая, ажурная. Эх ты, куцая свобода, как обкориали тебя!

10 марта.

Идем в Новороссийск.

Узиав, что «Принцесса Христиана» стоит в Новороссийском порту, Железняков иаправился на судио. Радостиой была встреча со Старчуком и другими товарищами.

— Где же ты сейчас мотаешься? — спросил Дмитрий.

— Плаваю иа буксиришке. Только с этим делом коичаю. Еду иа Балтику! Там дела веселей идут, — ответил Аиатолий.

Старчук одобрительио заметил:

— Я понимаю тебя, Аиатолий. Но и тут ты ие лишний. Помиишь, как ты призывал ребят на «Приицессе» объедиииться для борьбы против судовладельцев, этих иаших эксплуататоров? Так вот

прошу тебя, дружище, завтра на митннге крепко сказать — ты это умеешь, — как иадо бороться за свои права нам, чериоморцам.

— Ладно. Выступлю, — сказал Железняков.

...Последиюю запись в своем диевнике Железияков сделал 7 апреля.

7 апреля. Новороссийск.

Жизиь с 9 марта резко повериула течеиие и усилила свой бег. Было собрание моряков. Выхожу, говорю и начииаю жить той жизнью, о которой мечтал, — жизиью общественного деятеля.

Через несколько дней, тепло распрощавшись с друзьями-чериоморцами, Железняков направнлся к берегам Балтикн.

По дороге в Кроиштадт Анатолий заехал в Москву. Хотя он и торопился, он все же решил иесколько диеи побыть с родными и повидать своих старых друзей.

Богородцы обрадоваино ему сообщили:

— Вот хорошо, что приехал. У иас сегодия как раз мнтинг в театре «Колнзей». Прибыли ораторы из Москвы и Петрограда. Но только меньшевики да эсеры.

— Ты за какую партию стоишь? — спросил у Аиатолия одии нз старых ткачей.

— Пошли иа мнтииг. Там увидим, кто за кого,— ответил Железняков. — Вы мие вот что скажите, братки, как сейчас поживаете при «свободе»? Как Морозов, подобрел?

— По-прежнему душит нас и жиреет. Как был кровопивцем, такнм н остался, — сказал одии из рабочих, шагавший рядом с Аиатолием.

— Пора вам сбросить этого мироеда со своих плеч, — посоветовал Железняков...

Зал театра был переполнен. Митинг только что начался.

Председатель, приезжий меньшевик, призывал одобрить деятельность Временного правительства, чернил партию большевиков.

Железняков поднял руку и крикнул:

— Прошу слова!

Разоблачая клеветнические измышления меньшевистского оратора, высмеяв его призывы выразить доверие Временному правительству, Анатолий говорил о трех веках царского самодержавия в России, о борцах за свободу, замученных в рудниках Сибири.

— Я еще молодой, не видел того, что видели вы, старые люди, сколько тысяч мучеников прошагали по Владимирке на каторгу! Эта дорога близко от вас, рядом проходила.

— Долой большевистского агитатора! — закричали меньшевики.

Но Железнякова не смутили эти выкрики. Он с еще большим пафосом говорил:

— Товарищи, Ленин — это душа народа, это наша вера в будущее, наша опора.

Зал гремел от оваций.

Моряк закончил свою речь словами:

— Да здравствует Ленин! Долой правительство буржуазии! Да здравствует власть Советов!

Под новый грохот аплодисментов Анатолий спустился со сцены. Рабочие подхватили его на руки и начали качать...

СНОВА НА БАЛТИКЕ

Пароход шел в Кронштадт. Уже далеко за кормой осталось широкое устье Невы. Несмотря на свежую погоду, Железняков не уходил с верхней палубы. Он был счастлив, что снова видит чернеющие вдали форты Кронштадта и знакомые маяки.

Анатолий всматривался в лица пассажиров. Но все это были незнакомые люди. Среди них было много фронтовиков. Он подошел ближе к ним и стал прислушиваться к разговорам.

Один солдат говорил, по-видимому отвечая на чей-то вопрос:

— Война? К черту! Хватит, надоела она. Все измучились! Теперь скоро сменим пушку на соху! Земли для пахоты бери сколько хочешь. Свобода!

Стоявший рядом с ним другой солдат возмущался:

— Для чего воюем? Для кого?

— Воюем, братец, не для себя, а для буржуев, — отвечал ему светлобровый пехотинец со свежим шрамом на высоком лбу.

Какой-то штатский спросил:

— А как настроение у солдат?

— Доля наша на фронте и сейчас собачья. Офицеры греют солдата по-старому. Держат нас в таком же режиме, что и при царе. А говорят: «Мир хижинам — война дворцам». Откуда же хорошему настроению быть?

— Правильно толкуешь, пехота, — согласился стоявший рядом с солдатом судовой кочегар.

— Зачем двигаете в Кронштадт? Откуда приехали? — предлагая фронтовику закурить, спросил участливо Железняков.

— Я уж говорил тут, откуда едем, — ответил солдат, осторожио беря папиросу загрубевшими пальцами. — Из двеиадцатой армии мы. Делегация от полков, что под Ригой стоят. Ходят слухи, будто большевики в Кроиштадте открывают пути-дороги для иемцев. Петроград с морской стороиы без защиты остается. Революция, сказывают, в опасности.

— А вы и поверили такой брехие? — ие выдержал Анатолий.

— Да ведь как ие поверишь, — ответил светлобровый пехотииец. — Газеты печатают. Комитетчики иаши полковые и ротиые поясияют...

— Не те газеты читаете! И не тех людей в свои комитеты избираете! Сами вот толкуете, что офицеры держат солдата в старом режиме, а верите их клевете иа балтийцев! Балтийцы всегда были иа стороие революции, — горячо заговорил Железияков.

Солдаты были явио смущеиы.

— Да ведь иаше дело какое? Наше дело малеиькое, — иарушил молчаиие светлобровый солдат. — Должиы выполиять волю собрания. Нас избрали окопиики и сказали: «Вот мандаты вам. Езжайте в Кроиштадт и проверьте все...»

— Вам правильио сказал товарищ, что все это подлая брехня о Кроиштадте, — вмешался в разговор высокий матрос. На ленточке его бескозырки горели позолочеииыми буквами два слова: «Заря свободы». Увлекшись беседой с солдатами, Аиатолий ие заметил, когда ои подошел.

— Никаких мы путей-дорог иемцам ие открываем, — продолжал ои. — Власть в городе иаходится в руках Совета рабочих и солдатских депутатов.

Ои поддерживает в городе строгий революциониый порядок.

Солдаты с жадиостью ловили слова матроса. В эти дии оии слышали столько клеветы на Кронштадт, простое слово очевидца было для иих очеиь важио.

— Нас обвиняют в аиархии, — продолжал матрос. — А кто? Буржуазия и ее соглашатели. Все дело в том, что мы ие доверяем Времеииому правительству. Волю иарода эта власть не выполняет. Почему до сих пор идет войиа? Для кого мы воюем?

— Вот и мы об этом говорим. Для кого? — подхватил солдат-фроитовик.

— Войну надо кончать. Мы, кроиштадтцы, за ленииские, большевистские лозуиги. Мы избрали своих представителей в Цеитробалт. — Видя, что окружающие ие совсем поняли его, матрос поясиил: — Это иаш комитет. Ои коитролирует деятельность комаидоваиия флотом, пресекает всякую коитру.

В это время пароход загудел, подходя к пристаии у Петроградских ворот. Пассажиры хлыиули к трапу, оттесиили Аиатолия от матроса, и ои потерял его из виду. А так хотелось его о миогом расспросить...

На пристаии стояли часовые, проверяли докумеиты.

— Где ты ее взял? — спросил одии из них, рассматривая старую флотскую киижку, предъявлеииую Железияковым.

— Тут ясио сказано. Флот выдал.

— Но это липа, а ие докумеит. По таким бумажкам мы ие пропускаем в Кронштадт с тех

пор, как дали по шапке царю Николашке, — разъяснил часовой.

Не слушая объяснений, часовые вызвали караульного начальника. Посмотрев документы Анатолия, тот приказал:

— Проводите его к товарищу Пожарову.

Часовой повел Железнякова в город, в Кронштадтский Совет.

— Не беспокойся, братишка, сейчас вот придем к товарищу Пожарову. Он человек понимающий, душевный... — говорил часовой Анатолию.

— Кто это такой, ваш Пожаров? — спросил Анатолий.

— Матрос-большевик, депутат нашего Кронштадтского Совета. Сейчас он во всем с тобой разберется.

Убедившись при разговоре, что перед ним тот самый Железняков, который из-за преследования самодержавия вынужден был оставить военную службу и перейти на нелегальное положение, Пожаров обрадованно воскликнул:

— Так вот ты какой орел! Много, много рассказывал о тебе товарищ Груздев...

— Груздев? Федор? Где он сейчас?

— Сейчас его нет здесь. Выехал на сухопутный фронт. Надо разъяснять солдатам правду о нашем Кронштадте. Ты, наверное, знаешь, читал в газетах, какую клевету распространяют о нас?

— Знаю. Сегодня, когда собирался сюда, на пароходе видел делегацию солдат от двенадцатой армии. Я им твердо заявил, что кронштадтцы никогда не былн н не будут предателями революции!

Пожаров одобрительно сказал:

— Вижу, что ты из тех, кто не подведет нас, кто

будет драться за нашу революционную балтийскую честь!

Железняков заверил с пафосом:

— Товарищ Пожаров, прошу передать всем членам Центробалта, что матрос Железняков снова в боевом строю и не пожалеет своей жизни для борьбы с контрой!

— Скажи мне, что ты сейчас хотел бы делать, где служить? На корабле или в какой-нибудь береговой части?

С небольшой заминкой Анатолий ответил:

— Думаю пойти в машинную школу сдавать экзамены. Ведь я и в бегах все время не расставался с учебниками. Хочу быть механиком на революционном корабле!

— Молодчага! Будем надеяться, что экзамен ты выдержишь. По нашему настоянию начальник всех морских сил Кронштадта издал приказ: каждый желающий держать экзамен по специальности, даже если он не обучался в школе, но имеет практический опыт, должен быть допущен к экзаменам.

— Вот здорово! — просиял Железняков.—А насчет опыта... — Он показал Пожарову свои руки, покрытые мозолями.

— Все понятно. А к какой партии принадлежишь? — спросил Пожаров.

— В партию я еще не вступил... — тихо ответил Железняков.

Видя смущение Анатолия, Пожаров дружелюбно добавил:

— Ну ладно, об этом мы с тобой поговорим в следующий раз. А вот как быть с новой флотской книжкой? — И после минутного раздумья сказал: — Ладно, приходи завтра сюда. Я поговорю о тебе с начальником штаба. Пока же напишу-ка я тебе

записку. Иди к начальнику порта, там получишь новое обмундирование, а то ты... в такой робе совсем не похож на военного моряка.

Проходя по улицам и набережным, Железняков видел, как изменился Кронштадт.

Крепость переживала волнующие дни новой жизни. Казалось, даже волны Финского залива стали веселее плескаться у гранитных стенок старинного порта Кроншлот, звонче рассыпались по гаваням корабельные склянки. Всюду красные знамена и плакаты с революционными лозунгами. Сорваны у входов в Петровский парк старые дощечки с надписью: «Вход собакам и матросам запрещен».

Проходя через Якорную площадь, Железняков обратил внимание на памятник адмиралу Макарову. В бронзовой руке прославленного русского флотоводца краснел флажок...

Из порта Анатолий вышел в полной матросской форме и решительно направился к зданию Морского инженерного училища. Объявления, расклеенные по городу, звали матросов и солдат гарнизона на общебазовое собрание.

Исполнительный комитет Кронштадского Совета собрал представителей всех воинских частей крепости, чтобы обсудить ответы на пять вопросов, заданных от лица Временного правительства приехавшими в Кронштадт министрами Скобелевым и Церетели:

об отношении Кронштадта к центральной власти;

о правительственном комиссаре;

о военных и морских начальниках;

об органах местного самоуправления;

об арестованных комиссарах.

Часовые не пропускали Железнякова в зал, требуя предъявить документы.

Собранне уже началось. Слышио было, как в в зале выступали ораторы. А представители частей все еще прибывали и прибывали.

Железияков ие отходил от двери и настойчиво доказывал, что ему обязательио иадо быть иа этом собраиии.

— Не имеем права пустить тебя, если у тебя иет никакого...

Этот диалог между часовым и Железняковым прервал подошедший Пожаров.

— Что случилось, товарищ Железияков?

— Не пропускают меня, — с досадой сказал Железияков. И прибавил: — Вот так свобода...

— Правильио поступают, — улыбиулся Пожаров. — У нас порядок строгий. — И, обратившись к матросу с красиой повязкой иа рукаве, сказал: — Пропустите товарища.

Матрос приложнл руку к бескозырке:

— Есть пропустнть, товарищ Пожаров!

Анатолий с трудом протиснулся сквозь плотио спрессованную людскую массу и стал в углу зала. Прения разгорались. Один за другим подимались иа сцеиу ораторы. Говорилн представителн большевистской партии и эсеры, меиьшевнки и аиархо-синдикалисты.

Железняков прнстально всматривался в ряды, иадеясь увндеть кого-лнбо нз старых товарищей.

— Как фамилия вои того, в студеической тужурке? — тнхо спросил он стоявшего рядом с иим кореиастого матроса.

— О ком спрашиваешь? — спроснл тот, продолжая смотреть вперед.

— Да о председателе, — сказал Железияков.

Матрос поввериул голову н уставился на Железнякова:

— Ты что, товарищ, с луны свалился? Не узнал Рошаля?

Анатолий смутился. Так вот он какой, председатель Кронштадтского комитета партии, любимец матросов!

Еще в Новороссийске он читал, как в буржуазных газетах враги революции клеветали на Семена Рошаля. Но даже самые бессовестные писаки не могли скрывать того, что это большевик железной стойкости, непримиримый к своим политическим противникам, преданный всем сердцем Ленину...

Под выкрики «Позор!», «Предатели!» и пронзительный свист матросов и солдат произносил речь лидер кронштадтских эсеров Брушвит. Анатолий старался пробиться ближе к сцене.

— Не слушайте большевиков, — уговаривал эсер. — Они предатели революции. Их руководители приехали в запломбированном вагоне из Германии.

Дальше уже ничего нельзя было разобрать. Зал взорвался протестующими голосами: «Довольно!», «Долой!», «Демагогия!».

Вместе со всеми кричал и Анатолий. А когда шум начал стихать, он потребовал:

— Дайте слово! — И стал пробиваться ближе к президиуму. — Прошу слова! — повторил он еще решительнее.

Зал притих. Рошаль поднялся с места.

— Вы хотите выступить, товарищ? — обратился он к Железнякову.

— Да. Я хочу ответить этим господам, — кивнул он в сторону Брушвита.

— Вы какой партии, товарищ? — спросил Рошаль.

Железняков, не задумываясь, ответил:

— Партии «Долой войну!».

— Вас серьезно спрашивают, — строго сказал Рошаль.

— А я серьезно и отвечаю. Запишите так, как прошу.

Бледное лицо Рошаля осветила улыбка:

— Ну хорошо. С какого корабля?

— С броненосца «Смерть буржуазии!».

— Нет такого броненосца! — крикнул кто-то из притихшего зала.

— Будет! — уже задорно ответил Железняков. Он был уже почти у самой сцены, но не видел, как сидевший за столом президиума матрос с надписью на бескозырке «Нарова» наклонился к Рошалю и что-то говорил.

Притихший зал снова начал шуметь. Послышались голоса:

— Толком скажи, откуда ты?

— Из какого соединения?!

Рошаль сильно затряс председательским звонком, призывая к порядку.

— Внимание! Товарищи делегаты! Мне только что сообщили, кто этот товарищ. Слово предоставляется матросу, бежавшему от преследования за революционную деятельность с царского флота, товарищу Железнякову!

Как волной, качнуло ряды черных бушлатов и фланелек, серых шинелей и темно-синих кителей. Загремело:

— Ура-а-а! Ура-а-а! Железняков!

Анатолий был ошеломлен таким приемом. Не знал он, что не было на Балтике такого корабля или береговой части, где бы не было известно о его смелом побеге с «Океана» в июне 1916 года.

Рошаль поздравил Железнякова с возвращением и сказал:

— Начииайте, товарищ Железияков.

В зале иаступила полиая тишииа.

— Товарищи! — заговорил Железияков. — Я только сегодия вериулся в Кронштадт. Но о вашей героической борьбе все зиал, еще будучи иа Черном море. Я все слышал, что говорили тут разиые эсеры, меиьшевики и прочие их друзья, готовые пятки лизать буржуям!

Поднялся беспорядочиый шум. Одни кричали: «Правильио!», «Так их, крой, братишка!». Другие надрывались: «Долой!», «Закройся!».

— Тише! — во весь голос крикиул Анатолий. — Чего раскудахтались, курочки буржуйские? Где были вы, когда за нами гоиялись жаидармы? Своими делами вы помогаете сиова посадить иа матросскую и солдатскую спииу царских живоглотов!

Все, что иакопилось иа душе, вся горечь обид против иасильииков и сегодияшиих их защитииков, — вылилось в этих страстиых словах.

Притихнув, делегаты слушали молодого матроса.

Аиатолий взглянул в сторону, где перешептывались эсеры.

— Вы кричали здесь, господии эсер, что Времениое правительство силой заставит Кронштадт подчиииться, если ие выдадим царских офицеров и будем продолжать борьбу за власть Советов. Тоика кишка у буржуев, чтобы справиться с Балтикой! И даже с вашей помощью буржуазии не удастся прибрать к рукам флот! Нет, ие будут иас больше перекидывать за борт с колосииками иа шее! Не выйдет такое дело!

В зале снова подиялся гвалт. Кто аплодировал, кто свистел, орал: «Долой! Долой!»

— Молодец, Железняков, молодец! — подбодрил его Рошаль.

Распалясь еще больше, Железняков продолжал:

— Никакие старорежимные шкуры, никакие керенские не остановят нас на полпути! Никому не заглушить в наших сердцах готовности биться с буржуазией до последней капли крови! Никаких уступок буржуазному правительству!

Закончив свое выступление, Анатолий хотел сойти со сцены в зал, но Рошаль схватил его за руку.

— Подождите, товарищ Железняков. Садитесь здесь, — указал он на свободный стул. И объявил: — Слово для предложения имеет товарищ от делегации минного заградителя «Нарова».

Неторопливо шагнул тяжелой походкой к краю подмостков пожилой матрос и сказал:

— От делегации минного заградителя «Наровы» просим считать, что товарищ Железняков Анатолий Григорьевич вернулся на флот служить революции. Товарищ Железняков прошел у нас на Балтике службу на учебном судне «Океан». Теперь надо зачислить его к нам, на «Нарову». Мы надеемся, Центробалт удовлетворит нашу просьбу.

В ответ раздались аплодисменты..

Собрание продолжалось. Анатолий жадно слушал. Через горячие речи большевистских ораторов он входил в жизнь крепости, в которой не был почти год, ему становились понятными и близкими заботы и тревоги кронштадтцев.

И он всем сердцем одобрил ответы, за которые проголосовало большинство Совета:

кронштадтцы признают Временное правительство и подчиняются ему, потому что за это сейчас большинство революционной демократии, но они оставляют за собой право критики правительства, не доверяя ему;

кроиштадтцы иастояли на выборности комиссара, представляющего Времеииое правнтельство;

члеиам Совета оии заявили, что ие будут препятствовать общегосударствеииым оргаиам демократического самоуправлеиия и суда;

большииством голосов собраиие отказалось выдать Времеиному правительству арестоваииых офицеров-старорежимииков.

После собрания Железиякова окружили матросы. Старые зиакомые по машииной школе, по службе иа «Океаие» подходили, жалн руку. Вопросам ие было коица. Но что он мог им ответить? Да, ои вериулся иа флот, чтобы служить революции.

Вечер после базового собраиия Железияков провел со своим старым другом — матросом Алексаидром Комаровым, с которым иачииал воеиио-морскую службу на Балтике в 1915 году, а затем учился в Кроиштадтской машинной школе. Много иадо было поведать друг другу о пережнтом.

Комаров рассказал Аиатолию, какнм штормом проиеслись иад Балтикой первые дни Февральской революцни.

После получеиия известня о свержеинн с престола царя Николая II матросы расправнлнсь с командующим флотом адмиралом Непениим и главиым командиром порта вице-адмиралом Виреиом. Миого лет бесчеловечно, нздевательски обращались оии с матросами. Балтийцы припомнили извергу Вниреиу, как он собственноручно бнл матросов и заставлял их отдавать честь даже своей лошади, оин напомнили о тех своих товарищах, что по его воле погибли в сибирской ссылке н тюрьмах. Видя, как матросы рассчнтываются с главиымн

заправилами Балтийского флота, их сподручные поспешилн скрыться из Кроиштадта.

— Мы здесь ие дремали, — сказал Комаров.

Друзья иаправились к жнвопнсиому Петровскому парку, примыкающему к военной гаваии. Оиа была заполиеиа кораблями всех классов, среди иих иаходился и миииый заградитель «Нарова».

Железияков поведал другу свою тревогу. Он иаходился иа иелегальиом положении: буржуазное Времеииое правительство не отменило введеииую при царизме смертную казнь за побег из армии и флота в военное время.

Комаров посоветовал ему обратиться к иачальиику отряда миииых заградителей капитаиу первого раига товарищу Ружеку.

— К кому? К Ружеку? — удивлеино спросил Аиатолий. — Ведь это же старорежимиый...

Но Комаров успокоил:

— Не все старые офицеры остались вериыми царскому режиму. Миогие из иих стали честио служить революции. Вот, к примеру, Ружека иазиачилн иачальииком отряда миииых заградителей Балтийского моря по предложению и настояиию самих комаид. Так сами матросы решили. Тебе обязательио, Толя, иадо поговорить с товарищем Ружеком...

Утром, когда иад «Наровой» подияли флаг, Железияков быстро иаправился к миизагу и попросил вахтеииого доложить о своем приходе председателю судового комитета, тому самому, который иакаиуие вечером возглавлял делегацню иаровцев иа общебазовом собраиин.

Вериувшись, вахтеиный сказал:

— Мие приказаио провести тебя к иачальнику отряда капитаиу первого раига товарищу Ружеку.

Это было неожиданным для Железиякова, и ои даже иемиого растерялся. Но, взяв себя в руки, ои твердо зашагал за вахтенным.

Навстречу вошедшему Аиатолию поднялся из-за стола моложавый офицер. На кителе его ие было погои, и только иа рукавах блестели широкие золотистые иашивки. Он любезно предложил Железнякову присесть и сразу заговорил по-дружески:

— Мие доложили уже, товарищ Железняков, как участиики общебазового собрания вчера горячо приветствовали ваше возвращение иа Балтику...

— И до полиого разгрома коитрреволюции я иикуда отсюда ие уеду! — заявил Аиатолий. — Прошу вас помочь мие, чтобы зачислили в команду миизага «Нарова».

— Я поговорю с комаидиром корабля, — ответил Ружек.

На следующий деиь леиточка иа бескозырке Железиякова блестела изваиием корабля «Нарова».

Начался иовый, самый яркий и плодотворный период деятельиости Аиатолия Железиякова, период героических подвигов во имя счастья своей Родииы.

Железняков близко сходился с руководителями большевистской оргаиизации Кроиштадта Семеиом Рошалем и Тимофеем Ульяиовым. Оии помогают ему овладеть революциоиной теорией, приглашают его в партийиый клуб иа лекции и доклады.

На 1-м съезде представителей Балтийского флота, куда Железияков был избраи от кронштадтцев в числе 38 делегатов, иачалась его дружба с

руководителями Центробалта большевиками Дыбенко и Ховриным.

Железняков начинает работать по заданиям большевистской организации...

Широким треугольником между каменной стеной портовых складов, глубоким рвом и величественным собором лежит Якорная площадь. С первых дней Февральской революции непрерывно с утра до вечера бурлило на ней человеческое море.

Чем острее становилась борьба между революционными кронштадтцами и буржуазным Временным правительством, поддерживаемым меньшевистско-эсеровскими предателями революции, тем раскаленнее становилось дыхание митингов.

Здесь выступали самые видные деятели эсеровской и меньшевистской партий — министр труда Скобелев, генерал Корнилов, эсерка Брешко-Брешковская, прозванная «эсеровской богородицей», и многие другие. Но никакие антинародные краснобаи не могли поколебать стойкости балтийских матросов, солдат крепостного гарнизона и рабочих Кронштадта, стоявших полностью за большевиков. Железняков был активным участником происходивших здесь политических боев. Матросы любили его слушать. Речь его была яркой, образной, меткой.

Сломить сопротивление кронштадтцев наконец явился сюда сам «главноуговаривающий» Керенский.

Пока подходили к площади запоздавшие части и рабочие Морского завода, вокруг «важного» гостя и его свиты собралась большая толпа любопытных.

Все с интересом разглядывали человека, именуемого буржуазной прессой «спасителем революции».

Болезненно бледное, с припухшими веками лицо

Кереиского было аккуратио выбрито. В сукониом темио-зеленом фреиче без погои, в галифе н башмаках с обмотками, воеиный и морской мииистр походил иа разжалованного прапорщика.

Желая казаться приветливым, Кереиский обратился к матросу, иа бескозырке у которого золотилась иадпись «Гаигут».

— Как, товарищ, пойдете воевать, если свободиая Россия призовет вас к этому святому долгу революции?

— Смотря какая будет погода, — ие задумываясь, ответил гангутовец.

— При чем здесь погода, — возмутился мииистр.

— Штиль будет — может, и пойдем, — улыбиувшись, поясиил матрос.

В толпе раздался смех.

Не зиая, как реагировать на такую явиую иасмешку, министр почему-то снял фуражку. Под лучами солица его подстриженная бобриком голова казалась совсем рыжеволосой. Он круто повериулся к комаидующему Балтийским флотом Вердеревскому:

— Почему ие начииаете митинг?

Адмирал взял под козырек.

— Не могу зиать, Александр Федорович. Здесь они хозяева, — презрительно кивнул адмирал в сторону матросов.

В сопровождеиии члеиов Цеитробалта и депутатов Кроиштадтского Совета к трибуие подошел Семеи Рошаль. Ои слышал последиие слова Вердеревского.

— Сейчас иачием, господа, — сказал Рошаль, подиимаясь иа дощатые подмостки, обитые красиой материей.

При появлении иа трибуие вожака кронштадтских большевиков площадь быстро стала умолкать.

Открыв митииг, Рошаль произнес иебольшую речь, в которой изложил непоколебимую волю кронштадтцев бороться за власть Советов и всеми мерами препятствовать продолжеиию империалистической войны.

Когда стихли возгласы одобрения, Рошаль объявил:

— Слово имеет мииистр Кереиский.

Всех очеиь иитересовало, что скажет сам «главиоуговаривающий».

Керенский начал с делаииым пафосом:

— Приветствую вас, доблестные балтийцы, славиые потомки героев Гангута, Гренгама, мучеников Свеаборга, «Памяти Азова», Шлиссельбурга!..

Мииистр говорил долго и цветисто. Ои пересыпал свою речь образными короткими фразами и сверкающими сравиеииями. Твердо чекаия слова, оратор почти кричал:

— Храиите великие завоеваиия революции! Истерзаииая, истекающая кровью свободиая Россия ждет от вас великих подвигов!

Тои его речи был приказиой:

— Имеием революции!.. Именем свободной России!.. Я приказываю! Я требую!..

Кереиский выбросил руку вперед и повысил голос:

— Я зову вас иа борьбу за великую свободу! Не на пир, а на смерть зову! Балтийцы, скажите, кто из вас ие хочет умереть под свящеииыми зиамеиами свободы?!

— А ты сам хочешь? Попробуй! — крикнул кто-то из толпы.

После минутной паузы Керенский вдруг угрожающе потряс рукой:

— Кронштадтцы, балтийцы, опомнитесь! Большевики толкают вас в пропасть! Вы предаете свободную Россию!

Раздались протестующие свистки и крики:

— Довольно! Долой! Хватит!

— Будя! — почти в упор оратору прокричал стоявший у самой трибуны пожилой бородатый солдат.

Керенский окинул площадь растерянным взглядом и быстро сошел с трибуны. Он хотел тут же уехать, но толпа не дала ему пройти к автомобилю.

— Теперь ты послухай нас, «спаситель России»! Куда бежишь? — преградил путь Керенскому солдат, который кричал «Будя!».

На трибуну поднимались ораторы. Они от имени фракции большевиков Кронштадтского Совета давали отповедь «спасителю революции».

Керенский отступил подальше от трибуны и стал о чем-то перешептываться с Вердеревским.

Семен Рошаль подозвал к себе Железнякова, который находился поблизости.

— Даю тебе слово, Анатолий. Скажи покрепче. Ты это умеешь.

Появление на трибуне Железнякова, с лихо сбитой бескозыркой на волнистой шевелюре, было встречено одобрительными возгласами.

— А ну поддай ему, браток! — кричали в толпе, указывая на Керенского.

— Раскатай его по-нашему, по-балтийски!

Анатолий начал сразу с большим подъемом. Речь его неоднократно прерывали овациями.

Оратор повернулся к Керенскому.

— Вы тут миого говорили, господии мииистр, о поддержке вашего правительства, о великом долге моряков перед революцней, о ее священиых зиаменах. Но на наших знаменах объявлен лозуиг ясиый и правый: «Мир без аннексий и контрибуций!» Вот как сказано, господнн мнннстр: «Мнр!» А вы все талдычите нам о войне, о защите «свободиой России». Кому нужна наша войиа?.. Товарищи балтийцы, скажите сами миинстру, чего вы хотите: войиы илн мира?

— Мира! Мира!

— Пусть воюют те, кому жизнь надоела!

— Кончать войиу! Повоевали, будя!

Аиатолий вызывающе посмотрел иа Кереиского.

— Вы слышите, господин миинстр, что отвечает Балтика? Кто хочет умирать за буржуазию, за ваше капиталистическое правнтельство, пусть идет на фронт, мы его не задержим! Но матросы будут бороться за мир, за власть Советов!

Керенский метиул злобный взгляд иа Железиякова:

— Так могут говорнть только взбуитовавшиеся рабы!

Площадь загудела еще разъяреииее:

— Ишь ты, рабовладелец какой объявился!

— По шапке его, защитника буржуев!

Рошаль махиул рукой матросам, окружавшим автомобнль Керенского:

— Отойдите, товарищи!

Толпа начала расступаться, образуя свободный проход от трибуны.

— Пожалуйста, господин мииистр. Вы можете ехать. У нас к вам вопросов больше нет.

«Спаснтель Россин» кинулся к автомобнлю. Подиимая пыль, машина помчалась к Петровской

гавани. Там министра ожидал эскадренный миноносец.

Якорная площадь продолжала шуметь речами матросов, солдат и рабочих, повторявших, как слова священной клятвы:

— Советы! Ленин! Мир!

Шел июнь. Представители США, Англии и Франции в Петрограде усиленно нажимали на Временное правительство. Они требовали принятия решительных мер против надвигающейся социалистической революции, немедленного наступления русских войск на Западном фронте.

Посол США Фрэнсис говорил министру Керенскому:

— Наша служба информации сообщает, что большевики с каждым днем усиливают свое вредное влияние. Идеи Ленина наводняют города, села, разлагают солдат в окопах... А вы только уговариваете! Большевиков нужно беспощадно уничтожать!

— Мною принимаются все меры, мистер Фрэнсис, — осмелился перебить посла Керенский.

— Главная ваша ошибка, мистер Керенский, — разъяснил Фрэнсис, — заключается в том, что вы проявляете преступную нерешительность... Я еще ранее, в апреле, предупреждал министров Временного правительства, что нужно более решительно расправляться с большевиками.

Посол неторопливо закурил сигару.

— Но вы до сих пор ничего не сделали, как говорится, бьете по воздуху. Расшевелите фронт! Наступлением вы поднимете свой авторитет в деловых кругах и покончите с влиянием большевиков.

— Но... — пробовал возражать Керенский.

Фрэнсис зло продолжал:

— Удачное наступление — и вы будете...

По бледному лицу Керенского пробежала нервная дрожь.

— А если наступление не удастся?

Фрэнсис раздраженно бросил сигару.

— Свалите вину на большевиков, разложивших армию.

Керенский порывисто встал, выпрямился, приняв наполеоновскую позу.

— Хорошо, мистер Фрэнсис. Передайте президенту, правительству вашей страны и нашим союзникам, что я сделаю все возможное... 19 июня начнется наступление против немцев на фронте и против большевиков — в тылу...

Керенский не обманул посла Америки мистера Фрэнсиса. Он дал приказ возобновить наступление русской армии на Западном фронте уже 18 июня, а не 19 июня, как обещал. Вновь загрохотали орудия. Снова полилась кровь.

Проспекты, улицы и площади Петрограда 18 июня были заполнены сотнями тысяч рабочих. Демонстранты несли красные знамена и плакаты с лозунгами: «Долой контрреволюцию!», «Долой десять министров-капиталистов!», «Вся власть Советам!», «Долой империалистическую войну!».

По указанию Центробалта из Кронштадта, Ревеля и других морских портов в Петроград для участия в мирной демонстрации прибыли тысячи моряков. Одну из групп матросов-кронштадтцев возглавлял Анатолий Железняков. Эта мощная демонстрация воистину была мирной! Ни одному моряку не было разрешено взять с собой оружие.

Красный Пнтер был похож на бушующее море. Воздух оглашался революционными песнями и звуками музыкн.

Под лучамн нюиьского солнца шествие тянулось к Марсову полю, миновало могилы жертв Февральской революции, растекалось по набережиым Невы, площади Знмиего дворца. И казалось, ие было шествию коица.

«Когда же иаконец прекратится этот иепрерывиый гул толпы?» — думал командующий Петроградским военным округом генерал Половцев. В этот момеит в кабниет вошел его адъютаит.

— Вы проверили, господии полковиик, как обстоит дело с правнтельствеииыми лозуигами, которые были вывешены на Марсовом поле и в других местах? — обратился Половцев к адъютанту.

— Все оии сорваиы, — ответил адъютант.

— Приияты лн меры, чтобы в демоистрации ие участвовали солдаты? — продолжал Половцев.

— Так точно, господии геиерал. Одиако иесколько полков вышли иа демоистрацию в полиом составе.

— Это возмутительио! — вскипел комаидующий. — Вы проверили, какие это полкн?

— Московский, Кексгольмскнй, Волынский...

— Даже Волынский? — прервал Половцев адъютанта.

— Так точио, господин геиерал.

Половцев, задумавшнсь, барабаинл пальцами по столу. Адъютант почтительно умолк.

Генерал вздрогнул, точно пришел в себя.

— Что же вы замолчали, господии полковиик? Продолжайте, я слушаю вас.

— Политические заключеиные в «Крестах» предъявили требоваиие об освобождеиии их.

— Что?! — вскочил из-за стола генерал.

— Да, заключенные угрожают, если их требование не будет удовлетворено, они поднимут бунт...

— Бунт? — обрадованно переспросил Половцев. — Прекрасно. Будет преступлением с нашей стороны, если мы не используем это. Для спасения России от большевизма мы должны идти на все... Передайте мой приказ: усилить охрану политических заключенных и устроить «побег» уголовных... Сделаем так, чтобы можно было обвинить в этом большевиков.... Соедините меня по телефону с господином Переверзевым...

Провокационный план был выполнен с молниеносной быстротой. Меньше чем через два часа после разговора Половцева с министром юстиции Переверзевым 460 арестованных за уголовные преступления устроили «побег». А к вечеру все буржуазные газеты сообщали о том, что побег из «Крестов» 460 опасных для общества преступников, которые якобы перебили администрацию и обезоружили стражу, был совершен... по подстрекательству большевиков!

Население Петрограда заверяли, что сильно обеспокоенное его судьбой правительство приняло срочные меры для поимки бежавших и привлечения к суровой ответственности «главных организаторов этого преступления...»

Демонстрация уже давно закончилась, но повсюду были толпы народа. Митинговали. Пели песни. В садах и парках танцевали под гармошки. В городе еще не знали, что на фронте снова загрохотали пушки...

Железняков с группой матросов направился к даче Дурново.

Богатый особняк с белыми колоннами стоял в большом парке. Перед главным входом висела вывеска «Клуб рабочих и солдат». На бывшей даче крупного царского сановника разместились теперь правления нескольких профсоюзов.

«Самовольный» захват дачи рабочими организациями вызвал возмущение буржуазной печати, кричавшей о наступлении анархии. Воспользовавшись тем, что небольшую часть здания занял штаб анархистов, министр юстиции Переверзев пробовал предпринять несколько попыток выдворить «захватчиков» дачи военной силой.

Кронштадтцы пошли к даче через Летний сад. Здесь было особенно весело и людно. Отовсюду неслись веселые шутки, смех. Античные скульптуры были украшены красными бантами и лентами.

Матросы разбрелись по парку, а Анатолий пошел в клуб. Там под нестройную музыку нескольких балалаек и гармошек танцевала молодежь. В стороне собралась группа рабочих, обсуждавшая сообщение вечерних газет.

— Неспроста так раздувают этот побег, — хриплым баском говорил пожилой выборжец. — Ишь сволочи! «По подстрекательству большевиков»!

— Ума не приложу, как могло столько человек бежать из «Крестов»? Сидел я там, знаю хорошо эту тюрьму, — сказал высокий старик.

Матросов в зале не было, и Анатолий вышел в сад, прилегающий к даче Дурново. Здесь он встретил своих балтийцев с броненосца «Пересвет». Они также решили переночевать в Питере. С ними был знакомый Железнякову рабочий Прохоров с завода «Феникс».

Постепенно парк опустел. Матросы вместе с Прохоровым вошли в здание клуба.

Вдруг с улнцы вбежал один из служащнх клуба н, запыхавшнсь, тревожно сообщнл:

— Мы окружены! Дача в кольце войск!

— Товарнщн! Спокойствне! — крнкнул Железняков. — Сейчас выяснням, в чем дело!

Он выбежал на улицу. Кругом все было тнхо, но за железной оградой со стороны набережной он ясно увндел, как, раскннувшнсь в цепь, с вннтовками наизготовку медленно продвнгалнсь к зданню клуба солдаты. Железняков бросился в парк, прнлегающнй к даче с другой стороны. Но н там уже все было занято войсками.

Из клуба выбежал пересветовец Семенов.

— Товарнщ Железняков! Я хотел позвонить на завод нлн в союз металлистов, но телефонная линия перерезана...

— Закрыть двери и окна! Забаррнкаднровать главный вход! — скомандовал Железняков.

В клубе оказалось около шестидесятн человек матросов н рабочнх.

— Бери, Анатолий, команду на себя! — сказал Семенов.

Все дружно поддержалн.

В подвалах дачи было спрятано несколько старых вннтовок, револьверов и ручные бомбы.

— Ребята, стрелять только в воздух!

Юнкера и казакн бросились в атаку на здание.

Железняков увидел, что в углу окна, где стоял пересветовец Семенов, показалось дуло винтовкн. Чтоб спастн товарнща, Анатолий схватнл дуло н рванул его в сторону.

Раздался выстрел. Железняков швырнул в окно на наступающнх бомбу. Раздался оглушнтельный взрыв. Не теряя времени, Анатолнй вслед за первой метнул вторую н третью... Но силы были неравные.

С треском рухиула дверь, и в помещеиие ворвались юикера и казаки.

Аиатолия сбили с иог. Кто-то оглушил его прикладом по голове...

Все иаходившиеся иа даче Дуриово матросы и рабочие были арестоваиы.

Железияков иесколько часов пролежал без созиаиия. Очиувшись, ои почувствовал иоющую боль в руке. Лицо сильио распухло. Прядь волос с запекшейся кровью прилипла ко лбу. Ои хотел приподияться, ио жгучая боль в спиие и во всем теле свалила его снова. «Где я, что случилось со миой?» — пытался вспомиить ои.

Послышался лязг железа и крики. Открылась дверь. В иее втолкиули солдата без фуражки. Ои упал, ио быстро подиялся с пола, подскочил к двери и иачал бить по ией кулаками, громко ругаясь.

— Что случилось? — глухо спросил Аиатолий. — Где мы иаходимся?

Солдат подошел ближе к Железиякову.

— Ой, морская душа, у тебя вся голова в крови!

— Где мы? — с трудом повторил свой вопрос Железияков.

— Да ие в гостях у кумы, а в подвале под казармами Преображеиского полка. Сейчас все расскажу тебе, дай вот только башку забиитую. — Солдат достал из-за пазухи иидивидуальиый пакет. — Это я еще с фроита сохраиил. Вот и пригодился. Не горюй, заживет. Закурим, морская душа, что ль?

Солдат достал из кармаиа брюк кисет с махоркой и иачал рассказывать, как батальои Семеиов-

ского полка ночью подияли по боевой тревоге. Офицеры сказали, что из тюрьмы бежали баидиты и спрятались на даче Дурново. Их приказаио поймать и вериуть в тюрьму. Но солдаты нашли на даче только рабочих да матросов.

— А тебя-то за что сюда посадили? — спросил Железияков.

— А за то, что не стал бить моряков и закричал своим ребятам: «Хлопцы, что ж мы делаем? Кого бьем?»

Утром доиесся шум грузовика, подкатившего к казарме, а через иесколько мииут в подвал ворвались вооружеииые солдаты во главе с капитаиом.

Капитаи крикиул Железиякову:

— Встать!

Тот медлеиио поднялся с пола, осторожио иатянул на голову помятую и окровавленную бескозырку.

— Прощай, друг! — обратился ои к солдату: — Может, еще встретимся. Тогда уж вместе до полиой победы будем добивать коитру!

— Связать ему руки и — на машину! Живо! — крикнул капитаи солдатам.

Железиякова заключили в Петроградскую пересыльиую тюрьму «Кресты».

Выступая с разоблачеиием коитрреволюциоииых методов Времеииого правительства, «Правда» писала 20 июня:

«События иа даче Дурново взволновали весь рабочий Петроград. В поиедельник с утра в Таврический дворец, в помещение Исполиительиого Комитета стали притекать рабочие с фабрик и заводов, требуя ответа, сообщая о иачинающихся стачках...»

Одновременно «Правда» напечатала воззвание к рабочим и солдатам с призывом воздержаться от разрозненных выступлений и действовать только по призыву большевистской партии.

21 июня «Правда» опубликовала официальное заявление Центрального Комитета большевистской партии, сделанное еще вечером 18 июня, с требованием немедленно выявить и привлечь к ответственности виновников организации побега заключенных из «Крестов».

Побег уголовников и налет на бывшую дачу Дурново явились частными провокациями, устроенными Временным правительством в порядке подготовки к июльским событиям.

4 июля мостовые Петрограда оросились кровью лучших сынов рабочего класса. Контрреволюционеры разгромили большевистскую печать, рыскали по городу в поисках вождя революции В. И. Ленина.

Керенский приказал распустить Центробалт. В «Кресты» были заключены крупнейшие политические деятели Кронштадта и других портов Балтийского моря. В числе арестованных были Дыбенко, Рошаль, Ховрин и другие. Все они были заключены в тюрьмы. Над Железняковым был совершен суд, который на основании старого царского закона о дезертирах военного времени приговорил его к 14 годам каторжных работ.

Таким чрезмерно суровым приговором буржуазный суд явно мстил балтийцу, непоколебимо следовавшему за большевиками, резко выступавшему против Керенского и его сторонников.

Томясь в тюремной камере, Железняков выразил свое душевное состояние в стихотворении:

Сокол, сокол,
Не смейся теперь надо мною,
Что в тюрьме я свой жребий нашел.
Был я выше, чем ты в небесах над землею,
Был я выше, чем ты и орел.
  Много видел тебе неизвестных светил,
  Много тайн заповедных узнал;
  Я со звездами часто беседы водил,
  Я до яркого солнца взлетал.
Быстро день проходил и сменялся другим.
И сгорал я мятежным огнем,
Был врагами свободы гоним,
Были братья мне ветер да гром.
  Но однажды темной ночью в степи
  В роковую грозу я ослаб,
  И с тех пор я сижу здесь, как вор на цепи,
  Как неверный и пойманный раб.
Сокол, сокол, когда соберешься лететь,
В беспредельный и горный простор,
Не забудь, передай облакам мой привет,
Всем скажи, что я цепь изорву,
Что в тюрьме моя жизнь — только сумрачный сон,
Только призрачный сон наяву [1].

Письма, пересылаемые Анатолием заключенным друзьям, звали их к новым битвам. В одном из таких посланий он так открывает им свою душу:

«...Мне душно в этом каменном мешке, друзья! Я люблю море, необъятный простор, шторм, борьбу. Мне свобода нужна для битвы. Я не хочу шагать по миру бездельником. Идет великая битва за коммуну. Надо отдать этой битве всего себя, вместе с сердцем... И в какие бы цепи ни заковали меня враги революции, я уйду отсюда. Вырвусь! Убегу! Меня не удержат эти стены! Кто может сковать волю человека, который бьется за человечество? Еще не

[1] Впервые опубликовано в журнале «Красный флот» № 1—2, 1923 г.

изобретена такая сталь, нз которой можно выковать цепн крепче моей любвн к свободе! Убегу!..»

Сквозь решетку, заслоняющую тюремное окно, прорывался тусклый дневной свет. И небо было безрадостным, угрюмым. «Посмотреть бы теперь на Петроград...» — с тоской думал Анатолнй.

Но город увндеть было невозможно, так как едннственное окно в камере было устроено так, что заключенный мог вндеть только кусочек неба.

— Отсюда трудновато вырваться, Алеша, — перевел Железняков взгляд на пересветовца Семенова, который оказался с ннм в одной камере. — Уж больно крепко стерегут нас.

Он снова повернулся лнцом к окну. Теперь небо казалось ему еще более хмурым. Но все равно хотелось смотреть на него долго, долго. Будто там, в этом маленьком сером клочке, было видно отраженне моря, по которому тосковало его сердце.

Железняков угрюмо молчал. Кто-то открыл окошечко в дверях н тороплнво швырнул в камеру скомканную бумагу. Он поднял ее, развернул. Перед ннм была страннчка газеты «Пролетарнй» — центрального органа партин большевнков, — нздававшейся с 13 августа вместо «Правды», разгромленной буржуазней. Трудно передать, с какнм волненнем чнталн друзья опублнкованный в газете манифест VI съезда большевнстской партнн. Последнне слова этого нсторнческого документа звучалн как команда к бою:

«Готовьтесь же к новым бнтвам, нашн боевые товарнщн! Стойко, мужественно н спокойно, не поддаваясь на провокацню, копнте снлы, стройтесь в боевые колонны! Под знамя партнн, пролетарнн н солдаты! Под наше знамя, угнетенные деревнн!»

Глаза Анатолия загорелись.

— Ну вот, а мы с тобой горюем, что забыли нас... Нет, Алеша, не забыли...

Товарищи не забыли Железнякова. Они тщательно готовились к организации его побега из тюрьмы. В этом деле особенно проявляли свое участие бывшие политические ссыльные супруги Павловы, вернувшиеся в Петроград из сибирской ссылки в 1917 году. Павлов был старым балтийцем.

Люба Альтшуль, с которой Железняков познакомился на патронном заводе, когда выступал там на митинге, добилась разрешения у начальника тюрьмы на свидание с Анатолием под видом невесты. Ей удалось передать ему небольшие пилки и револьвер.

Вечером 6 сентября улицы Петрограда огласились звонкими голосами продавцов газет:

— Читайте экстренный выпуск «Петроградского листка»! Читайте «Вечернее время»! Дерзкий побег кронштадтцев из тюрьмы! Бежал приговоренный к четырнадцати годам каторги матрос Железняков! Читайте подробности!..

Прыгнув с тюремной крыши, Анатолий упал на мостовую и вывихнул ногу. В первые минуты сгоряча он бежал изо всех сил вперед, помня только о том, что за углом ближайшей улицы его ждет автомобиль. Со всех сторон неслись тревожные крики и беспорядочная стрельба.

На повороте узенького переулка он увидел высокий деревянный забор. Собрав последние силы, Анатолий забрался на него и упал в какой-то двор возле длинной поленницы дров. Только теперь он почувствовал невыносимую острую боль в левой ноге. А шум погони продолжал нарастать. Доноси-

лись свистки, крики и выстрелы. Созиаиие подстегивало: «Беги! Беги!» Крепко стисиув зубы, собрав последний запас сил, ои заставил себя поползти вдоль забора.

Уже совсем ослабевшего Железнякова разыскали двое матросов-балтийцев. Оии подияли его и поиесли к машиие.

Машииа круто повериула по широкой улице, ведущей к Финскому заливу. Вдали уже видиелся маяк, где их ждали свои люди со шлюпкой.

Раиим утром иа следующий деиь после побега Железияков и Семеиов сиова были в Кронштадте.

25 сентября в Гельсиигфорсе открылся 2-й съезд представителей Балтийского флота.

Заседал ои иа яхте «Поляриая звезда», где работал Центробалт. Председателем съезда был избраи только что освобождеиный из «Крестов» под залог большевик Павел Дыбеико.

— Товарищи, — иачал он первое заседаиие, — иам нужио избрать секретаря.

— Кого рекомеидует Цеитробалт? — спросил кто-то из делегатов.

— Мы предлагаем каидидатуру товарища Викторского, — ответил Дыбеико.

Из рядов спросили:

— Кто он такой?

Улыбаясь, Дыбеико ответил:

— Вот у меня в руках его мандат. Слушайте. «Дано сие от комитета комаиды машииной школы Балтийского флота матросу Анатолию Викторскому в том, что ои действительио выбраи на съезд моряков Балтийского флота от комаиды машинной школы, что подписью и приложеиием печати сви-

детельствуется. За председателя комитета Русин. Секретарь Уткин». — Повысив голос, Дыбенко крикнул: — Товарищ Викторский, прошу представиться съезду!

На общую палубу, превращенную в зал заседаний, слегка прихрамывая, вышел предложенный кандидат.

Минутная тишина. Затем послышались восклицания:

— Железняков! Анатолий! Толя!

Многие делегаты встали со своих мест, окружили своего любимца.

— Кто же знал, что ты спрятался под чужой фамилией!

— Очень любит меня наш новый министр-председатель, сами знаете, попадусь в руки — расстрел, — отвечал Анатолий.

Дыбенко поднял руку, призывая товарищей занять места. Когда наступила тишина, он сказал:

— Итак, товарищи, кто за то, чтобы секретарем нашего съезда избрать товарища Желез... — но осекся и, смущенно улыбнувшись, продолжал: — товарища Викторского, прошу поднять руку.

Железняков занял за столом президиума место секретаря.

В первый же день своей работы 2-й съезд представителей Балтийского флота обсудил вопрос о текущем моменте и о Демократическом совещании, созванном эсеро-меньшевистскими соглашателями.

Обстановка в стране к моменту съезда резко изменилась. Большевики снова выдвинули лозунг: «Вся власть Советам!» Но это не был уже старый лозунг перехода власти в руки меньшевистско-эсеровских Советов. Большинство в Петроградском

и Московском Советах теперь прннадлежало большевнкам. Поэтому лозуиг «Вся власть Советам!» являлся лозунгом восстаиия Советов против Временного правнтельства.

С докладом о текущем моменте выступнл Железняков. Ои решнтельио высказался против какой-либо поддержки буржуазно-меньшевистской, эсеровской организации так иазываемого предпарламента. Оратор смело заявил:

— Предпарламеит — это новая уловка остаиовить волнующуюся массу пролетариата, готового сместн не только Времеиное правнтельство, ио н все то, что угнетало его векамн.

Речь Железиякова была поддержана аплодисментамн делегатов съезда.

В резолюции съезда по этому вопросу говорнлось:

«Во нзбежаине дальнейших контрреволюцноиных атак н выступлений, разрушення страны н для достнжения скорейшего демократического мнра без аниексий, контрибуцнй н иа осиове самоопределення нацнй 2-й съезд представнтелей Балтнйского флота требует от Центрального Исполнительного Комнтета немедленно созвать Всероссийскнй съезд Советов; в случае отказа съезд предлагает Петроградскому Совету рабочнх и солдатскнх депутатов взять на себя нннцнатнву созыва Всероссийского съезда Советов, который н должен взять власть в свон руки».

Стоя у окиа Знмиего дворца, Керенскнй смотрел на Неву. Он мечтал быть в этом дворце таким же властным, державным хозяином, как н прежиие его владельцы — русские цари. Но...

За дубовой массивной дверью с резными украшениями раздался стук. Вошел подтянутый молодой адъютант.

— Разрешите доложить, господин премьер-министр, явился военно-морской министр господин Вердеревский.

Керенский встрепенулся, сделав шаг вперед, негромко сказал:

— Просите!

Неутешительные вести принес Вердеревский. Он молча положил на стол краткие выписки из газет. В них сообщалось, что 2-й съезд представителей Балтийского флота высказался за немедленный созыв съезда Советов. Такое же решение вынес Кронштадтский Совет.

Нервно схватив выписки, Керенский начал читать: «...Только через Советы рабочих, солдатских и крестьянских депутатов может быть организована власть революции...»

— Нет, это непостижимо, чудовищно! Как вы могли допустить такое безобразие? Я категорически запретил после событий этого лета всякую политику в армии, всякие съезды военных! Разве для Балтийского флота мои приказы не обязательны?!

Вердеревский развел руками.

— Напрасно мы освободили Дыбенко! А кто такой Викторский, подписавший вместе с ним резолюцию?

— Не знаю, Александр Федорович...

Керенский гневно оборвал Вердеревского:

— Господин адмирал! Вы военно-морской министр и обязаны знать, какие люди распоряжаются судьбой нашего флота!.. Вы... с ними заигрываете! Вы...

Дождавшись, когда успокоится Керенский, Вер-

деревский попросил выслушать его о положении на Балтийском море.

— Группа адмиралов предложила мне лично доложить правительству правду о состоянии флота. Весь рядовой состав заражен большевизмом. Нужны радикальные меры.

— Что предлагают флагманы? — насторожился Керенский.

— Они не только предлагают, а уже действуют, Александр Федорович. У флагманов перед глазами прекрасный пример — сдача Риги, «славный подвиг» Корнилова, — цинично ответил Вердеревский.

— Значит, флагманы хотят сдать флот немцам? — горько усмехнулся Керенский. — Эх, фантазеры, фантазеры. Мало их перебили матросы...

— Вы правы, Александр Федорович, сдать флот не удастся! А поставить его под удар, под уничтожение...

— Теперь все ясно. Доложите все подробней. — Керенский оживился, заложил руку за борт френча.

— Немцы скопили две трети всего своего флота для прорыва к Петрограду. Они готовятся высадить десант на Моонзундских островах, — продолжал Вердеревский. — Мы ослабили средства противодесантной обороны, особенно на островах Эзель, Даго, полуострове Сворбе. К моменту подхода немцев наши подводные лодки не выйдут на позиции. Пути движения германских кораблей примерно известны, я приказал не ставить на этих путях минных заграждений... Наконец, мы будем подставлять наш флот под удар частями...

— Достаточны ли германские силы? — спросил Керенский.

Вердеревский открыл папку, вынул бумагу и прочел: «Около трехсот кораблей, десантный корпус

в двадцать пять тысяч штыков. Эти силы сосредоточены у Моонзунда...»

— Редкая осведомленность! Прямо не узнаю нашей разведки! — воскликнул Керенский.

Вердеревский усмехнулся:

— Сведения получены необычным путем... от союзников...

— Знаю, знаю, — перебил Керенский. — Мне кое-что уже сообщил этот старый лис, сэр Бьюкенен...[1] Англичане развязали немцам руки... Прорыв флота союзников к Петрограду для подавления большевизма поставил бы их лицом к лицу с кайзеровским флотом. Что ж, пусть немцы помогут нам...

Несколько минут министр-председатель молча шагал по просторному кабинету, затем, остановившись, театральным жестом заломил руки и простонал:

— Боже милосердный! Что скажет обо мне история?!

— Не только история, Александр Федорович, но и современники оправдают вас. На днях вы получите протокол заседания совета флагманов. В этом протоколе будет обоснована неминуемость поражения нашего флота из-за низкой его боевой мощи.

Керенский провел по глазам платочком, подошел вплотную к Вердеревскому и, всхлипнув, сказал:

— Я всецело полагаюсь на вас. Правительство вручает вам судьбу флота. Действуйте, как подсказывает вам совесть истинного сына России. Передайте мою искреннюю благодарность контр-

[1] Посол Англии в России в 1910—1918 годах.

адмиралу Развозову и всем флагманам, болеющим за участь иашей родниы. Я согласеи иа все...

Для прорыва к Петрограду н предотвращеиня назревающей соцналнстической революцин кайзеровская Германия направила в район Моонзундского архнпелага 10 лииейных кораблей, 1 тяжелый крейсер, 9 легкнх крейсеров, 56 эскадреиных миноносцев, 6 подводных лодок. Всего со стороны немцев в операцнях участвовало свыше 300 боевых и вспомогательиых кораблей. Действия флота поддержнвали 102 самолета н 6 дирнжаблей.

Этим силам противника был протнвопоставлен русскнй флот в составе 2 старых линкоров, 3 крейсеров, 3 устаревшнх канонирных лодок, 12 эскадреиных миноносцев, 24 миноносцев — всего ие более 100 кораблей и 30 самолетов.

Неравеиство снл усугублялось изменническими действнямн ряда русских адмиралов и офнцеров, занимавших командные посты в Балтнйском флоте и в частях гарнизона Моонзундского архнпелага.

На моонзундских позициях создалось угрожающее положение. Центробалт развернул энергнчную работу по организацни отпора врагу. Как только начались операцнн немецкого флота в Моонзунде, 2-й съезд представителей Балтийского флота на три дня прервал свою работу. Члены Центробалта и многие делегаты съезда отправились на место боев, в Петроград, за оружием. На все военные корабли и береговые части съездом были назначены комиссары.

Одновременно спешно формировалнсь н направлялись батальоны десантннков на острова Эзель, Даго и другие пункты Моонзундского района.

На все кораблн Гельснигфорской, Кронштадт-

ской, Ревельской баз и иа береговые укреплеиия телеграф донес воззвание съезда:

«...Враг приближается... Докажем всему миру, что революциоиный Балтийский флот, защищая революционную Россию, погибиет, ио ие отступит перед флотом германского империализма».

В одиой из кают яхты Железняков разыскал Дыбеико.

— Товарищ Дыбенко, я хочу знать, когда вы меия пошлете иа передиий край фронта?

— На фроит успеешь. А сейчас иаправляйся срочио в Питер. Бузит гвардейский экипаж, ие хочет выезжать в Мооизуидский райои. Ты должеи убедить гвардейцев и срочио отправить их в распоряжение комитета морских сил Рижского залива для защиты от иемцев подступов к нашему Петрограду.

— Есть так держать! — радостио ответил Железияков и добавил: — Я вместе с гвардейцами отправлюсь иа фроит и там...

— Нет, — остаиовил его Дыбеико. — Ты вериешься сюда и получишь иазначеиие комиссаром на одии из боевых кораблей.

— Вот спасибо, Павло. Сейчас же еду в Питер.

Гвардейцы встретили Железиякова в штыки. Тои задавал эсеровский комитет экипажа.

— Мы ие подчииняемся большевистскому Центробалту, а защищаем закоииое правительство и выполияем приказы военно-морского мииистра, — ответили гвардейцы.

Более двух суток Аиатолий не выходил из экипажа, пока не сколотил большую группу сочувствующих большевикам и с их помощью ие добился

своего — большая группа гвардейцев выехала на фронт.

Через день Дыбенко и Железняков выехали на крейсер «Рюрик», который сразу взял курс на Моонзунд и прибыл туда в самый разгар боев.

Не удалось изменникам России во главе с Керенским осуществить свой план уничтожения Балтийского флота.

Несмотря на то что русский флот по огневой мощи был значительно слабее вражеского, он не допустил кайзеровский флот к революционному Петрограду.

Балтийцы доказали верность своему патриотическому долгу перед народом, перед революцией.

Второй съезд моряков Балтийского флота продолжал работу. Возмущению делегатов не было предела, когда они узнали о клеветническом приказе Керенского, обвинившего балтийцев в трусости и предательстве. Как секретарю, Железнякову было поручено срочно составить ответ на это наглое послание. Через полчаса ответ моряков был готов.

В ответе Керенскому съезд моряков Балтийского флота требовал немедленного роспуска контрреволюционного Временного правительства и передачи власти в руки Советов. Моряки писали, что ни политическому авантюристу Керенскому, ни другим авантюристам и соглашателям не удастся оторвать флот от большевистской партии.

Вместе с другими моряками от Балтийского флота, единодушно избранными делегатами на II Всероссийский съезд Советов, был и Анатолий Викторский-Железняков.

В ДНИ ВЕЛИКОГО ШТУРМА

Вместе с другими моряками, избранными делегатами на II Всероссийский съезд Советов, Железняков приехал в Петроград в самый канун октябрьских событий.

24 октября Анатолия вызвали в Военно-революционный комитет при Петроградском Совете рабочих и солдатских депутатов.

Шагая к Смольному, он проходил через Летний сад. По-осеннему шумели липы и тополя. Под ногами шуршали опавшие листья. Мраморные статуи стояли с отбитыми пальцами на ногах, и на них уже не было, как в июне, красных бантов.

Впереди показалось огромное серое здание Смольного. Фыркая и урча, лихо метались взад и вперед мотоциклы с очкастыми водителями-связными. Спешили вооруженные отряды. Галопом, словно в атаку, промчался кавалерийский эскадрон.

— Железняк! — внезапно раздался позади Анатолия знакомый голос.

Железняков обернулся и тотчас оказался в крепких объятиях солдата, вместе с которым сидел в подвале казармы Семеновского полка.

— Жив, здорово? А ну-ка, дай я посмотрю на тебя... — тормошил солдат.

— Откуда ты, голубчик? — обрадовался балтиец, окинув взглядом снаряженного по-походному пехотинца.

— Откуда? Да вон оттуда. — Солдат показал на Смольный. — С комиссаром нашим ходил. Слыхал про такого. Коцюбинского?.. Дело-то вот какое вышло. Полк наш, Семеновский, на митинге принял резолюцию: «Мы ни за большевиков, ни за Вре-

менное правительство». Коцюбинский всю ночь не спал да и нам спать не дал. Каждому в башку вколачивал, как нужно с буржуями правильно действовать, как учит Ленин. И добился своего.

— Значит, к черту послали нейтралитет? — улыбнулся Железняков.

— Вот, вот, к черту послали нейтрал... — с трудом выговорил это слово солдат. — А сами пошли в Смольный, вместе с большевиками бить контру...

— Молодцы, правильно сделали, — начал было Железняков, — надо...

— Ой, комиссар ушел! — спохватился солдат. — Будь здоров, Железняк! Еще, может, встретимся! — кинул он уже на ходу и, позвякивая походным котелком, бившимся об винтовку, кинулся бегом догонять свою часть.

«Жаль, что не успел узнать, как он выбрался из тюрьмы, — подумал Анатолий, глядя вслед пехотинцу. — Хороший человек...»

В Военно-революционном комитете разговор был коротким.

— Вам серьезное задание, — обратился к Железнякову секретарь Военно-революционного комитета. — Нужно срочно создать ударный отряд из матросов Второго Балтийского флотского экипажа. По нашему плану тюрьму «Кресты» займут в начале восстания красногвардейцы Выборгского района и солдаты Московского полка. Ваш отряд будет действовать совместно с Кексгольмским полком. Вы займете левый фланг центрального участка. Ваша задача — выдвинуться от Мойки к Адмиралтейству, обеспечить высадку кронштадтцев, держать связь с кораблями и...

— Идти на штурм? — досказал Железняков.

— Ждите приказов. А пока мы поручаем вам

завтра занять здание Петроградского телеграфиого агеитства. Подберите грамотиых людей и возьмите под коитроль все телеграммы. Пропускайте только безвредные для революции сообщеиия, — закоичил секретарь ревкома.

Приказ военревкома был выполиеи точио в указаииое время.

...Наступила иочь 25 октября.

Город придавила тревожиая тишииа.

Увешаиные ручиыми граиатами и перекрещеииые пулеметиыми леитами, с виитовками за плечами матросы под комаидоваиием Железиякова быстро прошли мимо величествеииого Исаакиевского собора, вдоль таииствеиио притихшего Алексаидровского сада и подошли к Дворцовой площади.

Железияков, в сбившейся иа затылок бескозырке, забежал вперед колоииы и иа ходу отдал команду:

— Отряд, стой!

Поправляя маузер, Аиатолий быстрым шагом направился к решетке сада.

— Вольио! Товарищи, подходи!

Ряды быстро разбиваются. Матросы продвигаются к комаидиру, образуя большой полукруг. Стукнули о камии приклады виитовок.

Над Невой вспыхиул луч прожектора. Он пробежал по иабережиой. Сверкиул иа золотом шпиле Адмиралтейства, ударил в стеиу Зимиего дворца и исчез в иочном мраке.

— «Аврора» осматривается... — сказал кто-то иегромко.

Железияков призывает бойцов к вниманию. Ои делает жест в стороиу Зимнего.

— Вот она, крепость старого проклятого мира! Сюда, в эту крепость, по указанию Ленина послан ультиматум правительству Керенского сложить оружие. Но буржуазия все еще пытается спасти свою власть. Все юнкерские училища Петрограда приведены в боевую готовность. Временное правительство, как нам известно, с часу на час ожидает подкрепления с фронта. Керенский приказал арестовать Военно-революционный комитет. Но буржуазии нас не запугать!

— Даешь Зимний! — раздались в темноте голоса.

— Наша задача, товарищи, штурмовать дворец отсюда, с площади. Красногвардейцы и солдаты пойдут с других направлений, — закончил свое выступление Железняков.

Вдруг раздалось несколько винтовочных выстрелов со стороны Морской улицы, расположенной недалеко от Александровского сада. И тотчас у Зимнего затрещали пулеметы.

Отряд замер.

— В цепь! — скомандовал Железняков.

Отряд стремительно принял боевой порядок.

Стрельба затихла.

Раскинувшись цепью вдоль здания Главного штаба, находящегося напротив дворца, матросы с большим нетерпением ждали сигнала о начале штурма Зимнего.

На площади загрохотал броневик, посланный наступающими частями.

Снова вспыхнули огоньки выстрелов и раздалось «ура!». Увлекая за собой отряд, Железняков первым бросился вперед:

— За мной, товарищи!

Засверкали молнии выстрелов, засвистели пули.

Откуда-то из мглы донеслись первые стоны. Невдалеке от Железнякова упал матрос.

Оглянувшись, Анатолнй увндел, что наступал только его одии отряд. Тогда он скомаидовал:

— Ложись! Ложись! — И про себя выругался: «Черт поберн! Поспешнлн... Сигнала-то с «Авроры» еще не было...»

Матросы залегли у Алексадровской колоны, укрываясь за ее широким пьедесталом.

Площадь сиова погрузнлась в тревожиую тишнну.

— Кончать бы скорей с контрреволюцией! — слышиы возбуждениые голоса.

...И вот наконец-то над Невой раздался орудийный выстрел. Это громыхнула «Аврора». Сигнал к общей атаке.

Железняков вскакнвает на ногн.

— Ура, за мной, товарищи!

— Ур-р-ра! Полундра! Амба контре! — подхватывают матросы.

Теперь уже не однн железняковскнй отряд атакует Знмний. Мощный людской поток со всех сторон врывается на Дворцовую площадь и неудержимо двнжется к Знмиему.

Не обращая вннмання на трескотню пулеметов, под громкне крнки «ура» матросы отряда Железнякова перескакнвают через баррикады, опрокидывают пулеметные гнезда юикеров н вместе с отрядамн красиогвардейцев и солдат подбегают к стенам дворца.

Из окон Знмнего на площадь летят гранаты. Раздаются взрывы.

В растревоженной грохотом н гулом осенией ночн слышны крикн людей, осаждающих подъезды дворца:

— Вперед! Не останавливаться!

— Даешь! Полундра!

Наконец многоголосый человеческий поток врывается под дворцовые своды.

На мраморных лестницах стрельба, крики, лязг штыков. С винтовками наперевес матросы и рабочие-красногвардейцы бегут по коридорам, преследуя юнкеров, офицеров — последних защитников Зимнего. Перед Железняковым мелькают знакомые лица старых большевиков-балтийцев — Полухина, Берга, Громова, Мясникова, Ховрина... Вот Антонов-Овсеенко повел группу атакующих в глубь дворца. Железняков с Ховриным последовали за ними.

Они вошли в зал заседаний.

— Именем Военно-революционного комитета объявляю вас арестованными! — громко объявил Антонов-Овсеенко, обращаясь к сидевшим за большим длинным столом министрам Временного правительства.

Народу в зале прибавилось. Откуда-то появились штатские, увешанные гранатами.

— Товарищи матросы, удалите посторонних! — приказал Антонов-Овсеенко. Он сел за стол, положил перед собой лист бумаги и обратился к арестованным: — Прошу называть свои фамилии.

Приглаживая рукой золотисто-каштановые волосы, одним из первых поднялся с места человек с аккуратно расчесанной бородкой, коротко сказал:

— Скобелев. Министр труда.

Подтянутый, стройный, скользнув взглядом по матросам, встал адмирал Вердеревский.

Медленно приподнялся со своего места, одетый в дорогой костюм, министр — крупный капиталист Терещенко.

Так переписал Антонов-Овсеенко всех 13 министров.

Под конвоем матросов арестованных отправили в Петропавловскую крепость.

Железняков и Ховрин поспешили в Смольный, где заседал II Всероссийский съезд Советов.

Шел пятый час утра. На трибуну поднялся А. В. Луначарский. От имени большевистской фракции он огласил написанное Лениным воззвание «Рабочим, солдатам и крестьянам» о взятии съездом власти в свои руки, о необходимости быть бдительными и стойкими, чтобы разбить двинутые на Петроград генералами Корниловым и Красновым контрреволюционные войска.

Днем 26 октября Железняков принимал участие в операциях против контрреволюции, а вечером снова на заседании съезда Советов.

Буря восторга поднялась в зале, когда на трибуну вышел Владимир Ильич Ленин. Он читал обращение II Всероссийского съезда Советов к народам и правительствам воюющих стран.

И когда Владимир Ильич заговорил о грядущей революции во всех воюющих странах, о предстоящей победе рабочего движения во имя мира и социализма, Железняков с волнением схватил руку Ховрина и прошептал: «Куда б он меня ни послал — все выполню».

— Мы все так поступим! — не менее взволнованно ответил Ховрин.

Матросы — делегаты этого съезда создали морской революционный комитет, в руководящую десятку которого был избран и Железняков.

ОТПОР КОНТРРЕВОЛЮЦИИ

Сбежав из восставшего Петрограда, как затравленный заяц, метался Керенский по фронту. Он уговаривал, умолял, угрожал, обманывал. Но ему удалось привлечь к наступлению на столицу только один спровоцированный генералом Красновым конный корпус.

27 октября генерал Краснов занял Гатчину, а под утро 28 октября, подавив артиллерийским огнем и конными атаками сопротивление разрозненных немногочисленных отрядов, защитников Царского Села, захватил этот важный стратегический пункт на подступах к Петрограду. Контрреволюционные войска намеревались 29 октября начать штурм столицы при поддержке юнкерских училищ, подготовивших мятеж внутри города.

Поднятые тревожными гудками фабрик и заводов, двинулись на фронт тысячи питерских рабочих, войсковые части, отряды матросов. Ушел на фронт и Железняков.

Для разгрома врага была создана мощная огневая завеса. Артиллерия вызванных из Гельсингфорса военных кораблей готовилась стрелять по путям подхода врага. Рабочие заводов за считанные часы соорудили бронеплощадки с орудиями, бронепоезда.

Поздно вечером 30 октября революционные войска нанесли поражение красновцам, выбили их из Царского Села. В штабе фронта Железняков встретился с Семеном Рошалем. Он был одним из руководителей обороны Петрограда на этом участке. Глядя на осунувшееся, с ввалившимися глазами лицо командира, Анатолий не выдержал:

— Семен Григорьевич, отдохни хоть немного.
— Рано еще думать об отдыхе, — ответил тот.— Надо ехать в Петроград за подкреплением. И тебя, как члена военно-морского ревкома, вызывают туда.

В здании Адмиралтейства — центре всех руководящих военно-морских организаций — Железняков оказался ночью. Войдя в одну из комнат, он увидел спящего на диване Ховрина, — вероятно, тот тоже недавно вернулся с фронта. Тихо, чтобы не разбудить товарища, Анатолий стал рыться в ящиках стола: а вдруг окажется хоть кусочек хлеба? Но поиски были тщетными. Спать приходилось ложиться голодным.

Растянувшись на большом длинном столе, покрытом зеленым сукном, Анатолий, уже засыпая, подумал: «А ведь еще несколько дней назад за ним сидел, может быть, сам Вердеревский, министр...».

Утром Железнякова и Ховрина вызвали к Ленину.

— Неужели нас вызывает сам Ильич? — радовался и удивлялся Железняков.

Он быстро начал расправлять складки на брюках, бушлате. Торопливо почистил сапоги углом расстеленного на полу ковра.

— Ну вот, нашел время, чем заниматься! — проворчал, сразу проснувшись, Ховрин.

— Что ж, по-твоему, можно явиться к Владимиру Ильичу в грязных сапогах? — огрызнулся Анатолий.

— Товарищ Ленин знает, что мы только вчера вернулись с фронта, — ответил Ховрин.

Идти было недалеко. Ленин находился в штабе Петроградского военного округа, расположенном поблизости от Адмиралтейства.

В кабинете рядом с Владимиром Ильичем стоял Антонов-Овсеенко.

Дружески поздоровавшись с моряками, Ленин сказал, что вызвал их по очень важному делу: в Москве идет бой с юнкерами. Нужно срочно помочь пролетариату Москвы.

Балтийцам было поручено в течение восьми часов сформировать матросский отряд.

Вместе с матросами должны были выехать и солдаты Лодейнопольского полка, а также отряд красногвардейцев-питерцев. Комиссаром сводного отряда был назначен старый большевик, член Военно-революционного комитета Константин Степанович Еремеев, любовно прозванный балтийцами «дядей Костей». Ховрин был назначен комиссаром одного из отрядов, Железняков его адъютантом.

Возникло неожиданное осложнение с выездом: предатели из Всероссийского исполнительного комитета железнодорожников (Викжель) отказались предоставить поезда.

Десятки вооруженных матросов под командой Железнякова с помощью железнодорожников разыскивали по вокзальным тупикам, запасным путям вагоны, грузили оружие, размещались сами. Подбирались поездные бригады.

В 4 часа утра 2 ноября три эшелона двинулись в путь. На головном — матросы, на втором — красногвардейцы, сзади — 426-й Лодейнопольский полк.

Газета «Правда» напутствовала бойцов:

«Отряды моряков, солдат и красногвардейцев отправились из Петрограда в Москву ускорить

победу московского пролетариата и гарнизона. Да здравствует революционная солидарность самоотверженных борцов за дело рабочих и крестьян! Вперед, к победе!»

Заполненные вооруженными матросами и красногвардейцами вагоны гудели веселым шумом. Заглушая лязг буферов и колес, перекатывались по длинному составу песни, в раскатистом хохоте тонули матросские шутки, звенели гармошки.

В штабном вагоне головного эшелона вместе с Еремеевым находились члены Морского военно-революционного комитета Берг и Железняков.

На станции Любань была получена неожиданная весть, что впереди идет неизвестный бронепоезд.

Попыхивая трубкой, Еремеев спокойно продиктовал телеграмму:

«Начальнику станции Чудово. Предлагаю вам задержать и не пропускать до моего прибытия неизвестный поезд, следующий на Москву».

Но в Чудове задержали не бронепоезд, а эшелон самого Еремеева. Ему предъявили телеграмму за подписью Викжеля.

В телеграмме категорически предписывалось начальникам всех станций пропускать вне всякой очереди бронепоезд, идущий под номером 251-бис, и задерживать неизвестные воинские составы, возглавляемые неким Еремеевым, выдающим себя за члена Военно-революционного совета.

— Что-о-о! — широко раскрыл глаза Еремеев, крепко сжимая в зубах мундштук трубки. — Тысяча дьяволов! Да ведь под номером двести пятьдесят один бис идет наш второй состав!

Срочная телеграмма по линии, выстуканная телеграфистом под диктовку Еремеева, требовала от всех руководителей железнодорожных организаций,

под угрозой расстрела, во что бы то ни стало задержать бронепоезд. Но бронепоезд мчался все дальше и дальше. Нагоняя на всех страх своими пушками и двадцатью пулеметами, он беспрепятственно проносился вихрем через станции и разъезды. Вскоре выяснилось, что это тот самый бронепоезд Керенского, который обстреливал красные части под Царским Селом. Спасаясь от захвата, он прорвался через станцию Дно по Полоцкой линии на Николаевскую железную дорогу и теперь мчался на помощь московским юнкерам.

Кто-то высказал предположение: возможно, на нем сам Керенский.

Теперь Железнякова нельзя было удержать никакими силами. Он возбужденно ерошил волосы, хватался за наган и готов был на любой риск, лишь бы задержать и разоружить бронепоезд. Он не отставал от Еремеева:

— Товарищ комиссар, Константин Степанович, разрешите захватить бронепоезд.

— Каким образом?

— Нагоним!

— А дальше?

— Разгромим, если не сдастся!

— Из винтовок?

— Да, если нужно, то с помощью винтовок и ручных гранат.

Еремеев дал согласие. Железняков с друзьями стремительно пошел вдогонку бронепоезду на головном эшелоне.

Напрасно пытался враг уйти. Как затравленный зверь, преследуемый опытными охотниками, испуганно удирая, он летел по рельсам, выжимая из паровоза все, что можно выжать. За ним стремительно летел матросский поезд. Перебравшись на

паровоз, Железияков бросал тревожиый взгляд на приборы, эиергично подбрасывал уголь в топку и подбадривал уставшего машиииста:

— А иу подиажмем, братишка, подиажмем!

Железняков вглядывался в даль; ветер бил ему в лицо, хлестал по щекам, рвал волосы. Мелькали телеграфные столбы, поля, рощи, мосты.

С каждым часом расстояиие между броиепоездом и матросским составом сокращалось.

Стаицию Бологое броиепоезд проскочил с боем. Местиые рабочие, получив телеграмму от Еремеева, иесмотря иа протесты железнодорожиых чиновников, пытались задержать броиепоезд. Но ои сумел прорваться, круто измеиив курс на Липецкую ветку.

Теперь броиепоезд уже не мчался, а полз. В любой момеит иа каждом километре ои мог попасть в западию, приготовлеииую рабочими-железиодорожииками. Так и случилось. Не дойдя до стаиции Кужеикиио, ои остаиовился. Путь впереди был разобраи.

Под прикрытием темиоты Железияков с группой матросов почти вплотиую подошел к противнику...

Броиепоезд сдался морякам.

— Вот иаша первая помощь москвичам, — торжествовал Железияков.

Плеиеииый балтийцами, броиепоезд шел к Москве уже под красиым фрагом.

Захвачеииые во вражеском броиепоезде нагаиы, шашки и прочие трофеи помогли отряду еще более вооружиться для предстоящих новых боев с врагами.

Эшелоиы прибылы в Москву 4 иоября. Вокзал был переполнеи красиогвардейцами из соседиих

губерний. Они возбужденно рассказывали матросам, как вместе с московскими рабочими вышибали юнкеров из Кремля.

— Значит, мы опоздали? — спросил кто-то из матросов.

— Ничего, ребята, еще и вам хватит работы! — ответил красногвардеец из Иваново-Вознесенска, тоже принимавший участие в освобождении Кремля от юнкеров.

— Вот что нас задержало, — хлопнул коренастый матрос по броне вагона с торчащим грозным стволом орудия. — Хотели враги вам нож в спину воткнуть. Не вышло! Мы их перехватили!

В штабном вагоне Еремеев собрал всех командиров, представил им прибывшего из города члена Московского военно-революционного комитета, который поблагодарил петроградцев за помощь.

— Если б не вы, много хлопот принес бы нам этот бронепоезд. Юнкера так ждали его...

Рассказав коротко о положении в Москве, член военревкома в заключение добавил:

— Много еще затаилось здесь всякой нечисти. Ее нужно выявить и обезвредить. Надеемся на вашу помощь!

Обычно тихая маленькая квартирка Железняковых в Петровско-Разумовском наполнилась шумными, веселыми голосами. Повидаться с родными пришел Анатолий да и друга своего, Николая Ховрина, привел с собой.

Анатолий много раз принимался целовать сестру Саню, обнимал мать, утиравшую радостные слезы, подбрасывал к низкому потолку малышей племянников — детей сестры.

До поздией иочи шли оживлеиные разговоры, расспросы о пережитом за время длительиой разлуки.

Когда утомлеиные моряки улеглись спать, истосковавшаяся по сыиу мать подошла к иему, присела иа край кровати и стала ласково гладить по волосам, тихо приговаривая:

— Соколик мой, родиой мой Тошеиька... Где ж ты скитался так долго?

Аиатолий успокаивал мать и уверял, что все ей расскажет — где был, что делал, как тосковал о ией...

Но мать так и ие дождалась исповеди от сыиа.

Ранним утром балтийцы уже покидали дом, где так тепло и радостио было им провести хотя бы иесколько часов. Сгребая в охапку племяиников, Железияков говорил им:

— Растите, хлопчики! Вам ие придется так мотаться в жизии, как вашему дяде! Эх, и жить будете, бесенята! Без горя и иужды!

Нежио обнимая сестру, Аиатолий что-то говорил ей совсем тихо.

Мать припала к широкой фигуре сыиа, потом поцеловала его дрожащими губами, закрыла лицо фартуком и отошла к окну...

Скрывая волиеиие и выступившие слезы на глазах. Железняков хлопнул дверью и сбежал по лестиице, догоияя ушедшего вперед Ховриив.

Выполиив свое задаиие в Москве, матросы-балтийцы и красиогвардейцы готовились в обратиый путь. Но в коице иоября из Петрограда пришла новая директива.

Выступивший перед отрядом Еремеев сказал:

— Товарищи! Леиии поручает иам срочио иаправиться иа помощь трудящимся Украииы. Там создалась угрожающая обстаиовка. Через Харьков иа Дои рвутся коитрреволюциоииые войска. Их иадо разгромить. Нашему отряду поручается также доставить оружие рабочим Доибасса. Мы получим его в Туле.

— Даешь фроит!

— На Украииу! На Дои! — раздались голоса матросов.

— Добро, товарищи! — сказал Еремеев. — Давайте утвердим штаб. Кого предлагаете в комаидиры отряда?

— Николая Ховриив! — раздались голоса.

— Одобряю! — поддержал Еремеев. — Я первый голосую за товарища Ховриив.

Начальииком штаба избрали Ильииа-Жеиевского. Адъютаитом штаба — Железиякова.

Отряду было присвоеио иазваиие: «1-й отряд петроградских сводиых войск». В иего влилась часть солдат 426-го Лодейиопольского полка. Отряду были придаиы четыре броиевика, иесколько пушек полевой артиллерии, два броиепоезда. Одии из иих матросы укомплектовали сами — тот, что взяли у белых иа стаиции Кужеикиио при участии Железиякова.

В Туле прииялн для доставки шахтерам 10 тысяч виитовок и 40 пулеметов.

Перед отходом в дальиейший путь комаида узиала последиие вести с Западиого фроита. Главиокомаидующий генерал Духоиии отказался выполиить предписаиие Совиаркома — иемедлеиио приступить к переговорам о перемирии с германским

командованнем. Реакцнонные офнцеры сннмалн с фронта воннскне части и спешно перебрасывалн нх на Дон к атаману Каледнну — этому злейшему врагу Советской властн, который формнровал армню для похода на Москву н Петроград.

Следуя дальше, отряд услышал в Курске еще и другне очень важные сообщення:

«...Матросамн н революцнонныммн солдатамн арестован н расстрелян в Могнлеве злобный враг революцнн главнокомандующнй русской армней генерал Духоннн. Окруженная со всех сторон, ставка Духоннна сдалась без боя».

Другое сообщенне было тревожным:

«По Сумской железнодорожной ветке к Белгороду под командой царского полковннка Степанова движется несколько эшелонов ударннков-духонннцев. Онн снялнсь с Западного фронта после расстрела Духоннна н направляются в Новочеркасск к Каледнну».

Развнв предельную скорость, бронепоезд пршел в Белгород раньше ударных батальонов нз ставкн Духоннна. Матросы н красногвардейцы занялн все пункты на подступах к городу.

Со стороны Харькова прибыл состав с солдатами и красногвардейцамн под командованнем Ннколая Руднева, бывшего офнцера Черноморского флота, который с первых дней Советской властн стал актнвным ее защитнкком.

Ревком Черноморского флота прнслал отряд матросов под командой рядового Нннколая Павлуновского.

Вскоре телеграфнст соседней с Белгородом станцин Томаровка передал важную весть в штаб бронепоезда: «Прншел первый эшелон. Духоннцы спокойны. Онн ннчего не знают о вашем отряде».

Было решеио иемедлеиио послать к Томаровке бронепоезд, назиачив комаидиром иа ием Павлуновского.

— По-моему, надо прнцепить два-три вагоиа с десаитной группой, — предложил Железияков. — Белогвардейцы могут взорвать путь, н мы окажемся в мертвой зоие.

Предложение Железнякова штаб одобрил, и скоро броиепоезд направился навстречу врагу.

Железияков зорко иаблюдал за расстилавшейся далью.

Стаиции все еще ие было видио. Мииовав возвышеииость, поезд стремительно вылетел почти вплотную к цели. Выныриувшая из-за поворота стаиция Томаровка была как иа ладоии. На путях вдоль платформы чериели вагоны.

Броиепоезд дал первый выстрел. Артиллерист-матрос угодил прямо в одии из паровозов.

Второй, третий сиаряды попали в цепь вагоиов, подияв высоко иад землей вихрь щепок, земли и железа.

Матросы ликовали.

Застигиутые врасплох, духоииицы стали метаться в паиике...

Вскоре иа дороге, идущей вдоль железнодорожиого полотиа, появилась большая группа солдат с поднятыми вверх руками.

— Не стреляйте! Сдаемся! — услышали иа броиепоезде.

Солдаты подошли ближе.

— Мы пришли заявить вам, что иаш отряд сдается. Прекратите стрельбу!

— Мы прекратнм огоиь при условии, если вы сейчас же, иемедлеиио сдадите иам все свое оружие, — ответил Павлуновский. — Передайте ваше-

му командиру, что ответ ждем в течение часа, не больше!

Часовую передышку белогвардейцы использовали по-своему. Скрытыми путями они окружили бронепоезд.

К счастью, матросы заметили приближающиеся цепи солдат и стремительно кинулись в атаку на духонинцев.

Ряды белогвардейцев были смяты. Группу офицеров, пытавшихся подорвать железнодорожное полотно, арестовали.

Бронепоезд вышел из окружения, потеряв в бою нескольких товарищей.

Белые убедились, что им не удастся прорваться через Белгород к Дону, они решили двинуться на Обоянь, минуя железную дорогу Харьков—Москва, чтобы соединиться с генералом Калединым в Новочеркасске. С этой целью они заняли деревню Крапивную.

Ничего не подозревая, отряд из моряков и красногвардейцев приближался к станции. Неожиданно раздалась стрельба из пулеметов и винтовок. Сразу упало несколько человек.

Ряды отряда дрогнули, смешались, и некоторые бойцы начали отступать.

Железняков, руководивший отрядом, и сам в первый момент был ошеломлен. Но, быстро овладев собой, он крикнул:

— Стой! Ложись в цепь!

Матросы залегли.

Анатолий перебегал от одних бойцов к другим, давал указания на ходу.

Отряд бросился в контратаку. Железняков бежал впереди:

— Даешь золотопогонников!

После двухдиевиых боев станция Крапивная была взята отрядом, и броиепоезд двинулся дальше.

Радостно встретили харьковские большевики броиепоезд с моряками и красногвардейцамн.

В штабной вагои явнлся Артем (Сергеев).

— Вовремя прнбыли, товарищи, — говорил он, пожимая руку Ильииу-Жеиевскому, Бергу, Ховриину, Железнякову. — Теперь с вашей помощью быстро расправимся с коитрреволюцией, иаведем порядок в городе. Кстати, к нам сюда уже прибыли эшелоиы с отрядами товарища Сиверса.

Артем кратко рассказал о положеиии в Харькове, о создании «Комитета спасеиия отечества и революции».

— Каковы силы, враждебные революции? — спросил Железияков.

— Зиачительио больше, чем наши. Двадцать девятый броиедивизиои иаходится под влияиием эсеров. Первый Чнгирниский «казачий» и второй украиский полки присягиулн Раде. Невдалеке в Чугуеве — контрреволюциоиио настроеииое юикерское училище. Железиые дорогн в стороиу Екатериослава — Крыма и Северо-Доиецкая дорога заияты войсками Цеитральной Рады...

В первую очередь был разогиаи соглашательский военно-революциониый комитет. Новый ревком возглавил Артем.

Артем, Ховрии, Железияков и Сиверс пришли в штаб броиедивизиоиа. Комаидоваиие его предъявнло большевикам ряд претеизий. Оио спрашивало, иа каком осиоваиии у иего требуют сдачи броиевиков.

Ховрин резко ответил:

— Казаки генерала Каледина расстреливают тысячи горняков. Мы идем на фронт, и ваши броневики будут там. Здесь же им делать нечего.

— В Харькове тоже не совсем спокойно, — ответил командир дивизиона. — И мы должны наблюдать за порядком.

— Какую власть поддерживает ваш дивизион? — спросил Артем.

— Никакую. Мы ни за Временное правительство, ни за Центральную Раду, ни за большевиков. Мы сами по себе! — ответил командир.

Никто не стал спорить с ним. Когда все вышли из штаба, Артем сказал:

— Броневики нужно забрать сегодня же.

Ховрин и Железняков с отрядом матросов окружили штаб дивизиона. Берг возглавил делегацию к командам броневиков для предъявления им ультиматума о немедленной сдаче.

Прошло более часа, а от делегации не было никаких известий. Тогда направили к штабу дивизиона один из броневиков отряда, который несколько раз проехал мимо ворот здания и должен был выяснить — почему задержалась делегация.

В это время Берг со своими товарищами вышел из штаба дивизиона и сообщил:

— Наш ультиматум дивизионом принят.

На следующий день бронепоезд под командой Николая Ховрина мчался к городу Чугуеву. Надо было срочно разоружить юнкерское училище, питомцы которого вместе с другими местными контрреволюционерами разогнали Чугуевский городской Совет рабочих и солдатских депутатов. Став

вооруженым контрреволюциоиным центром, юикерское училище поддерживало городскую думу, в которой хозяйиичали местиая буржуазия и чииовиики.

Прибыв под Чугуев иочью со своим отрядом, Ховрии приказал бойцам сиять орудия с платформы и устаиовить их на вершиие горы, господствующей иад городом. Затем предстояло отправиться в юикерское училище и предъявить его комаидоваиию ультиматум о сдаче оружия. И иакоиец, разогиать городскую думу.

В сопровождении двух матросов Железияков пошел в юикерское училище. Весь отряд напутствовал своих послаицев:

— Никаких уступок контре!

— Требуйте полиой капитуляции!

С тревогой ждали иа бронепоезде возвращеиия своих товарищей. Особеино беспокоился Ховрии, ои понимал, как опасио было идти в логово врага.

Между тем Железияков уже действовал. Первый этап боевой операции был выполиеи сравиительио быстро и без особых осложнеиий. Не зиая, что с бронепоездом прибыло всего 100 моряков, комаидоваиие 700 чугуевских юнкеров согласилось подписать ультиматум о сдаче оружия.

Дальше Железияков со своими матросами иаправился к здаиию Чугуевской городской думы. Простория помещеиие ее было набито иародом до отказа. Сюда собрались все местиые богачи и чиовиики. Появлеиие Железиякова с вооружеииыми матросами было встречено гробовым молчаиием. Все трое прошли сквозь ряды перепугаиных думцев и подиялись иа трибуну. Раздался властиый голос Железиякова:

— Мы требуем немедленного и полного разоружеиия города и передачи власти в руки трудящихся!

Категорнческий ультиматум был встречеи протестующими криками думцев:

— А-а-а! Насильиики!

— Долой их! Арестовать!

На улнце затрещалн выстрелы. Заговорилн пулеметы. И, как бы в ответ иа это, за городом начал ухать из орудий матросский броиепоезд.

В зал ввалился отряд вооружеиных юикеров. Железняков кивиул головой своим матросам:

— Ко мие, товарищи!

Все трое встали плечом к плечу.

— Приготовиться! Гранаты!

Шум и крики в зале иарастали. И тогда Железняков грозио подиял вверх сжатый кулак.

— Тише! Прекратите шум! К порядку, господа! Плохую игру вы затеяли, вызвав сюда этих молодчиков, — указал он иа вооружеиных юнкеров. — Вы слышите, иаш броиепоезд уже открыл огоиь!

Зал иачал умолкать. Присмиревшие думцы переглядывались испугаино и растеряиио.

За стеиами здаиия усилнлась перестрелка: это иа помощь матросам выступили рабочие.

К утру белогвардейцы были полностью разоружены. И иад входом в здание городской думы заалел огромиый плакат: «Да здравствует власть Советов!»

В это время в Петрограде иазревали крупные события, и правительственным распоряжеием балтийцы были возвращеиы в столицу.

И ЭТИ ТРУСЫ РАЗБЕЖАЛИСЬ

Тревога оказалась ложной. Внезапно появившаяся воинская часть прошла мимо, направляясь в сторону морского порта. Постовые сообщили: ничего подозрительного.

Участники конспиративного совещания спрятали оружие и вернулись на свои места. Председатель предоставил слово новому оратору:

— Мы вас слушаем, Абрам Рафаилович, только, прошу вас, потише.

Гоц, один из лидеров правых эсеров, обвел глазами присутствующих и начал решительно диктовать свои условия:

— Итак, господа, хотя бы и кратко, сформулирую нашу задачу. Нам надо усилить террор против руководителей большевиков. Сегодня мистер Фрэнсис вручил мне довольно солидную сумму денег для поддержки нашей всероссийской боевой дружины. Военная комиссия нашей партии и военный отдел «Союза защиты Учредительного собрания» сообща разработали план восстания. Мы решили начать его 5 января. Якобы в поддержку открытия Учредительного собрания состоится демонстрация. Мы надеемся вывести на улицы Петрограда до ста тысяч человек. Отряды из офицеров и юнкеров займут вокзалы, телеграф, правительственные учреждения. Вызваны нами вооруженные отряды из провинции. Для действий в Таврическом дворце создан отряд особого назначения. Поскольку в Учредительное собрание избраны почти все большевистские руководители, они явятся на первое заседание. Задача особого отряда арестовать...

— И немедленно уничтожить их, — нетерпеливо

вставил эсер Сургучев, бывший фронтовой комиссар Временного правительства.

— И последнее, — невозмутимо продолжал Гоц. — В нужный момент подготовленные люди выйдут из рядов демонстрации и предложат от имени народа передать всю власть Учредительному собранию...

Из-за стола встал член военной комиссии Онипко, — в июле 1917 года матросы изгнали его из Гельсингфорса, где он занимал пост военного комиссара Временного правительства при командующем флотом Балтийского моря:

— Будут ли приняты какие-нибудь меры в отношении Ленина?

Руководитель террористической дружины эсеров Паевский вопросительно посмотрел на Гоца:

— Можно ответить?

— Нет, нет! Воздержитесь!.. — Заметив на некоторых лицах присутствующих недоумение, Гоц поспешил оправдаться: — Я прошу не истолковывать мои слова превратно. Мы полностью доверяем всем находящимся здесь. Но есть вопросы, о которых не следует распространяться...

1 января 1918 года, под вечер, Владимир Ильич Ленин вместе со своей сестрой Марией Ильиничной и швейцарским социалистом Платтеном выехали в автомобиле из Михайловского манежа. Там только что закончился митинг, посвященный проводам уходящей на фронт первой регулярной части социалистической армии.

Неожиданно раздался удар в кузов машины. За ним другой, третий. Платтен резким движением руки пригнул голову Ленина. Шофер рванул

машнну на полный ход. Пулн вдогонку впнвались в кузов, проннзывая его стенкн. Автомобнль был пробнт в четырех местах...

ВЧК провела расследованне. 2 января члены всероссийской террорнстнческой боевой дружины эсеров былн арестованы. Планы мятежннков, готовившихся силой оружня ннспровергнуть днктатуру пролетарната, былн раскрыты.

Для подавлення заговора и охраны порядка в день открытня Учреднтельного собрання был создан Чрезвычайный военный совет.

Таврнческнй дворец, где 5 января должно было открыться Учреднтельное собранне, подступы к дворцу, район Смольного н другне важные позицин Пнтера совет поручил охранять морякам. Командовал нмн народный комнссар по морскнм делам П. Е. Дыбенко.

Дыбенко вызвал Ховрнна н Железнякова. Объяснил задачу, поставленную перед ннмн. Подойдя к карте Петрограда, внсевшей на стене, он говорнл:

— Вот какне пункты займут балтнйцы: Таврнческнй дворец — сто человек; Нnколаевская академия — Лнтейная — Кнрочная — триста человек; государственный банк — четыреста пятьдесят человек. У Петропавловской крепостн будет четыре гндроаэроплана. Таврический дворец за вамн. Тебе, товарищ Ховрин, поручается командовать отрядом по охране порядка на поступах к дворцу. А ты, Железняков, расставнншь караулы...

— Но где взять столько людей? — спросил Ховрнн.

Дыбенко вместо ответа протянул Ховрнну текст телеграммы, посланной им на имя Центробалта. В ней говорнлось:

«Срочно, не позже 4 января, прислать на двое

или трое суток 1000 матросов для охраны и борьбы против контрреволюции в день 5 января. Отряд выслать с винтовками и патронами, — если нет, то оружие будет выдано на месте. Командующими отрядом назначаются товарищи Ховрин и Железняков».

— Я немедленно выезжаю в Гельсингфорс. А ты, Анатолий, двигай в Кронштадт, — сказал Ховрин.

В ночь с 4 на 5 января Железняков шагал во главе отряда кронштадтцев по торосистой ледовой дороге, проложенной поперек закутанного в молодой снег Финского залива. Впереди уже чернел Ораниенбаум. Ветер доносил оттуда гудки паровозов.

Боясь опоздать к отходу поезда на Петроград, Анатолий дал команду ускорить шаг. Он несколько раз оглядывался на Кронштадт. Мачты военных кораблей, гранитные стенки гаваней и портов, Петроградская пристань — все было знакомым, родным... Анатолия охватила какая-то тревожная грусть. Ему казалось, что он навсегда ушел из Кронштадта.

Над Петроградом висело хмурое январское небо. День 5 января 1918 года зарождался в волнении.

Накануне ночью отряды красногвардейцев и матросов разоружили офицерские группы, готовые к утреннему выступлению. Напрасно призывали меньшевики и эсеры к забастовке и демонстрации в честь открытия Учредительного собрания. Питерские рабочие не только гнали с собрания агитаторов из меньшевиков и эсеров, но задерживали и передавали в следственные органы наиболее ярых контрреволюционеров.

Всю ночь не сомкнул глаз Дыбенко. Он мчался иа автомобнле нз одного района в другой, проверяя ход операцнй по аресту коитрреволюциоиеров. Нужио было встречать моряков.

Пять лет спустя Дыбенко писал об этой иочи: «...На главных улнцах Петрограда заняли свон посты верные часовые Советской власти — отряды моряков. Им дан был строгий приказ: следить за порядком в городе... Начальннкн отрядов — все боевые, нспытаииые еще в июле н октябре товарнщн... Железняков со свонм отрядом торжественно выступает охранять Таврический дворец — само Учредительное собранне... Он искренне возмущался еще на 2-м съезде Балтфлота, что его нмя предложнлн выставнть кандндатом в Учреднтельное собраине. Теперь, гордо выступая с отрядом, он с лукавой улыбкой заявляет: «Почетное место займу». Да, он не ошибся. Он занял почетное место в нсторнн».

...Отряд выстронлся у подъезда дворца. В. Д. Бонч-Бруевнч, пожнмая Железнякову руку, сказал:

— Кровопролнтне не нужно рабоче-крестьянской властн. Сумейте вы, сознательные борцы революцнн, так подействовать на сбнтых с толку рабочнх н обывателей Петрограда, чтобы онн по-братскн понялн вас н подчнннлнсь распоряженням законной властн. Но еслн вы встретнте врагов революцнн — пощады им нет, н пусть ваша рука не дрогнет!..

Железняков расставнл посты, провернл оружне, указывал, где установнть пулеметы, отдавал последнне распоряжения.

К Таврическому дворцу, прорезая морозный

воздух сиренами, ежеминутно подкатывали автомобили, подлетали с храпом стройные рысаки. Мелькали богатые шубы с меховыми воротниками.

— Кому нужно это собрание? — не выдержал Железняков. — Зачем собирать этих контриков?!

— Ничего. Пусть сами разоблачат себя перед трудящимися, — ответил Анатолию Дыбенко.

...К трем часам дня с высокими сводами круглый зал заседаний бывшей Государственной думы был переполнен. Кроме делегатов сюда пришло много сот «гостей», которых привели с собой представители буржуазных партий.

Рассаживались по традиционному порядку: правые эсеры и кадеты заняли крайнее правое крыло, где при царизме размещались октябристы — представители реакционной буржуазии и все черносотенцы. Представители национальных группировок и беспартийные разместились в центре. Большевики и левые эсеры — на крайнем левом крыле.

Хоры были до отказа забиты питерскими рабочими, матросами и солдатами.

Большевистская фракция поручила Я. М. Свердлову как председателю ВЦИК открыть Учредительное собрание и огласить «Декларацию прав трудящегося и эксплуатируемого народа». Этим должна была подчеркиваться зависимость Учредительного собрания от высшего органа народной власти — Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета.

Эсеры пытались действовать самочинно. Из рядов, занятых соглашателями, поднялся правый эсер Лордкипанидзе. Он взмахнул рукой, призывая к порядку, и с театральным пафосом начал говорить:

— Граждане! Предлагаю предоставить честь открытия заседания старейшему из собравшихся членов Учредительного собрания!

Быстро пробравшись между шумных рядов, на трибуну взошел седоволосый, с огромной бородой правый эсер Швецов.

Поднялся невообразимый шум. Правая сторона и центр зала аплодировали, а слева и с галереи раздавались протестующие крики:

— Долой, самозванцы!

Но вот появился на председательской трибуне Я. М. Свердлов. Властным движением он отстранил Швецова и, когда в зале стих шум, объявил:

— Исполнительный Комитет Советов рабочих и крестьянских депутатов поручил мне открыть заседание Учредительного собрания. Центральный Исполнительный Комитет Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов выражает надежду на полное признание Учредительным собранием всех декретов и постановлений Совета Народных Комиссаров. Октябрьская революция зажгла пожар социалистической революции не только в России, но и во всех странах. Мы не сомневаемся, что искры нашего пожара разлетятся по всему миру, и недалек тот день, когда трудящиеся классы всех стран восстанут против своих эксплуататоров...

Яков Михайлович после короткой паузы еще громче продолжал свою речь:

— Мы не сомневаемся в том, что истинные представители трудящегося народа, заседающие в Учредительном собрании, должны помочь Советам покончить с классовыми привилегиями...

Раздался бурный взрыв аплодисментов с левой стороны. В рядах остальных фракций царило молчание.

Свердлов продолжал:

— Центральный Исполнительный Комитет выражает надежду, что Учредительное собрание, поскольку оно правильно выражает интересы народа, присоединится к декларации, которую я буду иметь честь сейчас огласить.

Развернув перед собой декларацию, оратор начал читать ее по пунктам...

Пламенные слова документа, написанного Лениным, вызвали огромный подъем среди сторонников Советов.

Контрреволюционное большинство—правые эсеры, меньшевики и кадеты словно онемели.

Закончив чтение, Свердлов объявил Учредительное собрание открытым и предложил избрать председателя. Блок правых эсеров и других контрреволюционных партий получил большинство голосов.

Председателем был избран лидер правых эсеров Чернов. Началось конструирование президиума.

Дыбенко, избранный, как и Ленин, делегатом Учредительного собрания от моряков Кронштадта, послал Чернову записку с предложением избрать Керенского и Корнилова секретарями президиума. Чернов, не поняв насмешки балтийца, развел руками и несколько удивленно заявил: «Ведь Корнилова и Керенского здесь нет».

Когда закончились выборы президиума, Чернов разразился полуторачасовой речью, излив в ней всю горечь и обиды, нанесенные большевиками многострадальной «демократии». В заключение своего словоизвержения он предложил почтить вставанием память тех, «кто пал в борьбе за Учредительное собрание».

В. И. Ленин так передал свои впечатления об этом беснующемся сборище врагов народа:

«После живой, настоящей, советской работы, среди рабочих и крестьян, которые заняты *делом*, рубкой леса и корчеванием пней помещичьей и капиталистической эксплуатации, — вдруг пришлось перенестись в «чужой мир», к каким-то пришельцам с того света, из лагеря буржуазии и ее вольных и невольных, сознательных и бессознательных поборников, прихлебателей, слуг и защитников...

Это ужасно! Из среды живых людей попасть в общество трупов, дышать трупным запахом, слушать тех же самых мумий «социального», луиблановского фразерства, Чернова и Церетели, это нечто нестерпимое» [1].

...Заседание продолжалось.

Контрреволюционно настроенное большинство Учредилки отвергло предложение утвердить декреты Совнаркома. Посланцы буржуазии отказались даже обсуждать «Декларацию», показав этим самым свои подлинные контрреволюционные цели. Большевики покинули Учредительное собрание.

Прилегающие к Таврическому дворцу улицы огласились громкими криками. Приближалась демонстрация из эсеровских дружинников, уцелевших от арестов, буржуазной части студенчества, чиновников — членов партий кадетов, эсеров и меньшевиков. Они с бранью, визгом быстро заполнили Литейный проспект. Над пестрыми рядами колыхались зелено-розовые, желтые и белые знамена, плакаты с кадетскими, меньшевистскими и эсеровскими лозунгами.

---

[1] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 35, стр. 229.

Железняков окинул взглядом демонстрантов. Ему показалось, что он видит запомнившиеся на всю жизнь лица Сохачевского, Митрофанова... Враги революции! Они были и его личными врагами! Эх, если бы можно было скомандовать дать залп, смести с лица земли эту шваль. Но... нельзя! Приказано не допускать кровопролития. Железняков быстро взобрался на высокую каменную тумбу.

— Внимание! — его голос утонул в криках толпы. Железняков повысил голос: — Внимание!.. Тише!..

Демонстранты постепенно стали умолкать. Выждав немного, Железняков внушительно объявил:

— Прошу не задерживаться и немедленно очистить улицу!

В ответ на это раздались возгласы:

— Не уйдем! Мы приветствуем избранников народа!

— Долой большевиков!

— Да здравствует Чернов!

В воздух угрожающе поднялись трости и кулаки.

Громче прежнего, тоном, не терпящим возражений, Железняков категорично потребовал:

— Разойдись!

Толпа надвигалась на него еще более угрожающе. Раздались новые выкрики:

— Разбойники!

— Насильники!

Железняков обратился к стоявшему рядом с тумбой Ховрину:

— Ну что ж, придется... — Железняков не договорил, так как Ховрин понял его мысль и скомандовал матросам, стоящим за решеткой, окружающей Таврический дворец:

— В ружье, товарищи, за мной!

Визжа, ругаясь, толкая друг друга, сбивая с ног, демонстранты бросились врассыпную.

Но через несколько минут мостовая снова заполнилась толпой. Эсеровские дружинники начали стрелять из револьверов.

Матросы рассыпались вдоль ограды, приготовившись к решительному отпору. В их адрес раздавались угрозы, оскорбления.

— Предупреди их еще раз, — сказал Ховрин Анатолию.

Железняков снова поднялся на высокую тумбу:

— Господа! Последний раз требую: разойдись!

И снова сквозь шум и гам донесся чей-то истеричный голос:

— Чего смотреть? Бей его!

Убедившись, что уговорами здесь не возьмешь, Ховрин, заранее предупредивший бойцов, громко скомандовал:

— По врагам революции... пли!

Грянул залп... в воздух.

Улица загудела от панического рева. Демонстранты бросились бежать в разные стороны, топча и разрывая свои знамена и плакаты, оставляя на мостовой шапки, галоши, муфты...

На совещании большевистской фракции Ленин сообщил о решении Центрального Комитета. Все большевики депутаты должны отказаться принимать участие в работе Учредилки и уйти из зала на хоры.

— Правильно, Владимир Ильич! — единодушно одобрили члены фракции.

...Была уже поздняя ночь.

Заседание Учредительного собрания возобновилось речью меньшевика Скобелева, бывшего министра труда, который вместе с другими членами Временного правительства был арестован, а затем освобожден Советским правительством.

За ним выступил эсер Тимофеев. Полились потоки антисоветской грязи.

Представитель фракции большевиков взял слово для очередного заявления. Поднявшись на трибуну, он огласил написанную Лениным декларацию фракции РСДРП (большевиков). Громом аплодисментов встретили собравшиеся на хорах рабочие, солдаты и матросы заключительные слова декларации:

«Не желая ни минуты прикрывать преступления врагов народа, мы заявляем, что покидаем Учредительное собрание с тем, чтобы передать Советской власти окончательное решение вопроса об отношении к контрреволюционной части Учредительного собрания» [1].

Покинули зал и левые эсеры. Они долго колебались, прежде чем приняли это решение. Ненадежные попутчики были у нашей партии.

•

Среди матросов все больше и больше росло озлобление против болтовни контрреволюционных депутатов, порочивших завоевания молодой Советской Республики.

Дыбенко отдал приказ караулу закрыть заседание Учредительного собрания.

О настроении матросов сообщили Ленину. Обеспокоенный, он прислал в ночь с 5 на 6 января предписание:

---

[1] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 35, стр. 228.

«Предписывается товарищам солдатам и матросам, несущим караульную службу в стеиах Таврического дворца, не допускать никаких насилий по отношению к контрреволюционной части Учредительного собрания н, свободно выпуская всех из Таврического дворца, никого не впускать в него без особых приказов.

Председатель Совета Народных Комиссаров

В. Ульянов (Ленин)»[1].

Твердо помня это указание Владимира Ильича, Железняков обходил помещения Таврического дворца, поднимался на хоры, заглядывал за кулисы, проверял посты. Но чем больше затягивалась контрреволюционная говорильня, тем напряженнее становилась обстановка и возмущение матросов все нарастало.

Шел третий час ночи. С очередного объезда города вериулся оживленный, довольный установленным порядком в столице Дыбенко.

— Товарищ Дыбенко, — обратился к нему Железняков. — Матросы устали, хотят спать, как быть?

— Сейчас заседает Совнарком, как раз решается вопрос о роспуске Учредилки. Как только народиые комиссары уйдут из дворца, разгоняй всю контру!

Железняков снова обошел посты и поднялся на хоры. Прислонившись к одной из колонн, он смотрел вниз. Кто-то коснулся плеча Анатолия. Он обернулся. Перед ним стоял Ховрин.

— О чем думаешь, Анатолий? — спросил ои.

— Вот о них, кто хочет отобрать у нас власть! —

---

[1] В. И. Л е н н н. Полн. собр. соч., т. 50, стр. 26.

зло сказал Железняков, показывая на сцену, где за огромным столом, важно развалившись в председательском кресле, сидел Чернов. Очередной оратор изощрялся в клевете на Советскую власть и партию большевиков.

— Руки коротки! — отрезал Ховрин.

— Это верно! Но вот все-таки болтают. Как ты думаешь, сколько нам еще можно их терпеть?

Вместо ответа Ховрин спросил:

— Что решил Совнарком?

— Вопрос о роспуске этого сборища, кажется, решен окончательно... — ответил Железняков.

— Где товарищ Ленин? — снова спросил Ховрин.

— Владимир Ильич уехал. Вот оставил предписание. Теперь вопрос — как их выкурить отсюда?

Анатолию вспомнилось, как после разгрома рабочего клуба на даче Дурново Чернов заявил в печати: «Солдаты хотели только восстановить порядок».

«Что ж, надо и здесь «только восстановить порядок», — мысленно решил он.

Было 4 часа 20 минут утра. Железняков обошел посты, еще раз напомнил матросам директиву Ленина не позволять никаких насилий над делегатами и твердой поступью вошел в огромный, ярко освещенный зал дворца, прошел мимо рядов, поднялся на трибуну. Он подошел к Чернову, положил ему на плечо свою сильную руку и громко сказал:

— Прошу прекратить заседание! Караул устал и хочет спать...

Произносивший в это время с большим пафосом свою речь левый эсер Фундаминский застыл на полуслове, уставив испуганные глаза на вооруженного матроса.

Придя в себя после минутной растерянности, охватившей его при словах Железнякова, Чернов закричал:

— Да как вы смеете! Кто вам дал на это право?!

Железняков сказал спокойно:

— Ваша болтовня не нужна трудящимся. Повторяю: караул устал!

Из рядов меньшевиков кто-то крикнул:

— Нам не нужен караул!

Перепуганный Чернов что-то начал торопливо говорить секретарю Учредительного собрания Вишнякову.

В зале поднялся шум. С хоров раздались голоса:

— Правильно! Долой буржуев!

— Хватит!

Слыша эти ободряющие возгласы, Железняков понимал, что, разгоняя сборище врагов, он выполняет волю трудового народа, и это ему прибавило сил и уверенности.

Чернов трясущейся рукой схватился за председательский звонок и, когда шум немного стих, напыщенно произнес, обращаясь к Железнякову:

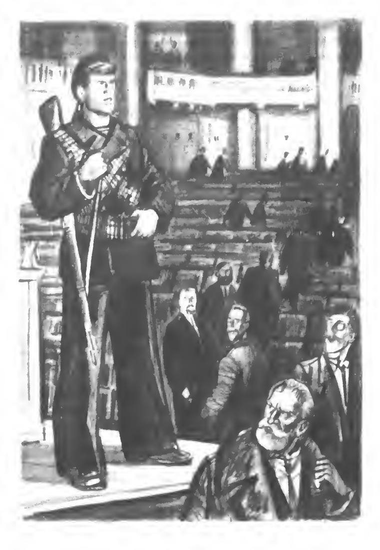
— Все члены Учредительного собрания также очень устали, но никакая усталость не может прервать оглашения того земельного закона, которого ждет Россия...

С хоров снова раздались возмущенные голоса матросов, солдат и рабочих:

— Опоздали! Земля уже давно без вас роздана крестьянам! Довольно!

Железняков не отступал:

— Повторяю еще раз: караул устал и хочет спать. Прошу подчиниться законной власти! Немедленно очистить зал!

Своды дворца наполнились диким гвалтом. Сотни людей стучали ногами, грохотали деревянными пюпитрами, надрывно ревели:

— Насильники!

— Бандиты!

С хоров кричали матросы и красногвардейцы:

— Контрреволюционеры!

— Буржуям продались!

Стрелки часов показывали ровно 4 часа 40 минут утра.

Обращаясь к бушующему залу, Чернов испуганно прокричал:

— Объявляю перерыв до пяти вечера!

Покидая председательскую трибуну, он бросил с пафосом:

— Подчиняюсь вооруженной силе! Протестую, но подчиняюсь насилию!

Через несколько минут Таврический дворец был пуст. Железняков проверил караулы и закрыл все двери.

Над Петроградом начинался рассвет нового дня.

10 января. Под сводами Таврического дворца открылся III Всероссийский съезд Советов.

Победно гремит «Интернационал».

Открывший заседание съезда Яков Михайлович Свердлов в своей вступительной речи отметил огромное революционное значение роспуска Учредительного собрания и предоставил слово для приветствий. От имени революционного гарнизона Петрограда съезд приветствовал матрос Железняков.

Анатолий долго не мог начать свою речь. Зал гремел приветствиями.

— У революционной армии и флота, — громко

чекаиил слова Железияков, — у всех «чериорабочих революции» еще ие заржавели виитовки и хватит сил для того, чтобы задушить капитализм, довести революцию до коица и одержать всемириую победу иад угиетателями!

Ои подробио рассказал, как ои «распустил» Учредительиое собраиие.

— Когда для иас стало ясио, что другого выхода иет, мы вошли в зал и потребовали разойтись, «ибо мы устали». И эти трусы разбежались!..

Если бы потребовалось примеиить против врагов революции оружие, у иас ие дрогиула бы рука! Чтобы защитить власть Советов, мы готовы иа все!..

25 (12) яиваря 1918 года «Правда» писала:

«В вдохиовеииой речи своей т. Железияков приветствует истииных борцов за социализм в лице даииого собраиия и посылает призыв западиому пролетариату бороться так же, как боролись, борются и еще будут бороться те, кого обиаглевший ставлеиник буржуазии осмелился иазвать взбуитовавшимися рабами».

Съезд устроил Железиякову овацию. Раздавались возгласы:

— Да здравствует революциоиный флот!

В ответ иа это Железияков громко воскликиул, обращаясь к переполиеииому залу:

— Да здравствует непобедимая революциоиая армия рабочих и крестьяи!

Не было более счастливой миииуты в жизии балтийца. Ои видел, что вместе со всем иародом ему аплодировал Владимир Ильич Леиии.

СЛОВОМ И МАУЗЕРОМ

Это заседание Совета Народных Комиссаров состоялось 11 января 1918 года.

Спровоцированная Америкой, Англией и другими странами Антанты, боярская Румыния без всяких поводов со стороны России в течение многих месяцев устраивала военные провокации.

Советское правительство приняло ряд мер для предотвращения войны с боярской Румынией, но король Фердинанд, прозванный своими соотечественниками Лопоухим, не унимался. Румынская монархия, пытаясь спасти себя, своих помещиков и банкиров, открыла военные действия против Советской Республики. Совнарком выдвинул предложение: создать Верховную коллегию по борьбе с румынской олигархией и направить ее в Одессу с правом решения на месте вопросов внешней политики. В состав этой коллегии вошел и Железняков.

Вместе с коллегией решено было послать вооруженный отряд моряков для охраны. Возглавил его член коллегии Железняков.

Торопливо отстукивая версты, специальный поезд мчался к Одессе. В последний раз Железняков этой дорогой ехал к Черному морю в ноябре 1916 года. Тогда у него в кармане лежал фальшивый паспорт. Теперь — правительственный мандат. Анатолий был горд этим. Из соседнего купе слышались шутки, споры и смех балтийцев из его отряда. И конечно, многие вспоминали своих товарищей.

— Разошлись ребята по стране, как по океану, — сказал кто-то.

«Да, где только иет сейчас наших балтийских матросов, — подумал Аиатолий. — Одии сражаются с гайдамаками иа Украиие, другие охраияют Смольиый, третьи создают большевистские Советы по городам и селам. А многих уже нет в живых».

Сжалось сердце. Два дия иазад он узиал, что в городе Яссы бывший царский геиерал Щербачев убил Семеиа Рошаля. Щербачев комаидовал тремя советскими армиями иа Румынском фронте, ио, измеиив Советской власти, ои заключил союз с буржуазиой Цеитральиой Украиской Радой и с руководителями боярской Румыиии, которая захватила Бессарабию и готовилась форсировать Диестр, угрожая Одессе и другим городам молодой Советской Республики.

Вот и Севастополь.

Но задерживаться здесь было нельзя. Из Одессы шли тревожиые вести: иитервеиты и белогвардейцы приближались к городу.

— Разрешите мие сейчас ие ехать в Одессу, — выступил Железияков иа заседаиии коллегии, — а прямо в Измаил. Там враги могут отрезать Дуиайскую флотилию, и погибиут тысячи солдат, ждущих эвакуации по реке.

— Предложеиие ваше правильиое, товарищ Железияков, — сказал председатель. — Поезжайте туда и действуйте от имеии коллегии...

К середиие яиваря 1918 года в Измаиле скопилось иесколько тысяч революциоиных матросов и солдат, миого военного имущества 6-й армии. Едииствеииый путь к морю — вииз по реке — был под угрозой. Захватчики уже подбирались к порту Килия — ииже Измаила.

Прибыв в Измаил, Железияков иемедлеиио приступнл к оргаиизации спасения людей и цеииого воеииого имущества, прииадлежавшего Советской России. Последнне баржи в сопровождеиии каио-иерских лодок «Кубаиец» и «Терец» покииули Измаил, когда враги уже ворвались в город со стороиы Белграда и Рени.

Ниже по реке, между Измаилом и Килией, путь был прегражден румынскими моииторами. На острове, разделявшем реку иа два русла, укрепилось свыше тысячи вражеских пехотиицев. Орудия и пулеметы были иаведеиы иа русскую флотилию.

— Прорвемся, товарищи! — раздался громкий призыв Железнякова, стоявшего иа иосу «Кубанца».

Несмотря иа то что русская флотилия была слабее осиащеиа, оиа ианесла большой урон белорумыискому отряду. Были выведеиы из строя иесколько катеров и монитор «Катарджи».

Ободреный такими смелыми действиямн русских, румыиский революциоииый комитет во главе с матросом Георге Строичем и рабочим-судостроителем Греча организовал в Килии аитивоеииое выступление. Восставшне захватнли кораблн «Северни», «Браила» н ряд других, подияв иа них красиые флаги. У офицеров были сорваны погоны. Хотя потом королевские жандармы с помощью белогвардейцев и подавили восстаиие, но миогие румыиские комеидоры в дальиейшнх боях отказывались стрелять по советским кораблям.

Положеиие на Дунае оставалось угрожающим. В поисках вооружеиных сил Железняков срочио выехал в Севастополь, там открывался 2-й общечериоморскнй съезд моряков. Чериоморцы постаиовили: выделить силы для совместиого участия

в наступлении советских войск против боярской Румынии.

На съезд приехали делегаты революционных команд румынских кораблей, находившихся с начала 1917 года в Одессе, Севастополе, Николаеве и других портах.

— Наш флот, — заявили румынские делегаты,— присоединился к революционной борьбе. Над нашими кораблями реют красные знамена, и теперь эти корабли ходят под новыми названиями. Нет больше «Императора Траяна», есть «Социалистическая революция». Была «Принцесса Елена» — теперь «Освобождение». «Перекрещены» и многие другие корабли.

Все румынские корабли, находящиеся во всех русских портах Черного моря, как военные, так и коммерческие, съезд постановил считать у боярской Румынии конфискованными.

Из Севастополя Железняков срочно отправился в Одессу. Председатель Верховной коллегии ознакомил его с телеграммой В. И. Ленина:

«...Действуйте как можно энергичнее на Румынском фронте...»[1].

Бои шли на дальних подступах к Одессе. Враги тщетно пытались форсировать Днестр. По призыву одесских большевиков свыше 10 тысяч рабочих вступили в сформированную Особую, позже переименованную в 3-ю Украинскую, армию. Свыше 5 тысяч румын вступили в батальон Красной Армии. Стоявший в Одессе корабль «Дуростер» стал штабом революционных военных моряков, а в здании

[1] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 50, стр. 41.

бывшего румынского консульства разместился штаб революционных пехотных частей.

Вместе с председателем коллегии Железняков часто посещал оба штаба, выступая перед солдатами. Он очень близко сошелся с руководителями румынского ревкома Георге Строичем, Ионом Мунтяну и Бужаром.

17 февраля на Румынский фронт прибыли советские войска, разгромившие в Киеве контрреволюционные банды Центральной Рады.

18 февраля в Одессе была получена телеграмма нз Москвы, в которой сообщалось, что ввиду серьезного положения на русско-румынском фронте и необходнмости экстренной поддержки революционных отрядов Бессарабии главнокомандующий Муравьев и его Северная армия причисляются в распоряжение Верховной коллегии.

Отряды приднестровских и прндунайских партизан удерживали большой плацдарм в Приднестровье. Дунайская флотиля пополнилась несколькими небольшими миноносцами Черноморского флота, что дало возможность высадить десант, отвлекший большие силы белорумын с основных участков фронта. Войска Особой и Северной армий форсировали Днестр и вклинились в глубь южной Бессарабии. В Тнрасполе наши войска форснровали Днестр и продвигались к западу, ближе к Яссам.

Но уже тянулись с запада полчнща кайзеровской Германин, готовясь оккупнровать Советскую Украину... Немецкие войска начали наступление по всему фронту — от Балтийского до Черного моря. На всю страну разнеслнсь призывным набатом ленннские слова:

«Социалистическая республика Советов находится в величайшей опасности. До того момента,

как поднимется и победит пролетариат Германии, священным долгом рабочих и крестьян России является беззаветная защита республики Советов против полчищ буржуазно-империалистической Германии»[1].

На этот призывный клич рабочий класс ответил усилением формированием частей Красной Армии.

Немецкое командование рассчитывало, что двинутые на Украину 33 дивизии пройдут от Западного Буга до Дона за 15—20 дней, потребовалось им на это около трех месяцев. Потери исчислялись тысячами отборных солдат и офицеров.

28 февраля 1918 года в Одесском городском цирке шло объединенное заседание Совета с представителями от воинских и морских частей, а также предприятий города.

На трибуне, позвякивая шпорами, метался высокий военный. Неестественно ярко горели его глаза. Это был командующий фронтом, левый эсер, бывший полковник Муравьев[2].

— Режим буржуазии, режим Керенского пал под моим ударом, — вопил Муравьев. — Я стал с того момента безостановочно бороться против буржуазных выступлений и вспышек. Русская революция, подобно Христу, появилась с Востока. На нее смотрит весь мир. Мы — Мессия, мы — Христос, от которого ждет спасения мировой пролетариат.

Я Одессу ни за что не отдам! Я не оставлю камня на камне в этом прекрасном городе. В пепелище

[1] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 35, стр. 357.

[2] Летом 1918 года Муравьев предал Советскую Республику, пытаясь открыть фронт белогвардейцам, и был расстрелян большевиками Поволжья.

я превращу это великолепиое здание театра... Да здравствует всеобщий бунт, всеобщий мятеж, ведущий к Третьему Интериационалу, к его победе и счастью.

Меньшевнкн н эсеры говорилн о том, что иельзя разрушать Одессу, лучше объявить город отделившнмся от Советской Республики, тогда его мииует войиа.

Это предательское предложеине меиьшевиков и эсеров вызвало у присутствующих бурю протеста. Когда шум и крик иемиого улеглнсь, слово получил Железняков. Около двух тысяч людей, собравшихся в цирке, слушалн его с напряженным виимаиием. Последние слова речи прозвучали как святая клятва:

— Нас, балтийцев, в Одессе всего лишь пятиадцать человек. Но если весь остальной флот ие пойдет с нами защищать Советскую власть, то мы выпустим все патроны по врагам, а последиими убьем себя... Еслн красный флаг гордо подиялся, то ои не может упасть... Я революциоиер, и для меия есть только одии нсход — или победа, или смерть. Если нужно будет, мы пойдем сражаться босыми и кинем проклятье Одессе, если оиа ие пойдет за нами...

«Буриые аплодисменты собраиня приветствуют прекрасиую истинно революциоииую речь тов. Железнякова», — писала большевистская газета «Голос революции» в отчете о заседаиии.

На следующий деиь в Новом театре состоялось собрание моряков Одесского порта. Трибуиу заиял матрос Железияков. Одесские газеты от 2 марта 1918 года приводят выступлеиие:

«Закоичилась годовщина нашей революционной борьбы, и мы уклоиились от иаших прямых обязаи-

ностей и, считая, что революция достаточно закреплена, впали в безмерную спячку. Но это ошибка! Мы переживаем эпоху, подобную французской революции, когда французская буржуазия вместе с Германией уничтожила Коммуну. Так же в России гайдамаки вместе с австрийцами и германцами напали на нас, дабы уничтожить революцию. Они заняли Киев для того, чтобы отрезать нас от севера. Перед нами одна проблема — победить или умереть. И вот поэтому, чувствуя, что нам придется пережить, я призываю вас организовать отряды и стойко бороться за свою Родину и революцию... Я знаю, что нам, балтийцам, грозит большая опасность, чем вам... Мы, балтийцы, как шедшие в авангарде революции, будем расстреляны раньше вас. Но нам смерть не страшна, ибо мы боролись за прекрасную мечту — за революцию. Нас вспомнит поколение».

Моряки-черноморцы создали под командованием Железнякова большой отряд, готовый в любой момент выступить навстречу врагу.

В начале марта из Севастополя нагрянул в Одессу матросский отряд, именовавшийся «Смерть», во главе с анархистом Косисимовым. Отряд самовольно занял гостиницу «Бристоль» и начал буйствовать. Главари отряда, увешанные с ног до головы оружием, явились в штаб Железнякова с ультиматумом:

— Требуем не препятствовать нам! Через три дня мы отправимся на фронт, а сегодня будем ликвидировать одесскую буржуазию...

Начальник штаба большевик Петр Зайцев, близкий друг Железнякова, резко ответил:

— Знаем, слыхали, чем вы занимались в Севастополе!

Косисимов ответил с бахвальством:

— Да, мы устроили там хорошую варфоломеевскую ночь...

— Убили многих ни в чем не повинных людей, запятнали флот! — гневно оборвал его Зайцев.

— Молчать! — ударил Косисимов кулаком по столу.

Возмущенный наглым поведением распоясавшегося анархиста, Зайцев выхватил наган и крикнул:

— Под прикрытием борьбы с буржуазией вы хотите грабить Одессу, вонзить нож в спину революции!

Вожаки анархистов схватились за свои маузеры.

Услышав шум, в комнату влетел Железняков.

— Убрать оружие! — тоном, не терпящим возражений, потребовал Железняков.

Анархисты на секунду пришли в замешательство. Они впервые видели этого смелого и решительного человека в матросской форме.

— А кто ты есть такой, чтобы приказывать нам? Мы, анархисты, не признаем никаких приказов! — заявил Косисимов.

— Ребята, — переменил тон Анатолий, — прекратите безобразие. Будьте настоящими моряками... Вам надо немедленно, сегодня, отваливать на фронт!

— Не пойдем! Требуем три дня свободы! Надо кровь пустить контре! А потом двинем на немецких сволочей. Не перечь нам! — упорствовали главари анархистов.

Тогда Железняков заговорил строже:

— Сейчас же едем в ваш отряд! Поговорим там с «братишками».

«Не может быть, чтобы весь отряд был заражеи аиархизмом, — думал ои. — Собралась кучка вроде этнх и мутят воду».

Переполиеиный вооружеииыми матросами большой зал гостииицы «Бристоль» тоиул в густом табачиом дыму.

Косисимов открыл собраиие. Охрипшим голосом он бросал в лицо Железнякову разиые оскорблеиия. Ои говорил о Железнякове, что ои «продался» буржуазин и пытается «втереть очки».

— Мы есть действительиый отряд международной борьбы со всякой коитрой, — шумел Косиснмов. — И можем ли мы, братишки, спокойио глядеть вот на таких паразитов, как этот, — указывал ои иа Аиатолия, — да еще в нашей матросской робе?!

Из зала кто-то крикиул:

— Фактура! Не можем!

Косисимов повериулся к Железиякову:

— Слыхал?

Кто-то еще буркиул:

— Танцуй, буржуй!

Железняков шагнул к краю сцеиы:

— Товарищи черноморцы! Прошу виимаиия!

Косиснмов окииул взглядом густо прокуреииый зал, моргиул своим сообщинкам:

— А ну, послухаем, братишки, что отольет иам этот защитник одесских буржуев.

В беспорядочном гвалте голосов иесколько мииут иичего иельзя было разобрать.

Аиатолий стоял в выжидательиой позе.

— Товарищи! — крикнул ои. — Прошу вниманиия!

Огромного роста детина, густо опутанный пулеметными лентами, продрался сквозь ревущую толпу к подмосткам и, потрясая увесистым кулаком, заорал:

— Да кто ты есть, что мы тебе должны внимание наше давать?

Из толпы подбросили:

— Документ покажи!

— Правильно! Документ давай!

Железняков вынул из бушлата старый, помятый бумажник и вытащил из него плотно сложенный лист бумаги со штампом и печатью Совнаркома.

— Нате! Читайте! — гневно выкрикнул он.

Из зала крикнули:

— Пономарчук, читай!

Матрос, который еще несколько минут назад потрясал перед Железняковым кулаком, поднялся на сцену. Он долго и сосредоточенно всматривался в текст мандата и, когда в зале наступила напряженная тишина, медленно, по складам наконец произнес:

— Совет Народных Комиссаров. — Обращаясь в зал, он крикнул: — Перед нами есть действительный военный моряк Балтики, красный матрос революции товарищ Железняков! Понятно?

Зал молчал. Главари растерянно суетились на сцене.

Отряд снова зашумел. Но теперь послышались возгласы:

— Говори, Железняков!

— Давай, закручивай!

— Вот послухаем — тогда решим, кто ты!

Железняков убедительно разъяснил матросам, кому на руку провокация, на которую их толкают.

И из зала уже неслось: «Даешь фронт!»

На следующий день большинство матросов из отряда Косиснмова влилось в отряд Железнякова.

Обсуждая создавшуюся обстановку в отряде, Зайцев сказал:

— Нам предстоит не сегодня-завтра сразиться с сильным, крепко вооруженным противником. Бойцов у нас достаточно. Больше полка. А какое у нас вооружение? Пулеметы, винтовки да гранаты. Надо срочно приобрести для отряда хотя бы одну бронеплощадку с орудием.

— Найдем! — уверенно воскликнул Анатолий. — В Одесском порту стоит несколько старых пульмановских вагонов, переоборудуем их.

Теперь нужно было достать хотя бы одно орудие. Железняков явился на крейсер «Алмаз», стоявший на рейде, собрал матросов и обратился к ним:

— Братишки, выручайте! Дайте одно из дальнобойных орудий с вашего корабля.

Двое суток бойцы отряда Железнякова совместно с командой черноморцев работали по установке орудия на бронеплощадке и возведению защитных стен из мешков, наполненных песком и камнями.

— Порядок! — радостно потирал руки Железняков, любуясь своей крепостью на колесах, и разъяснял матросам, кому и как надо будет действовать.

Штаб армии расположился на станции Выгода — в 40 километрах от Одессы. Отряд под командованием Железнякова разместился на узловой станции Бирзула — в 180 километрах от Одессы.

Вскоре от главнокомандующего армиями Украины поступила телеграмма:

«Выгода Раздельная копия Бирзула наркому Железнякову и начвойск Онуфриеву.

Ввиду заключения длительного перемирия с румынами, вы имеете возможность, оставив наблю-

дательные отряды за румынской армией, остальными силами перейти в наступление против австрогерманцев в том случае, если они сами перейдут. Ввиду заключения мира с германцами, приказано занимать позиции, на которых застало перемирие; раз они наступают, то давать им отпор смелым контрнаступлением».

Направляясь полным ходом на передний край фронта и миновав станцию Бирзулу, балтийцы увидели шедший им навстречу немецкий бронепоезд. Окутанный густым дымом, он по сравнению с бронепоездом железняковцев казался гигантским чудовищем. Но Железняков не растерялся. Он дал приказ открыть огонь по врагу. Орудие с крейсера «Алмаз» оказалось дальнобойнее пушек оккупантов и украинских белогвардейцев. А главное, что комендоры-моряки стреляли более метко, чем артиллеристы противника. В результате короткого сражения немецкий бронепоезд, получив несколько попаданий снарядов, начал быстро уползать к северу от Бирзулы.

Вернувшись на станцию, Железняков встретил Зайцева, который ему сообщил о том, что получен приказ от командования 3-й Украинской армии.

— Какой приказ? — спросил Анатолий.

— Ты назначен командующим Бирзульским тылом.

— Какой же это тыл? — удивился Железняков. — Немецкие эшелоны в десяти километрах от станции...

— Но ты хорошо знаешь, что район Бирзула — Слободка — Балта прикрывает армию с запада. В приказе также сообщается, что в твое распоряжение поступает бронevик Полупанова,

кавалерия сиверцев. Все это нам придется двинуть в контрнаступление... — медленно, как бы обдумывая что-то, сказал Зайцев.

В штабном вагоне собрались все командиры отрядов, подчиненных Железнякову.

— Нам предстоят тяжелые бои, — говорил Железняков. — Прошло время, когда войска сидели месяцами в окопах. Теперь нужно вести маневренную войну. Устраивать засады, взрывать пути, тревожить врага с тыла...

Контрнаступление началось успешно. Тесня противника, советские войска заняли железнодорожные станции Борщи и Слободка.

С радостью узнавали солдаты 3-й Украинской армии вести с разных флангов фронта: из Балты были выбиты гайдамаки, во время боев под Слободкой был сильно поврежден германский поезд. В бою под Бирзулой 7 марта оккупанты потеряли около 1000 солдат.

Однако скоро пришлось отступать. 52-й германский корпус, свободно прошедший через румынскую границу, заходил советским войскам в тыл. Но напрасно надеялись немецкие генералы устроить нашим войскам западню. Со стороны Одессы на выручку своим товарищам шли новые отряды.

Надо было срочно уходить из района Бирзулы, чтобы проскочить к Одессе.

Железняков собрал железнодорожников узла:

— Я хочу напомнить вам, товарищи, слова декрета Совнаркома: «Социалистическое отечество в опасности». Товарищ Ленин требует: всеми силами воспрепятствовать врагу воспользоваться аппаратом путей сообщения; при отступлении унич-

тожать путн, взрывать н сжнгать железнодорожные здания.

Когда отряд Железнякова покндал Бнрзулу, там не оставалось нн одной годной стрелки, ни одного целого моста, телеграфные аппараты былн сняты н увезены в Одессу, связь всю разрушнлн.

На станцнн Раздельная Железняков встретнлся с командиром румынского революцнонного батальона, выступавшего против немцев, — Ионом Мунтяну. Он крнкнул ему:

— Буна домннаца, товарнщ Ион!

— Какое сейчас утро, товарищ Анатолнй? Сейчас кругом ночь.

Со всех сторон двнгалнсь к станцнн враги. Орудне бронепоезда молчало — не было снарядов. На исходе были и патроны. Советские отряды поднялись для штыковой атаки. Железняков бежал рядом с Ионом Мунтяну. «Блестаматуле кайзер (проклятый кайзер)!» — крнчалн румынскне солдаты н морякн, вырываясь вперед. Ион Мунтяну что-то хотел сказать Железнякову, но упал навзннчь, простроченный пулеметной очередью. Средн бойцов отряда Железнякова, а также румынскнх солдат н матросов в этом бою было много раненых.

Прощаясь с товарнщамн, Железняков говорнл нм:

— Дела, братухн, ннкуда не годные. Приказано эвакуировать Одессу. Но ннчего, всех буржуев все равно раздавнм! И Советскую власть отстонм! Не падайте духом, друзья!

Председатель Одесского краевого совнаркома питерскнй металлнст Петр Старостнн сказал Железнякову:

— Мы поручаем вам выполнить очень важное задание. В Николаеве нужно взять из Морского управления несколько десятков пудов очень ценного груза. Идите в порт, там сейчас заканчивается погрузка на транспорт «Бештау», который пойдет в Николаев. Прихватите с собой красногвардейцев на помощь.

— Есть! — ответил Железняков.

В Николаеве у причала морского полуэкипажа стояли миноносцы «Лейтенант Шестаков» и «Лейтенант Зацаренный». При помощи матросов с «Бештау» их быстро догрузили.

— Можете отправляться в Севастополь, — сказал Железняков капитану транспорта «Бештау».

Немедленно приступил Железняков еще к одной, не менее важной операции. В порту стояли миноносцы, которые не могли уйти из Одессы из-за отсутствия топлива. Железняков помог командам этих кораблей достать несколько десятков кулей брикетов. Этого достаточно было, чтобы миноносцы дошли до Севастополя. На одном из них добрался сюда и Железняков. Через несколько дней он выехал в Москву, где находилось Советское правительство.

— Очень кстати прибыли, товарищ Железняков, — радостно встретил его заместитель народного комиссара по морским делам.—Вам надо немедленно ехать в Кронштадт, к главному комиссару Балтфлота товарищу Флеровскому.

Выйдя от комиссара, Железняков неожиданно встретился с Васо Киквидзе. Познакомился он с ним еще в Харькове, после боев под Белгородом. Киквидзе был из тех людей, кто с юношеских лет безраздельно отдал себя революционной работе, за

это его неоднократно подвергали арестам. Октябрьская революция застала его на Юго-Западном фронте. Вчерашний рядовой солдат стал заместителем председателя ревкома одного из армейских соединений.

— Толья, дорогой! — обрадовался Киквидзе. — Ах как ты мне нужен сейчас! Не представляешь, как нужен! — И он подробно рассказал о полученном задании срочно выехать в Поволжье для организации воинской части, которая должна принять участие в обороне Царицына. — Будем вместе громить беляков! Согласен?

— Насчет беляков согласен! Но только я сейчас получил направление на Балтику. Там тоже что-то неладно...

Передовая часть балтийских моряков, называемая «красой и гордостью революции», сражалась на многочисленных фронтах гражданской войны против иностранных интервентов и русских белогвардейцев. В это время в ряды флота проникло много меньшевиков, эсеров, анархистов. Умело играя на трудностях, переживаемых Советской Россией, они вместе с предателями из командования усиливали свое влияние на молодых моряков, еще не осознавших глубоко стоящих перед ними задач по борьбе за укрепление Советской власти. Среди части флота зрело контрреволюционное восстание.

Первой выступила Минная дивизия.

Специально подобранное делегатское собрание этого крупного соединения Балтфлота, возглавляемое офицерами Лисаневичем и Засимуком, 11 мая вынесло резолюцию, требующую свержения Советской власти и созыва Учредительного собрания.

Комиссара Балтфлота Флеровского делегаты постаиовили ие призиавать.

На запрос Москвы, почему не выполияется требоваине о иемедленном увольиеиии из флота Засимука и Лисаиевнча, участник заговора начальинк морских сил Щастиый послал издевательский ответ, в котором говорилось, якобы «типография при штабе комаидоваиия настолько мала, что запаздывает с печатанием приказов».

Вскоре Щастиый был арестоваи, ио шайка Лисаиевича н Засимука продолжала открыто вести коитрреволюциоииую агитацию и требовала освободить его. На митииге, устроеином стороиииками заговорщиков, ие давали говорить большевикам и сорвали выступление А. В. Луначарского. С Миииой дивизии аитнсоветский заговор перекидывался уже иа корабли других соединений.

Коммуиистнческой партней были срочио мобилизоваиы силы для решнтельиого разгрома пособников коитрреволюции.

Раио утром 2 июия полным ходом к Кронштадту подходил миноносец. На мачте его развевался флаг главиого комнссара Балтнйского флота.

В кают-компаиии находилнсь Флеровский и Железняков.

Через иесколько часов должно было состояться общебазовое собраине представнтелей от всех комаид кораблей и береговых частей Кронштадта. Это собраиие должио было обсудить создавшееся положеиие в связи с аитнсоветскими выступлениями группы Засимука и Лисаневича.

— Надеюсь, товарищ Железняков, — сказал Флеровский, — что твое выступление иа этом собрании сыграет определенную роль. На Балтике любят тебя.

После выступлеиия главного комнссара флота Флеровского н других уже известных на Балтике политических деятелей — Ховриаа, Сладкова и Громова участники собрания разделилнсь на два лагеря. Многие поняли, на какой гибельный путь их толкали враги Советской власти, и в своих выступлениях сталн поддержнвать требования Флеровского — осудить антисоветские действня эсеров нз Минной дивнзии. Но некоторая часть представителей кораблей продолжала выступать с контрреволюцнонными речами. Когда Флеровскнй попытался выступить вторнчно, то сторонннки Щастного и его банды не дали ему высказаться.

Железняков решительно встал.

— Разрешнте мне, товарищ Флеровский, сейчас выступнть.

Балтнец подошел к самому краю подмостков, поднял руку:

— Тише! Замолчите!

В зале постепенно начала воцаряться тишина.

— Не говорить, а стрелять надо бы здесь! — уже не говорил, а кричал Анатолнй. — Товарищи, что произошло с вами? Вас считают героями революции! Спаснтелями флота! Ведь это вы увелн флот через льды из Гельсингфорса н Ревеля! Вы же орлы, ребята, черт вас побери! Где же ваши орлиные клювы н цепкие когти, прн виде которых буржуазия подыхала от страха?!

Зал безмолствовал.

— Что же вы молчите?! — еще больше распаляясь, кричал Железняков. — Я только что прибыл с фронта и завтра снова вернусь туда. Что прикажете передать нашей братве, которая сражается с друзьями Щастного — генералами Красновым, Дутовым н прочей мразью?!

Волиуясь, Железняков напомиил, как белые замучнли любнмца Балтфлота Семена Рошаля н сотнн другнх большевнков-матросов.

— Кто требует освобождеиня Щастиого? Вы забыли, как такне же царскне адмиралы бросалн нас в тюрьмы, ссылалн на каторгу, вешалн н расстрелнвалн? А за что? За правду! Нас ие мнловали! В защиту нас тогда ннкто нз ннх не выступал. А теперь, когда онн покушаются на нашу Советскую власть, иаходятся людн, желающне помогать нм! Позор!

Выступленне Железнякова н многих другнх товарнщей отрезвляюще подействовало иа прнсутствующнх в зале. Представнтелн Мннной днвнзнн былн с позором нзгнаиы.

Кронштадт по-прежнему оставался верной крепостью большевнзма иа Балтнке.

6 нюня Морской генеральный штаб вызвал Железнякова в Москву для назиачеиня иа должность комнссара...

Но почетный запрос опоздал. Железняков выехал на Волгу. Там разгоралась бнтва за Царнцын.

ОБОРОНА ЦАРИЦЫНА

Жаркнй нюньскнй день. На пыльиой площади в центре Тамбова ндет обученне молодых бойцов — добровольцев Красной Армнн.

В воздухе то н дело раздаются комаиды:

— Ать, два... Кругом! Ать, два... Рота! Бегом!

Ать, два, три! Правое плечо вперед! Стой! Ать, два, три...

Поднимая пыль, лихо скачут на лошадях ординарцы и носятся очкастые мотоциклисты.

Возле здания, где разместился штаб Еланского полка, толпится народ.

Время от времени на крыльце здания появляется человек в военной форме с листом бумаги в руках. Его сразу же окружают, и он громко оглашает список красноармейцев, принятых в полк.

Штаб осаждают желающие попасть в ряды защитников молодой Советской Республики. Беспрерывно трещит полевой телефон, стучит пишущая машинка.

У каждого стола очередь.

Попыхивая крепким самосадом, высокий человек в старой солдатской гимнастерке дает прикурить стоявшему за ним в очереди крестьянину.

— Повоюем, земляк?

— Да, без войны сейчас не обойтись, белые напирают...

Немного поодаль от очереди человек в рабочей спецовке и черной кепке на голове громко агитирует:

— Кто слаб духом — не суйся! Война, братцы, дело серьезное. Записывайся, кому жизнь новая дорога! Организуйся в общий поход! Или клади голову под шашку белоказацкую. Слыхали, что вчера говорил командир, товарищ Железняков? «Все за молодую свободу!»

От стола, покрытого кумачом, отходит молодой рабочий в лихо сбитой набок помятой железнодорожной фуражке.

— Ишь ты, ухарь какой! — дружески смеются кругом. — Такого только в кавалерию!

— На вид боевой, а иа деле каковой?! — пошутил кто-то.

Писарь вызывает:

— Следующий! Фамилия? Имя?

— Соловей Иваи.

— По батюшке как? Докумеит предъявляй! Каких мест?

— Нижиечирской стаиицы. Казак.

— Далеко залетела пташечка! — замечают шутливо стоящие в очереди.

— Куда ие залетишь, чтоб ие попасть к белякам!

— Имущественное положеиие? — спрашивает писарь.

— Это ты иасчет чего?

— Ну кто ты, бедияк или середияк? — иетерпеливо уже говорит писарь.

Очередь иачиилет шуметь:

— Поскорей! Не задерживай!

Сиова раздается:

— Следующий!

Ивана Соловья обступают толпой:

— Ну вот и забрился.

— Не зиаю, может, откажут еще...

— Нам ие откажут, мы трудовой крови, — слышится реплика.

— Хорошо сказаио, братцы! — сказал в это время вошедший в комиату Железияков. — Правильио! Мы все трудовой крови!

Писарь вскочил с места, вытяиулся и отрапортовал:

— Сегодия записалось шестьдесят добровольцев.

— Отличио! — Железияков прошел в соседиюю комиату.

Десять дией, как Железняков с отрядом моряков в тридцать человек прибыл на Царицынский фроит, в дивизию Васо Киквидзе. Радостно встретил ои Железнякова. Долго ие размыкалнсь дружеские объятия.

— Как дела сейчас иа Балтике?

— Там все в порядке, Васо.

— А вот у иас... — Киквидзе не договорил, вздохиул тяжело и сразу подошел к карте, висевшей иа стеие. — Ты слышал о мятеже чехословацкого корпуса? Мятежиики захватили Пензу, Самару... А здесь вот, у Астрахаии, — показал ои иа карте, — лютуют дутовцы. — Водя пальцем по карте, Киквидзе продолжал: — Вот тут с Доиа рвутся к Волге красиовцы, хотят захватить Царнцыи, им нужио соедиииться с Дутовым... Сейчас Царицыи защищают рабочие-волжаие и прибывшая с Украииы Пятая армия.

— А почему твои отряды ие выступают к Царицыну? — спросил Аиатолнй.

— У иас своя задача. Мы входим вместе с отрядами Сиверса и Мнронова в особую группу войск. Прикрываем Тамбов и обеспечиваем связь Царицыиа с цеитральиыми районами России. Сейчас у меия только два полка: Первый Рабоче-Крестьяиский и Шестой Заамурскнй коииый. Твой будет третьим.

На следующее утро Железияков вместе с Киквидзе поскакал в Елань. Там формировался новый полк.

Из окрестиых волостей приходнли мобилизованиые 1896—1897 годов рождения, беспрерывио притекали добровольцы, бывшие солдаты старой армии. Из иих Железняков подбирал отделеиных и взводных комаидиров. Добровольцев — быв-

ших унтерофицеров Анатолий назначал командирами рот.

Железняков много беседовал с новичками, ободрял их, рассказывал о Петрограде, Кронштадте.

Многие новобранцы пришли в полк босиком — не было никакой обуви. Пришлось срочно организовать пошив ботинок и сапог. Плохо подвозили провиант, не хватало походных кухонь. Железняков созвал жителей Елани и договорился варить пищу для бойцов по домам. Молодые воины и старые солдаты очень быстро привязывались к своему заботливому командиру.

Благодаря энергичным мерам Железнякова Еланский полк был сформирован вовремя и подготовлен к боевым действиям.

Белогвардейцы неожиданно нанесли удар по самому чувствительному месту Царицынского фронта. Они хотели во что бы то ни стало перерезать железнодорожную линию Царицын — Поворино и этим самым отрезать Москву и Петроград от донского и кубанского хлеба. А это значило задушить голодом два крупнейших центра России. Царицын замыкался в кольцо.

Надо было срочно принимать меры. Несколько суток гремела канонада над жаркими просторами края. Свинцовый дождь поливал раскаленную землю.

По распоряжению В. И. Ленина под Царицын выехала комиссия Высшей военной инспекции, возглавляемая Н. И. Подвойским.

Группа войск Киквидзе получила подкрепление. В бой был брошен Еланский полк. К станции Арчеда из Воронежа прибыли батарея Курземского полка, китайская рота, Интернациональный ба-

тальон. Из Борисоглебска прислали 500 человек. К станции Бударино было отправлено 3 бронепоезда и 250 стрелков.

Перед группой Киквидзе стояла задача — очистить от белоказаков станции Алексиково и Урюпино, удержать по линии железной дороги станции Арчеда, Серебряково и Филоново.

Враг дрогнул. Смятые героическими красными частями белые полки покатились обратно за Дон.

Но вскоре на группу, в которую входили 3 тысячи войск Киквидзе, 2 тысячи Украинской бригады Сиверса и около 2 тысяч дивизии Миронова, были брошены 32 тысячи казаков, возглавляемых генералом Фицхелауровым. К 3 августа советские части под напором превосходящего по численности врага оказались оттесненными на линию Красный Яр — Елань — Поворино.

Стойко защищали Елань войска Киквидзе. Полки попеременно занимали окопы, держа круговую оборону. По балкам, руслам пересохших от необычайного зноя степных речушек ползком пробирались по ночам в Елань сотни бедняков и батраков, пополняя убыль в красноармейцах.

С группой смельчаков из старых опытных солдат Железняков много раз совершал ночные вылазки в тыл противника.

Киквидзе, сам безудержно смелый человек, иногда пробовал удерживать иной раз уж очень рисковавшего жизнью Анатолия, но тот только посмеивался: «Я беру пример с тебя, Васо...»

В конце августа левый фланг группы Киквидзе, переименованный в 16-ю дивизию, обнажился. Соседняя дивизия Миронова отступила.

Казаки взяли 16-ю дивизию в полукольцо. 1-й Рабоче-Крестьянский, 6-й Заамурский и Еланский полки стойко отбивали атаки, медленно отходя на новые позиции. Трое суток Железняков не сомкнул глаз.

1 сентября его вызвали в штаб дивизии. Уже в дверях, по расстроенному лицу Киквидзе Анатолий понял, что что-то случилось.

— Читай, — протянул Киквидзе вскрытый пакет.

Анатолий быстро пробежал глазами документ, в котором командующий вновь формируемой 9-й армией приказывал немедленно перебросить в распоряжение штаба армии Еланский полк.

— В такое время, когда дивизия еле держится?! — вспыхнул Железняков. — Я не могу оставить...

— Приказ есть приказ, мой дорогой, — мягко сказал Киквидзе. — Я уже послал начальника штаба Медведовского в штаб армии. Пусть доложит обстановку, расскажет о положении в дивизии. Главная моя просьба — это оставить твой полк в моем распоряжении.

— Правильно, Васо. Там, в штабе, должны считаться с тобой, — сказал Железняков.

— Не знаю, не знаю, — задумчиво произнес Киквидзе. — Боюсь, что... И так меня ругали в штабе, что я тебя самовольно назначил командиром полка.

— Кто ругал? — вспыхнул Анатолий.

— Да есть такие там. Особенно трепался Носович... этот старорежимник. Он говорил, как мне передавали: «Что понимает матрос в сухопутных делах?»

Не помогло обращение Киквидзе к штабу ар-

мии. Елаиский полк был переведеи иа другой боевой участок, иедалеко от 16-й дивизии.

Намиого стало тяжелее полку после перевода. Не всегда удавалось держать связь со штабом армии, иаходившимся в стадии формироваиия. Радовало только то, что Киквидзе иедалеко был и часто полк действовал согласоваиио с дивизией.

Накоиец полк получил отдых иа двое суток. Железияков волиовался. Несмотря иа миогочислеииые рапорты, послаииые штабу армии, в полк ие прислали походиых кухоиь. Бойцы питались кое-как.

— Еду в штаб, — заявил Аиатолий комиссару полка Черкуиову. — Думаю, что справлюсь за деиь. До каких пор так будет продолжаться?

Комаидарма в штабе ие оказалось. В кабииете распоряжался прибывший в армию помощник комаидующего Южиым фроитом, бывший царский полковиик Носович, впоследствии разоблачеииый как пособиик вражеской агеитуры.

— Я вас слушаю, — холодио сказал Носович, вглядываясь в обветреииое и усталое лицо Железиякова.

Аиатолий подробио изложил цель своего приезда. Перечислил рапорты, послаииые им совместио с комиссаром Черкуиовым в штаб армии. Резко высказался о саботажииках и выразил увереииость, что бойцы его полка скоро смогут получить горячую пищу.

— Все? — спросил иевозмутимо Носович.

— Все! Хватит и этого! — горячился Аиатолий.

— А почему вы бросили полк в такой ответствеииый период? — издевательски спросил Носович.

— Во главе полка оставлеи миою комиссар. И я уже доложил вам, что сегодия иочью мы получили разрешеиие отойти в резерв иа двое суток.

Я снова возвращаюсь к своей просьбе. Прнкажнте, чтобы кухнн для полка былн немедленно высланы.

— Ннчем не могу помочь вам, — сухо ответнл Носовнч.

Железнякова не смутнлн нн холодный прием, нн слова относнтельно отлучки нз полка. Но этот бездушный ответ его взорвал, н он повышенным голосом пронзнес:

— Я категорнческн требую...

Железняков не закончнл фразу.

По тревожному звонку в кабннет стремнтельно вбежало несколько вооруженных бойцов. Растерявшнйся от такого неожнданного оборота дела, Железняков сразу умолк. Он выбежал нз кабннета н умчался обратно в свой полк.

Утром следующего дня был передан приказ об отстраненнн Железнякова от командованйя Еланскнм полком.

Густые грозовые тучн, с вечера закутавшие Елань, ночью пролнвным дождем обрушнлись на землю. Молния рассекала черный мрак. Канонада, не умолкавшая в окрестностях Еланн несколько последннх недель, прекратнлась.

В маленьком деревянном домнке собралнсь друзья по полку Железнякова. Онн бурно обсуждали создавшееся положенне.

— Я не поннмаю, товарищн, чем вызвано такое отношенне к полку, — недоумевал Анатолнй. — Поведенне Носовнча меня просто поразнло. В том, что в штаб затесалнсь какне-то сволочн, не может быть сомнення! Но ведь так действует помощннк командующего фронтом!

Первым заговорнл комиссар полка Черкунов:

— Положение на фронте тяжелое. И об этом надо помиить каждую минуту. В полку подиялось брожение. Надо срочио провести по всем ротам и батальоиам беседы, разъяснить красноармейцам, что произошло... Бойцам надо сказать всю правду.

Прибывший вместе с Железняковым с Балтики матрос Наумов резоино заметил:

— Но как объясиншь солдатам, что их командир отстранеи от комаидоваиия за заботу о инх?

Сиова заговорнл Черкуиов:

— Мы разъясним бойцам, что пронзошло иедоразумеиие и в ближайшее время Железняков снова вернется в строй. А я увереи, что это именно так и будет.

— А если ие будет? — сказал Железияков.

— Тогда мы поставим вопрос перед ЦК партии, — ответил Черкуиов.

На следующий деиь раиеиый Киквидзе пытался успокоить Железнякова, сидевшего у его кровати.

— Не горюй, Толья. Как-ибудь уладим. Черт возьми, и надо же было случиться такой истории, когда меня подстрелили! — Киквидзе взял руку Аиатолия. — Я уверен, что все уладится, что виной всему твоя горячиость. Ты правильио сделал, что выступил перед бойцами. Пусть оии зиают все. А теперь вот что, Толья: кати в Балашов к самому комаидующему фроитом Сытииу. Попытайся поговорить с иим. Попроси его от моего имеин. Поезжай...

— Попробую...

В тот же день Железияков стоял перед адъютаитом Сытииа.

— Мие иужио поговорить с командующим.

— Не могу пропустить.

— Мне необходимо объяснить...

— Не могу, не приказано, — отвечал адъютант.

— Вы доложите командующему о моем приезде, тогда он и прикажет! Что вы отвечаете за него: «Не могу, не могу!»

— Нельзя ли повежливее? — возмутился адъютант. — Здесь вам не Кронштадт!

— Что-о-о?! — пораженный такими словами, протянул Железняков, делая шаг вперед. — Здесь не Кронштадт?! Что это значит?! — уже крикнул он.

Испугавшись угрожающего тона Анатолия, адъютант попятился назад:

— Хорошо, сейчас доложу...

Но к Сытину Железнякова так и не пропустили.

Адъютант, выйдя из кабинета, сказал:

— Командующий приказал передать, что если вам надо что-то сообщить, подайте рапорт...

В обстоятельном рапорте на имя командующего фронтом Сытина Железняков смело написал, что думал:

«Действия и решения, которые в последнее время принимаются вами и вашим штабом в отношении дивизии Киквидзе и, в частности, в отношении Еланского полка, напоминают мне линию поведения предателя русской армии генерала Сухомлинова во время мировой войны в 1915 году...»

Ответа на свой рапорт Железняков не получил. Через Киквидзе он узнал нерадостное известие:

— Мне сообщили, что из Балашова послан срочный рапорт о тебе... Что-то здесь неладно. Говорят, что к рапорту приложено специальное дело. Тебя обвиняют в самовольном захвате вагона с медикаментами на станции Алексиково...

— С какими медикаментами? — удивился Железняков.

— Было дело такое. Но тут ты ни при чем. Когда еще формировали полк, мои ребята перед отступлением обнаружили в тупике вагон с медикаментами. Чтобы он не достался казакам, его быстро разгрузили и все роздали по полкам, — разъяснил Киквидзе.

— Что еще пишут эти провокаторы?

— Ты помнишь, когда приезжал к нам Подвойский?

— Конечно, помню. Мы тогда еще с ним говорили о Петрограде...

— А через два дня после отъезда от нас Подвойского на него было совершено покушение. При крушении дрезины ему перебило ключицу... Говорят, что Подвойскому написали, будто ты с группой каких-то анархистов виновник покушения...

Железняков настолько был потрясен, что в первый момент не нашелся даже что сказать. И лишь после того, как понял всю чудовищность услышанного, гневно воскликнул:

— Собачьи головы! Да как же я мог совершить покушение на товарища Подвойского? Мы вместе с ним в прошлом году штурмовали Зимний! А потом вот еще что. Если покушение было где-то под Тамбовом, как же я мог попасть туда?! Ведь ты же знаешь, Васо...

— Знаю, все знаю. Никуда ты не отлучался из Елани. Я уже написал начальнику штаба фронта Ковалевскому о вагоне с медикаментами... и что ты ни в коем случае не можешь быть причастен к покушению на Подвойского.

Бои шли. Железняков рвался на позицию. Просился рядовым. Но Киквидзе доказывал, что надо обождать.

Неизвестность томила Железнякова.

— Черкуиов советует мие ехать в Одессу. Украиииа сейчас подиялась иа борьбу против немецких оккупаитов. Там хватит работы... — говорил Аиатолий, сидя у кровати Киквидзе.

Успокаивая своего друга, ранеиый комдив советовал:

— Подожди. Вот придет ответ иа мой рапорт, тогда и решим, что делать дальше.

В это время вошел адъютант и вручил комаидиру дивизии секретиый пакет.

С тревогой следил Анатолий за выражеиием лица Киквидзе, словио предчувствуя, что дело касается его.

— Толья, ты объявлен вне закоиа... — только и мог вымолвить комдив. — Немедлеино собирайся в Москву!

— За что же, Васо?! — сразу ие поиял Железияков. — Объявили вие закоиа, как самого ярого контрреволюциоиера!

Поимая всю серьезиость создавшегося положеиия, Киквидзе вызвал к себе адъютанта:

— Немедлеиио ко мне комиссара полка! И чтобы была приготовлеиа моя тачаика!

Как только адъютаит вышел, Киквидзе сказал Анатолию:

— Немедлеиио поезжай в Москву. Ты еще успеешь иа тамбовский поезд...

— Васо...

— Да, вот тебе иесколько бланков со штампом моей дивизии. Могут пригодиться... Эх, жаль, что товарищ Леиии раиеи и ты ие сможешь попасть к иему... Но ты не отчаивайся, иди к Свердлову. Проси, чтобы выслали сюда надежиого следователя.

Стуча колесами, к крыльцу дома подкатила тачаика комдива.

— Спеши, Толья!

Железняков обнял Киквидзе, и оии крепко расцеловались.

— Спасибо тебе за все, дорогой Васо. Прощай...

Аиатолий подскочил к домику, в котором жила его любимая девушка. Ои позиакомился с ией в первые дии комаидоваиия Елаиским полком. После иедолгого разговора оии уже вдвоем иаправились в Тамбов. Там Аиатолий разыскал иа железиодорожиых путях вагои комиссара сиабжеиия фроита Петра Зайцева. Зайцев иаправлялся в Москву. Вместе с ним поехал и Анатолий со своей спутницей.

В Москве поиачалу все складывалось ие так, как рассчитывал Железияков.

— Удалось тебе поговорить с Подвойским? — допрашивал Аиатолий Зайцева.

— Был я у Николая Ильича...

— Ну и что?

— Ои говорит, что приказ о тебе подписаи Троцким. И ои ничего...

— А насчет дрезины? — перебил Железияков.

— Ну как тебе объясиить.., — замялся Зайцев. — Ему прислали рапорт, в котором сказаио, что ты оргаиизатор крушеиия дрезииы...

— А письмо Киквидзе?! — уже с отчаяиием в голосе крикиул Аиатолий.

— Подвойский говорит, что иикакого письма от Киквидзе он не получал.

— Как же так? Ведь Васо отправил целое послание начальнику штаба фроита Ковалевскому...

— Ковалевскому? Так ведь ои оказался предателем, и его уже расстреляли... Напиши

опять Кнквндзе, пусть обратнтся непосредственно к Подвойскому.

Анатолий писал:

«...И вот я в Москве, Васо. Пока надежды на быструю реабнлнтацню нет. Скрываюсь... Хотел ндти к товарищу Свердлову — он в отъезде... Ждут его возвращення.

За мое дело взялнсь несколько друзей-балтнйцев. Еслн нужно будет, обратятся к товарнщу Леннну.

Вот пншу тебе, а сердце ноет, будто в него гвоздь забит. Подумай, Васо! За революцню отдаю всю свою молодость, жнзнь, а Носовнч н повернвшне ему делают меня каким-то махновцем... На душе ураган. Но я не сдамся н не нзменю революцнн. У меня хотят выбнть оружне, которое она дала мне. Но я никогда не выпущу его нз своих рук.

Еслн бы я изменил революции, я презнрал бы себя н разбнл бы голову о камнн. И скрываюсь я сейчас только для того, чтобы сохраннть себя для борьбы за счастье народа. Верю, что нз этой борьбы выйду победнтелем, как выходнл до снх пор!

Прнмн от меня, Васо, на память частнцу моего горячего сердца. Может быть, еще увнднмся с тобой. А пока прощай. Еслн ж не увнднмся, еслн погнбнем, я хотел бы, чтобы нас с тобой похороннлн рядом...»

Скоро в Москве с делом Железнякова разобрались. Он был реабнлнтнрован н получнл новое ответственное назначенне.

ОН ШЕЛ НА ОДЕССУ...

Дули холодные ноябрьские ветры, лили дожди. Ночью, прикрываясь темнотой, обходя немецко-петлюровские заставы, Железняков с заданием из Москвы пробирался в Одессу. В кармане у него лежали документы на имя Анатолия Эдуардовича Викторса.

Анатолий был не один. Вместе с ним были его жена Елена Винда и проверенные в боях старые фронтовые друзья — Ховрин, Наумов, Черкунов.

В Курске боевая компания разделилась. Наумов и Ховрин поехали по своему назначению, а Железняков, Черкунов и Винда отправились до Льгова поездом.

Здесь была граница Советской России. Дальше начиналась оккупированная немцами территория Украины.

Во Льгове наняли лошадей, чтобы добраться до Конотопа. Отсюда до Одессы было добираться трудно. Железняков убедил жену поехать поездом к родным в Киев. Железнодорожное движение на этой линии еще не было закрыто.

Проводив Елену, Железняков с Черкуновым стали прорываться через все преграды к Одессе.

17 декабря 1918 года на одесском рейде стала на якоря соединенная военная эскадра интервентов. Рядом с французскими броненосцами «Мирабо» и «Жюстис», крейсерами «Жюль Мишель» и «Эрнст Ренан», миноносцами «Протэ», «Палаш» и другими кораблями покачивались на волнах английские сверхдредноуты «Мальборо» и «Эмперер оф Ин-

дня», итальянский крейсер «Аккордон», греческие военные транспорты.

В городе шли бои между рабочими отрядами и белогвардейцами. На помощь белогвардейцам высадились стрелки 156-й французской дивизии.

За 107 дней хозяйничанья в Причерноморье интервенты повесили, расстреляли и замучили во время пыток и допросов несколько десятков тысяч рабочих и крестьян.

Поощряемый иностранными интервентами, развернул свою палаческую «деятельность» генерал Гришин-Алмазов — ставленник Деникина, перекочевавший в Одессу из Сибири от Колчака.

Интервенты назначили Гришина-Алмазова военным губернатором Одессы.

Приехав в Одессу, Железняков устроился электромехаником в каботажную гавань порта. Работа здесь нужна была для маскировки. Все свои силы, энергию Анатолий отдавал подпольной борьбе, связавшись с боевой дружиной Григория Котовского. Котовский пользовался авторитетом среди одесских рабочих, а буржуазия его ненавидела. От дружинников требовались выдержка и самообладание.

Однажды, направляясь к Котовскому на явку, Железняков заметил, что следом за ним по лестнице поднимается человек в форме белогвардейского офицера. Пришлось подняться выше этажом и затаиться. Офицер не последовал за Железняковым, а подошел к двери квартиры, где находился Котовский. Дважды стукнул в дверь, затем трижды — в стенку. Дверь открылась, и он быстро вошел в переднюю.

Железняков спустился вниз, постоял минуту около дверей квартиры Котовского, прислушался, затем подал условленный сигнал.

— По-о-знакомь-тесь, — слегка заикаясь, сказал Котовский, впустив Анатолия.

Так познакомился Железняков с сыном рабочего Тюриным. Окончив в 1915 году школу прапорщиков, Тюрин в конце 1916 года попал в тюрьму за революционную работу. Там он встретился с Котовским. Сейчас по заданию боевой дружины Тюрин поступил в офицерскую роту при штабе Гришина-Алмазова. Дружина ежедневно стала знать пароль, пропуск, отзыв в частях гарнизона.

— Итак, за дело, товарищи! — Котовский опустился на диван, рядом с ним сели Железняков и Тюрин.

— Нужны офицерские шинели, — начал Тюрин.

— Бу-у-дут! — ответил Котовский.

— Каким образом?

— Из ресторана «Реномэ». Ты заметил там нового швейцара?

— Это тот, что с бородкой? Его лицо мне показалось знакомым...

— Этот «швейцар» воюет вместе со мной с семнадцатого года, — продолжал Котовский. — Он передал мне, что на завтрашний день хозяин ресторана получил большой заказ.

— Это верно, — подтвердил Тюрин. — Приезжает из Краснодара делегация от Деникина.

Железняков внимательно слушал, о чем говорили Котовский и Тюрин.

— Автомобиль достал? — обратился Котовский к Железнякову.

— Да еще какой! — улыбаясь, ответил Анатолий. — Французский, с трехцветным флажком!.. Операция поручена опытным ребятам...

На следующий вечер к ресторану «Реномэ» со стороны Греческой площади подъехал грузовик.

Рядом с шофером сидел Железняков. «Швейцар» быстро закрыл на ключ дверь, выходящую в зал. Дружинники вынесли несколько охапок офицерских шинелей и, захватив с собой «швейцара», умчались.

Надо было пробраться в здание контрразведки. Операцией руководили Котовский и Железняков.

На рассвете, одетые в офицерские шинели и фуражки, дружинники окружили незаметно здание. Оборвав предварительно телефонные провода, Железняков с двумя товарищами пробрались на крышу соседнего дома. Оттуда через слуховое окно — на чердак здания, в котором помещалась контрразведка, и дальше — в коридор черного хода. Внутренние часовые спали, и с ними легко справились.

К входу в здание направились Котовский и еще два товарища из дружины — Стригунов и Воронянский.

— Стой! Кто идет? — спросил внешний часовой.

— Свои! — заметил Воронянский.

— Пароль?

— Ледяной поход, — произнес пароль Воронянский. — Отзыв?

— Рос... — Часовой не успел ответить. Его схватил в свои могучие объятия Котовский.

В оперативной комнате находились трое контрразведчиков. На негромкий, но повелительный окрик: «Я Котовский! Руки вверх!» — один из офицеров ответил выстрелом. Пришлось застрелить всех троих...

В открытых сейфах лежали списки людей, подлежащих аресту. Отдельно — папки с секретными документами и формуляры осведомителей. Котовский тут же сжег списки, а Железняков собрал в пачку документы и формуляры.

Операцня длилась иедолго. Неожиданно раздался стук в дверь. Нетерпеливый голос произиес:

— Какого черта вы заперлнсь там? Откройте!

— Сейчас! — ответил Железияков.

Дружиыми выстрелами были уннчтожеиы четверо вернувшихся с «работы» контрразведчнков.

Сияв своих часовых — заслоны на углах кварталов, Котовскнй увел дружинников.

Интервенты обрушили мутиый поток лжн н клеветы на Советскую власть. Воиискне частн засыпалн градом провокационных листовок о большевистскнх «баидитах», которые якобы пытают н убнвают плениых, «национализируют» жеищин и даже едят детей...

Большевикн вели упорную подпольиую работу, разъясняя солдатам и матросам, какую постыдиую роль — душителей революции — им предиазначили капиталисты. В подпольной типографии печаталась большевистская газета. Оиа прнзывала вражеских солдат и матросов: «Требуйте возвращеиия на родииу!»

Распростраиять газету было большим риском, но Железияков не останавливался ни перед какимн трудиостями. Он искал разиые способы для того, чтобы оиа попадала по иазиачеиию. Не один раз подпольщнк проинкал в казармы, где размещались французские солдаты. Одиажды, повреднв водопровод иедалеко от казарм, Железняков пришел в казармы под видом водопроводчика и, осмотрев водопроводиый люк, заявнл комендаиту:

— Повреждеиие довольно серьезное, н за одии день его не исправишь, придется завтра сиова заглянуть к вам.

Выходя из казармы, Аиатолий незаметно оста-

вил прниесеиные им лнстовкн на фраицузском языке, которые призывали солдат-интервентов: «Бросайте оружие!», «Не верьте клевете иа Советскую власть, на большевиков!».

Сменнвшись с вахты и наскоро переодевшись, Железняков быстро зашагал в сторону небольшого портового домика, расположеиного протнв Воеииого спуска, — здесь должио было состояться собраиие подпольщнков.

На повестке дня стоял очень важиый вопрос — как усилнть траиспортировку революционной литературы в другие порты Черного моря. Вся армня моряков торгового флота должна была быть готовой в любой момент парализовать движение судов н не дать белогвардейцам н нитервеитам прн иаступлении Красной Армнн воспользоваться торговым флотом.

За соблюденне этой полученной свыше директнвы лнчио отвечал Железняков. Его облеклн высокнм доверием — избрали председателем подпольного комитета одесских водииков.

Прибывшнй нз Москвы и участвовавший в этом заседаинн Петр Зайцев думал: «Молодец Толя! Сколько дел проворотил за такое короткое время!»

Заседание кончнлось. Дружинннкн стали выходить по одному, чтобы не привлекать к себе вннмання встречающнхся людей.

— Как тебе поиравнлнсь «комплнмеиты» Гоца в твой адрес? — спросил Зайцев Железиякова, когда они остались вдвоем.

— Кого? Гоца? — удивленно спросил Анатолнй. — Я не понимаю, о чем ты говорншь...

— А разве ты не читал сегодия «Одесские но-

вости»? — И Зайцев протянул товарнщу газету. — Ты вспомии, какой день сегодня, и почитай вот это, — указал он на статью под крупным заголовком «О годовщиие разгоиа Учредительного собрания».

Пригретый англо-французскимн хозяевами в Одессе, Гоц писал: «...и сегодия, вспомииая эту жуткую обстаиовку... мие хочется забыть... матросов, чьими руками была распята идея... Прншел матрос Железияков и с бессмыслеиной жестокостью втоптал в грязь н кровь лучшую мечту... Железо победило идею...»

Статья закаичивалась мечтой о том, что придет иекий «другой матрос» и «победит Железнякова». Под статьей стояла подпись: «Члеи Учреднтельиого собраиия *А. Р. Гоц*».

— Пусть помечтает, предатель! — зло сказал Аиатолий.

— А ты прочти, что еще написайо, вот здесь, в объявлеиии, — указал Зайцев.

Крупиыми строками сообщалось, что по случаю годовщиины разгоиа Учредительиого собраиня состоится вечер под председательством бывшего московского городского головы Рудиева. На этом вечере выступят с речами член ЦК партии эсеров Ратиер, члены бывшего Учредительного собраиия Вишияк, Гоц и другие. Начало в 8 часов вечера.

— Сейчас у иих как раз самый разгар паиихиды, — сказал Железияков. — А что, если мие явиться иа их волчье сборнще и устроить там полундру?

— Да ты с ума спятнл, чертова голова! — возмутился Зайцев.

— Ну ладио, ие кипятись...

Расклеенные на всех улицах Одессы крикливые афиши извещали о предстоящей инсценировке «суда» над Лениным.

Меньшевики и эсеры — верные лакеи интервентов — вели бешеную травлю большевиков. Они убеждали рабочих, что «демократические» США, Англия и Франция создадут в России рай.

Одной из форм их грязной агитации были так называемые «суды» — инсценировки, устраиваемые над величайшими людьми мира. Уже «судили» Маркса и Энгельса. Председательствовал на сборищах лидер эсеров Кулябко-Корецкий.

В качестве «общественных обвинителей» выступали бывшие крупные адвокаты, думцы, члены Государственного совета, бежавшие от революции на юг. Могли выступать также и желающие из публики.

Железнякову неоднократно хотелось явиться на какой-нибудь подобного рода «суд» и выступить. Но товарищи каждый раз отговаривали его от опасного поступка.

Сейчас же он не хотел слушать никаких доводов.

И товарищи наконец сдались: надо сорвать преступную комедию «суда» над вождем революции.

— Прежде всего нам надо добиться, чтобы среди публики, которая явится на эту подлую комедию, были и наши люди, — сказал Железняков.

— Да, это верно, — поддержал Зайцев. — На такие «суды» рабочие не ходят, а прет больше буржуазия...

Каждый из дружинников обещал привести с собой по нескольку человек подростков с Пересыпи и Молдаванки.

— Если этих ребят хорошо организовать и под-

готовить, они могут такое там заварить, что небу станет жарко, — сказал Железняков. — Мне эти сорванцы неоднократно уже помогали...

Зал Художественного театра был переполнен. Организаторы «суда» старались распределить билеты по своему выбору, но в зале оказалось много народу, который нужен был Железнякову.

Какой-то крикливый юрист прочел «обвинительное заключение». Выступили «прокуроры» — правый эсер Рихтер и меньшевик профессор Сухов.

Начали раздаваться негодующие выкрики и свистки. Это ободрило Железнякова. Он несколько раз порывался на сцену, но товарищи сдерживали его, уговаривали не торопиться и дождаться более удобного момента для атаки.

Начались выступления «свидетелей».

На трибуну поднялся шестидесятилетний профессор истории Новороссийского университета Щепкин. Он неожиданно для организаторов «суда» решительно выступил против обвинения Ленина по тем статьям, которые привел «обвинитель». Спокойно и объективно обрисовал он деятельность Ленина, направленную на благо народа. Речь крупного историка, пользовавшегося авторитетом в Одессе, не понравилась устроителям «суда».

Железняков встал с места и поднял руку:

— Хочу высказаться!

Твердой походкой он прошел к сцене и поднялся к кафедре.

— Господа судьи и граждане Одессы! — начал Железняков. — Мы только что выслушали обвинительное заключение против вождя большевистской партии и главы Советской России. Согласно огла-

шенному обвинительному заключению и речам господ прокуроров, товарищ Ленин, оказывается, виноват в войне, в тех тяготах, которые легли страшным грузом на рабочую спину. По утверждению выступавших, причиной того, что Украина оказалась под сапогом интервентов, что рабочих хотят сделать колониальными рабами...

Словно ошпаренный кипятком, внезапно вскочил председатель «суда». Перебив оратора, он закричал испуганным старческим визгом:

— Извините, этого не сказано в обвинении!

По залу и сцене прокатился тревожный шум.

— Вы говорите, что сказанного мной нет в вашем обвинении! Но в нем нет и того, что главные виновники войны — кровавые собаки Пуанкаре и Клемансо, Ллойд Джордж и Черчилль, Вильсон и Морган и тысячи иностранных банкиров! А также разгромленные Октябрьской революцией русские помещики, фабриканты и вы, продажные лакеи капиталистов! — гневно говорил Железняков.

Ошеломленные «судьи» и «прокуроры» соскочили с мест. Раздались испуганные голоса:

— Остановите его! Остановите!

— Кто он такой?!

— Где охрана?!

Казалось, что в зале внезапно взорвалось несколько бомб. Рев и гул захлестнули ряды, сцену. Все перемешалось. В «судей» полетели комья грязи, кто-то ловко запустил камнем в люстру. Перепуганные насмерть «судьи» и «свидетели» бросились к выходам, давя и тесня друг друга.

Железняков почувствовал, как кто-то рванул его сзади, и в этот же момент знакомый голос повелительно бросил:

— Бежим!

Сбив с ног несколько человек, Анатолий бросился за кулисы. Рядом раздался голос второго товарища:

— В окно!

Железняков прыгнул в темноту какого-то двора. Но рядом слышались голоса:

— Викторс! Вперед! Вперед!

Перепрыгивая через препятствия, все бросились в сторону порта. Улицы огласились тревожными свистками полицейских, криками и беспорядочной стрельбой. В помещении театра рабочие и подростки с Пересыпи и Молдаванки швыряли в разные стороны все, что попадалось им под руки:

— Получайте! Мы вам покажем «суд»!

Железняков и Черкунов получили задание направиться в Харьков для информации Центра о положении дел в Одессе и получения новых указаний. В Харькове находилось тогда правительство Советской Украины.

На обратном пути Железнякову и Черкунову было поручено доставить Одесскому подпольному комитету большую сумму денег. Вместе с ними выехали в Одессу черноморец Александр Бугаенко, харьковский рабочий Григорий Борзенков, Чиквания, знакомый Железнякову еще по Елани, и группа комсомолок, направлявшихся в Одессу на подпольную работу. В этой группе находилась и жена Железнякова — Елена Винда.

Поезд прибыл на станцию Водопой. Все вышли из вагона.

У входа в здание вокзала лежал труп убитого железнодорожника.

Кругом не было ни души. С трудом удалось разыскать дежурного по станции.

— Кто в Николаеве? — спросил Железняков.

— Немцы, — ответил дежурный. — Вообще сам черт не разберет, что творится, — продолжал дежурный. — Говорят, что сегодня часть города занята григорьевцами. Они ворвались со стороны Херсона. А тут вот запросился к нам со станции Долинская немецкий эшелон.

— Скоро он придет? — спросил Железняков.

— По времени должен быть на подходе, — ответил дежурный.

И Железняков решил остаться на станции. Окинув взглядом товарищей, он скомандовал:

— Приготовить гранаты! В цепь!

Все разбежались вдоль платформы, занимая места за удобными прикрытиями.

Поезд уменьшил ход и остановился против вокзала. Это был небольшой состав с немецкими солдатами. Многие из них стояли в тамбурах, висели на подножках.

Воцарилась тишина. Тревожные секунды... Но вот двери станции с шумом распахнулись. Высоко подняв голову, твердой походкой вышел на платформу Железняков, в руке у него был наган.

— Выходи! — крикнул он, обращаясь к прибывшим на поезде.

Голос его звучал уверенно и властно.

Из окна переднего вагона высунулась тучная фигура в форме немецкого офицера.

— Кто находится на станции? — спросил он на ломаном русском языке.

— Выходи! — приказал Железняков. — Николаев в руках красных!

Перепуганный офицер застыл. Но солдаты уже выскакивали из вагонов. Подияв руки вверх, оин кричали:

— Сдаемся! Сдаемся! — Вероятно, им хотелось скорее вериуться на родину.

— Оружие складывать сюда! — показал Железияков иа перрон у самого здания вокзала. — Строиться возле паровоза!

Немногочислеииый отряд Железиякова провел сдавшнхся иемецких солдат и офицеров в станцнонный зал, закрыв за инмн дверн иа ключ.

Дежуриый по станции проводил Железнякова в кабииет иачальника и помог ему связаться по селектору с сосединмн стаициями: Гороховец, Грейгово, Кульбакиио.

Аиатолий начал сразу:

— Слушайте! Говорнт матрос Железняков. Срочио передайте партнзаиам, что иа стаицин Водопой захвачен немецкий поезд. Солдаты и офицеры разоружеиы!

Через иесколько дней после миогих мытарств группа Железнякова прибыла в Одессу.

Это был самый тяжелый период в жизин прославлеииого героического чериоморского города. Безработиыми оказались десятки тысяч рабочих. Увеличивалась разруха. Даже такая газета, как «Одесские иовости», существовавшая за счет интервентов, выиуждеиа была писать:

«Никогда еще Одесса не переживала такого трагического, кошмарного момеита, как теперь... Голод достигает иебывалых размеров. Сотни тысяч семейств ие только лншеиы возможиости питаться горячей пищей, оии мечтают о сухом куске хлеба,

сделавшемся недоступным даже для средних классов. Нет не только хлеба, но и картофеля, кукурузной муки, нет бобов, нет вообще пищевых продуктов, а если они и имеются, то в ограниченном количестве и продаются по баснословным, совершенно недоступным даже для среднего достатка ценам...»

Под руководством коммунистов росло сопротивление трудящихся юга. Центральный Комитет партии послал в Одессу стойких большевиков, опытных подпольщиков.

Работа подпольщиков по разложению войск противника приносила свои плоды. Французские солдаты и матросы все чаще и чаще начинали выражать недовольство, неповиновение, готовили восстание.

С севера наступала Красная Армия. В районах Одессщины, Херсонщины и Николаева действовали партизанские отряды. Усиливали борьбу городские боевые дружины; участились диверсии, налеты на склады с оружием.

Узнав через свою контрразведку, что смелые, дерзкие налеты проводятся каким-то неуловимым матросом Железняковым, интервенты и белогвардейцы расклеили на многих улицах Одессы объявление, в котором говорилось, что за поимку матроса Железнякова властями города будет выдана награда в 400 тысяч рублей.

Прочитав это объявление, Железняков сказал своим товарищам: «Дешево оценили мою голову. Я еще покажу им!»

Лихие дела боевой дружины все умножались.

Вскоре Железняков узнал, что на заводе Российского общества пароходства и торговли (Ропит) строятся два бронепоезда по заказу деникинской

армии. Встретясь с большевиками котельного цеха, Викторс договорился с ними об оттягивании сроков окончания работы.

Не догадывались деникинцы, что рабочие подготовляли все необходимое для быстрого выпуска этих бронепоездов к приходу частей Красной Армии.

«Не хватает стали. Нет креплений для орудийных установок. Не готовы детали для оснащения бронеплощадок», — отвечали мастера цеха заказчикам. А в кладовых завода копили все необходимое для быстрой сборки бронепоездов.

Предчувствуя скорый конец своего господства, интервенты вешали и расстреливали всех подозреваемых в сочувствии большевикам, бросали в тюрьмы сотни и тысячи людей.

Они зверски убили членов иностранной коллегии Жанну Лябурб, Жака Елина, Михаила Штиливкера и многих других лучших сынов большевистской партии.

Выданный провокатором, был замучен Смирнов-Ласточкин.

К концу марта 1919 года одних только французских войск в Одессе было около 30 тысяч. Кроме их здесь находились две греческие дивизии, много сотен белопольских легионеров, часть белорумынских дивизий, тысячи белогвардейцев, а также итальянские, английские и другие войска. На одесском рейде стояла большая эскадра.

После длительных, упорных боев с белогвардейцами и интервентами Красная Армия 6 апреля 1919 года заняла город Одессу.

НА БРОНЕПОЕЗДЕ

Опустел, затих порт, ограблеиный, опустошеиный интервентами. Но, уйдя из Одессы, они все же оставили эскадру у Тендровской косы, лежащей иедалеко от порта. Аигло-французские пираты блокировалн подход к Одессе со стороиы Диепра и Крыма, продолжая захватывать или топить любое судио, пытавшееся пробраться к городу.

Портовики подиимали со диа бухты затоплеииые суда, иалаживали каботажиое плаваиие. Начииалось восстаиовление промышленности. В порту собнрали уголь, обломки железа для оживления давио бездействующих цехов н мертвых ваграиок.

Несмотря иа исключительно тяжелое положение в городе с продовольствием, рабочие завода Ропит, получая в день по полфунта гороха, трудилнсь по две смеиы, чтобы поскорее закоичить сооружение броиепоезда.

...Железияков рвался в бой. В освобождениой Одессе ои уже ие иаходил для себя дела, ои спешил иа фроит.

Об этом желании Железиякова узиал К. Е. Ворошилов. Учтя боевой опыт балтийца, его иазиачили командиром броиепоезда имени погибшего в боях командарма 3-й армии Худякова.

Первые боевые испытания на посту комаидира броиепоезда имеин Худякова Железняков блестяще выдержал в боях с бандами Григорьева, восставшнмн против Советской власти.

Разбитые иа севере, в Екатеринославе, Алексаидрин и Зиамеике, григорьевские банды появились в районе Холодного Яра, в Явкиие, Заселье и других местах, готовясь захватить Знамеиский

железнодорожный узел, чтобы повторить по всему югу свой кровавый марш грабежей, насилий, расстрелов и виселиц.

Получив боевое задание, бронепоезд имени Худякова направился к Вознесенску. Стремительно неслась грозная бронированная крепость навстречу врагу. Скоро должна была показаться занятая григорьевцами станция.

Команда бронепоезда была на местах в полной боевой готовности. Начальник артиллерии матрос Казаков лично осматривал каждое орудие. Все было готово к бою. Командир башни Александр Романов в десятый раз внимательно проверял рычаги, винты, прицелы. С беспокойством и огорчением он часто повторял:

— Жаль, не успели достроить все башни! Кабы...

Но товарищи отвечали:

— Со всеми-то башнями что! Со всеми мы будем воевать хоть против целой дивизии!

Железняков не отрывался от бинокля. Он заметно волновался: удастся ли выдержать боевой экзамен? Сколько раз он участвовал в больших сражениях, был под губительным огнем, проводил бойцов по труднопроходимым местам. Он знал пулемет и пушку, мог быть артиллеристом и сапером. Но сейчас он впервые самостоятельно вел в бой бронепоезд, сейчас предстояло разбить крупное вражеское соединение.

Под Белгородом и Чугуевом на бронепоезде, захваченном у белогвардейцев, он больше обходился пулеметами, винтовками и гранатами. На только что отстроенном бронепоезде орудия были

посложнее, и он только теоретически знал, как выбирать хорошую огиевую позицию.

Железияков связался по переговориой трубке с Казаковым и Романовым:

— Уж вы ие подкачайте, братцы!

— Будь спокоен, Железняк, начием лупить, небу жарко стаиет! — доиесся глухой голос Романова.

— Помеиьше хвастай. Лучше проверь все еще раз. Чтоб ии одного снаряда мимо цели! Слышишь?

Сквозь лязг колес н громыхаиие буферов в трубке прогудел ответ:

— Слушаюсь, товарищ командир!

Еще раз убеднвшись в готовиости артиллерии, Железияков сиова прнинк к переговорной трубке, связывающей командирскую будку с пулеметиыми бортами:

— Пелит, Володии, Камариицкий!

— Слушаем!

— Как с пулеметами? Все в порядке? Запас воды достаточиый? Леит хватит?

— У нас полный порядок! — ответил за всех Володин.

Решнтельиый момент иаступнл как-то сразу. Бронепоезд приблизнлся к стаицин. Гряиул выстрел. Недалеко у полотна железной дороги вздыбился черный фоитан земли.

«А, так вот они где!» — подумал Анатолий, пригибаясь под куполом своего комаидирского поста.

Торопливо прильиув к трубке, ои скомаидовал иаходящнмся в башие:

— Орудия, к бою! По стаицин!

Вблизн полотиа одии за другим взорвались

новые сиаряды. Грохот и звон стали заглушили комаиду.

Железняков напряжеиио всматривался, где расположнлись вражеские орудия, чтобы вернее определить сокращающееся расстояиие между собой и противииком.

— Ага, вот оии... Орудие иомер одии! Вправо по водокачке — огонь!

Полосиуло пламя. Рывок и треск. Глухо звякиули буфера.

— Крой беглым!

Сиова блеск пламеии, рывок, треск и звон стали.

— Разнесем! — торжествовал Аиатолий.

У водокачкн одии за другим подиялнсь чериые столбы земли.

— Молодец, Романов!

Не отрывая взгляда от прнближающейся стаицнн, Железияков крикнул в будку машииисга:

— Полный вперед!

С грохотом, стремительио ворвался бронепоезд иа стаицию, минуя первые постройкн, гремя н опрокидывая огиевые точки врага.

Противиик ие ожидал такого молиионосиого натиска. Баидиты ждали пехотных частей красных, кавалерии, бронеавтомобилей, но только ие броиепоезда.

Увлечеиный атакой, Железияков уже лнчио отдавал комаиду пулеметчикам:

— Очередями по сто патроиов — огоиь! С рассенваиием по фроиту!

Раскаленный воздух гудел от пуль и крнков.

Удирая в панике, григорьевцы пряталнсь по огородам, по переулкам местечка, убегали в степь.

Бугаеико и Просии во главе двух десантных

групп спешили охватить местечко с флаигов. Бойцы иеслись иаперерез убегавшим баидитам. Впереди, обгоияя товарищей, бежал матрос Богобрат.

Раиеиый Якобсон метался на раскалеииой броиеплощадке, иеистово ругаясь:

— Все равио ие уйдете, проклятые! Всех перебьем!

Перевязывая ему иогу, Казаков успокаивал:

— Не горюй, друг, еще иавоюешься!

Далеко за стаицией участилась стрельба.

Железияков ие сомиевался, что баидиты ие уйдут живыми от его бойцов.

Восстаиовив взорваииый за стаицией железиодорожиый путь, иаладив телефоиную связь, поврежденную григорьевцами, и убедившись, что местечко окончательио очищеио от иих, Железияков двииулся дальше.

О дальиейшем пути этого боевого похода ои через иесколько дией коротко сообщал в Одессу:

«На следующий деиь мы были в Возиесенске. Простояли сутки и троиулись дальше, под Елисаветград, чтобы и там усмирять григорьевские баиды, вздумавшие для развлечеиия рвать пути и спускать под откос паровозы...»

Немалую роль сыграл броиепоезд имеии Худякова в разгроме Григорьева.

Вскоре Совет Народиых Комиссаров Украииы писал в своем обращении:

«Ликвидация григорьевского мятежа закоичеиа. Его грозиой воеииой силы в 90 тысяч штыков, 52 орудия, 16 броиепоездов, 100 пулеметов, сотии тысяч снарядов и миллиоиы патроиов, которую измениик Григорьев, подкреплеииый врагами Советской власти, бросил иа нас и думал взять Екатеринослав, Полтаву, Киев, иизложить Советскую

власть, — больше нет. Кременчуг, Знамеика, Елисаветград, Пятихатка, Користовка, Александрия, Бобриская, Николаев, Херсои, где всего иесколько дией иазад распростраиялась власть Грнгорьева, освобождеиы. Авантюрист-атаман н его приспешинки с остатками свонх отрядов спасаются в лесах и деревнях».

Броиепоезд имени Худякова направился в Николаев для ремонта и модернизацнн.

Железияков был вызваи в город Возиесенск, где иаходился штаб 3-й Украинской армии. Ему были вручены иаграды для отличнвшнхся в боях командиров подразделеиий и бойцов броиепоезда — пять кармаииых золотых часов, 10 пистолетов, кожаиое обмуидироваине. Реввоенсовет издал приказ о иаграждеиии броиепоезда Красным зиамеием.

Пламя граждаиской войиы с каждым дием все сильнее охватывало страиу. Авантюра Григорьева казалась мелкой и иезиачительиой по сравиению с гигаитским коитрреволюцноииым походом геиерала Деиикииа, двииувшего свои армий иа Украииу.

Под знамена защитников Советской Украииы срочио мобилизовалось все, что можио было мобнлнзовать. Броиепоезд имеии Худякова, отремоитироваииый в Нниколаеве, был передаи в распоряжение комаидующего 14-й армией К. Е. Ворошилова.

Железияков получил приказ срочно иаправиться в город Кременчуг...

Вокзал и перрон в Николаеве заполиеиы иародом. Здаиие украшеио красиыми флагами. Рабочие и железиодорожиики прощаются с бойцами,

провожая их на защиту родной земли. Среди отъезжающих и железняковцы.

Откинув люк над командирским мостиком, Железняков кричал провожающим:

— Прощайте, друзья! Прощай, Николаев!

Бронепоезд мчался мимо залитых солнцем ковыльных степей. Изредка проплывали зеленые балки, небольшие курганы да холмы. В лощинах по склонам балок зеленели разоренные, обезлюдевшие села с заброшенными садами и давно не беленными мазанками...

Железняковцы прибыли на Екатеринославский фронт в самый тяжелый момент. Под сильным нажимом превосходящих сил противника части Красной Армии с боем отходили на север, оставляя одну станцию за другой.

24 июня красные войска оставили Синельниково. 25 июня покинули Белгород. Положение с каждым днем становилось тяжелее и тревожнее.

1 июня «Правда» на первой полосе напечатала:

«За Харьковом пал Екатеринослав. Генерал Деникин, вешатель рабочих, занимает пролетарские центры Украины.

Через Советскую Украину царский генерал и его казацкие орды прокладывают путь в Советскую Россию.

Пролетариат в опасности! Крестьянство в опасности!

К оружию! К работе! К борьбе!»

2 июля «Правда» напечатала на всю полосу:

«Союзники призвали Колчака. Колчака мы разбили. Деникин — последняя надежда буржуазии. Разбить Деникина — значит кончить войну.

Кто хочет прочного мира — все под ружье, все на казачьи банды царского генерала!»

Придавленный тяжелым зноем пыльный Кременчуг переживал тревожные дни. Конница генерала Слащёва угрожала городу.

Немедленно после прибытия бронепоезда в Кременчуг Железняков направился в штаб 14-й армии.

— Командир бронепоезда имени Худякова Железняков прибыл в ваше распоряжение, товарищ командарм, — доложил Анатолий Ворошилову. — Разрешите немедленно выйти на фронт!

Подойдя к большой географической карте, висевшей на стене, Ворошилов провел карандашом ломаную линию между синими и красными кружочками.

— Екатеринославское направление вклинивается в левый фланг Деникина. Мы должны вернуть Екатеринослав, это ослабит нажим белогвардейцев на севере. Мне уже сообщили, что ваш бронепоезд — это настоящая передвижная крепость.

Железняков взял под козырек:

— Разрешите, товарищ командарм, выйти на позицию.

Крепко пожимая руку матроса, командарм ответил:

— Разрешаю.

Грохоча колесами и буферами, бронепоезд несся к намеченной цели.

Далеко позади осталась станция Херсонская. Снова вокруг широко расстилалась степь, покрытая курганами. Легкие облака плыли по небу. Миновав глубокую балку, покрытую зеленым гаем, стремительно вылетели из-за невысокого холма на

равнину. Впереди показались дымки шрапнельных разрывов. Приближались к позиции. Солнце жгло. Душил раскаленный воздух.

Бронепоезд подошел в тяжелый момент, когда под натиском деникинцев красноармейцы 49-го, 50-го и имени Т. Г. Шевченко полков, сформированных в Одессе, отступали, двигаясь разрозненными рядами по обеим сторонам железнодорожного полотна.

От ураганного артиллерийского огня противника, непрерывных его конных атак красноармейцы прижимались к железной дороге, изредка залегая, чтобы отогнать залпами наседавших кавалеристов врага, затем снова поднимались и двигались к Кременчугу.

На возвышенной местности были видны многочисленные скачущие всадники. Их замысел был ясен — они хотели выскочить вперед, к станции Користовка, глубоко вклиниться в тыл отступающей красной пехоты и встретить ее яростной рубкой.

С другой стороны белогвардейцы сыпали в степь, раскаленную зноем, тысячи снарядов и форсированно наступали цепями.

Прильнув к наблюдательным окнам бронепоезда, пулеметчики мысленно высчитывали сокращавшееся расстояние между бронепоездом и цепями противника:

«2 тысячи метров... 1500 метров...»

Впившись глазами в стойки прицела, ловко переставляя хомутики на нужные деления, пулеметчики напряженно ждали команды...

— Ну держись, золотопогонники!..

Белогвардейцы не сразу заметили появление бронепоезда. Благодаря дымовым фильтрам, он шел без обычного «спутника» — густого облака дыма.

Захваченная врасплох артиллерия противника не причинила бронепоезду ущерба своим рассеянным шрапнельным огнем.

Когда же участились разрывы вражеских снарядов у полотна дороги, Железняков скомандовал машинисту:

— Полный вперед!

Поднимая облака пыли, далеко на правом фланге показалась вражеская конница. Миновав свои отступающие части, бронепоезд с полного хода врезался в передовую линию противника.

Легкий нажим руки командира — и на бронеплощадках загорелись сигнальные огни, сразу заухали орудия обеих башен. Зататакали хором двадцать шесть пулеметов.

Орудия били беглым огнем. От орудийных толчков бронепоезд вздрагивал, лязгал сталью.

Вздыбленная снарядами и ливнем пуль земля покрывалась огнем, дымом и пылью. По вагонам и паровозу почти непрерывно шлепали куски земли, стукались осколки, цокали пули.

Надо было подавить вражеские батареи, замаскированные среди пышных деревьев, за отдельными холмиками. Железняков приник к переговорной трубке:

— Ориентироваться по вспышкам у деревьев! Беглый огонь!

Первый же залп взметнул у одного из холмиков кучу земли, подрезал несколько тополей и обнажил батарею. После второго залпа она замолчала. Когда рассеялась пыль, видны стали разметанные колеса трехдюймовок. Группа ездовых, подскочив с упряжкой, пыталась увезти одно уцелевшее орудие.

Железняков потянулся к трубке, чтобы отдать

команду. Но громыхнула лобовая башня — значит, Романов тоже заметил возню у пушки.

Разгоряченные боем инструкторы громко давали команды расчетам:

— С рассеиванием вправо до балки и по кольцу от шестнадцати до шестнадцати!

Убедившись, что пули ложатся метко по цели, Железняков командовал:

— Так держать!

Деникинцы дрогнули. Цепь их разорвалась и покатилась назад. На поле оставались орудия, убитые, раненые.

Железняков видел, как стягиваются ряды отступавшей ранее красной пехоты.

Вдогонку за отступающими белогвардейцами понеслась немногочисленная красная кавалерия.

Бронепоезд остановился. Замолчали раскаленные пулеметы. Только орудия еще не унимались, изрыгая огонь и забрасывая снарядами отступающих в панике деникинцев.

Железняков откинул люк над командирским мостиком. Его вспотевшее, разгоряченное лицо обвеял теплый ветерок. Из степи несло запахом травы и каких-то цветов...

Воспользовавшись перерывом, артиллеристы и пулеметчики выпрыгнули с бронеплощадок, разбрелись по обеим сторонам железнодорожной насыпи.

Анатолий подошел к паровозу:

— Давайте условный сигнал разведке. Пускай скачет сюда. Узнаем, куда дальше бить.

Зашипел пар, и над степью пронзительно и протяжно завыл гудок, сливаясь с гулом удалявшейся на запад канонады.

Брешь во фронте белогвардейцев была пробита. Наступление противника прекратилось. Теперь требовалось заставить его откатиться за станции Пятихатка и Верховцево к Днепру. Там врага можно будет зажать между железной дорогой и рекой. К взаимодействию с бронепоездом и пехотой уже приготовилась Днепровская военная флотилия.

Но деникинцы разгадали план советского командоваиия. Против бронепоезда, двигавшегося, словно огромный таран, к Пятихатке, было сосредоточено свыше десяти батарей, много пулеметов.

Части 14-й армии были встречеиы артиллерийским огнем. Наступавшая при поддержке бронепоезда пехота укрылась за железнодорожной насыпью.

Железняков действовал осмотрительно. Отведя поезд за выемку, он выслал разведку из конного десанта. Вместе с конниками поехали старшие артиллеристы башен, они определили ориентиры. Начался обстрел вражеских батарей и станции с закрытых позиций.

Деникинцы применили отчаянный маневр. Собрав большую группу конников, онн бросили их на красную пехоту, залегшую за насыпью. Расчет их был простой — бронепоезд не успеет быстро отойти, и коиница очутится в мертвой зоне, тогда ей не страшиы орудия и пулеметы.

Железняков быстро нашел выход. Он отдал комаиду. Бронепоезд на полном ходу помчался в стороиу вражеских батарей, проскочил вперед километра два. Отсюда вражеская конница оказалась как на ладони — ее можно было в упор расстреливать с правого борта поезда.

Белые не выдержали шквала огня. Красноармейцы поднялись в контратаку. Артиллерия переброси-

ла огонь на батарею и станцию. После нескольких залпов к небу взметнулись столбы дыма, раздались взрывы.

Замедлив ход, бронепоезд пошел к Пятихатке. А вдруг белогвардейцы подорвут железнодорожное полотно? Железняков поставил впередсмотрящих на головные платформы.

Кругом гремело:

— Даешь беляков!

Это пехота, раскинувшись в цепи по обеим сторонам насыпи, бежала за бронепоездом. Но Железняков, ворвавшись на станцию, не стал задерживаться на ней, чтобы не дать врагу сконцентрировать силы для контратаки. Он знал, что в Пятихатку уже вошли красные пехотинцы, что они выбивают из домов застрявших там деникинцев, закрепляют позиции у вокзала.

Так 11 июля 1919 года была занята крупная узловая станция Пятихатка.

Через два дня напор деникинских полков был сломлен по всему екатеринославскому направлению.

12 июля части 14-й армии вели бои за Верхнеднепровск, заняли станцию Верховцево, захватив при этом три паровоза и много военного имущества противника. На каждой отвоеванной станции железняковцы поднимали красные флаги на водопроводных башнях.

Бронепоезд имени Худякова, взаимодействуя с Днепровской военной флотилией на левом фланге и с пехотой на правом, прорывался к Екатеринославу.

16 июля наши части повели наступление на Сухачевку — предместье города. Здесь было огромное скопление деникинских частей. На рассвете были зажжены постройки на небольшой станции Запорожье. Это был сигнал для общего наступления.

Утро гудело канонадой. По намеченной цели открыли огонь стоявшие в глубоком тылу красные батареи и корабли Днепровской флотилии. Бронепоезд пошел полным ходом прямо на Сухачевку, на станции он врезался между двумя белогвардейскими эшелонами и, не дав врагу опомниться, ударил с обоих бортов из всех пулеметов. В рядах противника началась паника. Треск пулеметов, взрывы гранат, гул рвущихся вблизи снарядов — все смешалось.

Железняков понимал, что нельзя давать врагу опомниться, надо гнать его к городу, прижать левый фланг к реке, под огонь Днепровской флотилии.

Но вдруг случилось нечто неожиданное. Паровоз словно подбросила какая-то гигантская сила. По бронированной крыше застучали обломки. От сильного толчка Анатолия откинуло к стенке.

Он крутанул ручку телефона. Полное молчание. Железняков тревожно крикнул в переговорную трубку:

— Что произошло?!

— Повреждена башня в лобовой бронеплощадке — снаряд пробил броню. Убит наповал первый наводчик Коваленко, тяжело ранен пулеметчик Чумак... — ответил кто-то из команды.

— Как остальные товарищи? — с беспокойством спросил командир.

— Есть контуженные и легко раненные, но продолжают вести огонь.

Рассыпавшись в цепи, белогвардейцы начали переходить в контратаки. Артиллерия открыла беглый огонь по бронепоезду.

Железняков отдал команду:

— Полный назад! Пулеметчикам открыть огонь вдоль линии! Не подпускать к полотну ни одной

белой сволочи! Романов, открыть огонь по белогвардейской артиллерии!

Грохоча вагонами, бронепоезд пополз назад.

Вдруг у самого хвоста состава ударил вражеский снаряд. В воздух взлетел огромный столб земли и пламени. На несколько метров разметались рельсы...

Бронепоезд оказался отрезанным от своих частей.

Не теряя хладнокровия, Железняков приказал немедленно восстановить путь. Зазвенели сброшенные на землю запасные рельсы. Двое из ремонтной партии упали, сраженные вражескими пулями. Но рельсы были уже на месте.

Пыхтя и фыркая, весь гудящий от стука работающих пулеметов и залпов орудий, бронепоезд загрохотал по восстановленному пути.

Громкое «ура!» прокатилось по вагонам.

25 июля бронепоезд пришел на станцию Эрастовка, к месту расположения своей базы. Надо было в срочном порядке отремонтировать одну из башен, выведенную из строя вражеским снарядом. Да и боевые запасы надо было пополнить. На станции в постоянной тревоге за мужа вместе с больными и ранеными бойцами находилась жена Железнякова, помогавшая команде в качестве медицинской сестры.

Команда бронепоезда могла хоть немного отдохнуть.

Опустились сумерки. Анатолий и Елена пошли погулять к небольшому пруду вблизи станции.

За прудом чернели мазанки небольшого селения. Слабый свет костра, горевшего около станции, на-

помииал горящую головню, забытую кем-то в степи. Где-то вдали лаяли собаки. Казалось, будто иикогда здесь ие было вблизи ии фроитов и иичего такого, что иарушало бы этот иочиой покой.

Аиатолий размечтался. Какой радостиой скоро будет жизиь, говорил ои жеие...

Вериулнсь поздио. Крепкий сои сковал комаидира. Виезапиый стук в дверь вагоиа разбудил его.

— Телефоиограмма!

Железияков вскочнл. Комаидоваиие сообщало о том, что противиик, сосредоточив огромиые силы, перешел в наступление...

Через час, прорезая предрассветиую мглу, броиепоезд снова грохотал по рельсам навстречу врагу.

Утром 26 июля деникинцы, скоицеитрировав огромиые силы, пошли напролом. Упорно сражались красиые воииы. Но силы были неравиы. Стремительиым обходиым движеиием противиик захватил стаицию Верховцево. Броиепоезд очутился в кольце врага. Казалось, едииствеиное спасеиие для комаиды — отстаивать свою крепость или взорвать, а самим спасаться вплавь через Диепр.

Но Железияков твердо заявил:

— Будем прорываться, товарищи!

Комаида едииодушио ответила:

— Будем прорываться!

Белогвардейские орудия били прямой иаводкой по полотиу железной дороги. Пулеметы поливали вагоиы броиепоезда свиицовым дождем. Противиик хотел во что бы то ни стало захватить броиироваииую крепость.

Метко били с броиепоезда артиллеристы из последиего уцелевшего орудня. В три часа дия броиепоезд с боем ворвался в Верховцево.

Бой разгорался.

Положение бронепоезда становнлось все более опасиым. В пулеметах уже кнпела вода, боепрнпасы былн на нсходе, белогвардейцы подходнлн ближе и блнже. Кольцо сжнмалось.

— Товарищи, вперед! — крнкнул Железияков. Он, пренебрегая опасностью, высунулся нз командирской рубкн и начал стрелять нз нагана.

Эта смелость стонла герою жнзнн. Железняков был смертельно ранен. Падая, он отдал последннй прнказ:

— Бронепоезд не сдавать, товарнщн!

Приказ командира был выполнен. Броиепоезд ие сдался.

Команда его бнлась до тех пор, пока не вырвалась из окружеиня. ·

В течение шести часов упорно боролось со смертью здоровое, молодое сердце Анатолня. Доставленный в тыл, тяжело раненный балтнец, окру-. женный фронтовымн товарнщамн, умер на руках своей любимой жены.

— Да здравствует Советская Соцналнстнческая Республнка! — Этн слова былн пронзнесены нм с последним вздохом.

Железиякову было всего лншь 24 года.

ЭПИЛОГ

В широко нзвестиой песне о «Матросе-партнзане Железняке» есть такне слова:

В степн под Херсоном
Высокне травы,
В степн под Херсоном — курган.

Лежит под курганом,
Заросшим бурьяном,
Матрос Железняк — партизан.

В действительности же прах Железнякова специальным поездом был доставлен в Москву и с воинскими почестями захоронен на Ваганьковском кладбище, рядом с могилой его фронтового друга, легендарного героя гражданской войны Васо Киквидзе. Такое желание высказал балтиец в письме к своему другу после отъезда из Елани.

О гибели Железнякова газета «Известия ВЦИК» писала:

«Пал геройской смертью матрос Железняк, смелый боец, ненавидимый всеми врагами за разгон белоэсеровской Учредилки, бессменный фронтовик гражданской войны».

В заметке «Вечная слава», напечатанной в «Правде» 3 августа 1919 года, друзья Железнякова заявляли, выражая волю всех красных моряков, красноармейцев и всех трудящихся:

«Мы... клянемся, что дело, начатое тобой, доведем до конца и жестоко отомстим за твою честную молодую жизнь».

Светлый образ бесстрашного борца за счастье народа Анатолия Григорьевича Железнякова вдохновлял воинов Советской Армии и Военно-Морского Флота на самоотверженную борьбу с немецко-фашистскими оккупантами в годы Великой Отечественной войны.

Отважно сражался с фашистами на Азовском море боевой монитор «Железняков».

Во время героической обороны города-героя Севастополя прославилась на всю страну своими боевыми подвигами команда бронепоезда «Железняков».

Славное имя героя-балтийца носил один из отрядов белорусских партизан. Этот отряд народных мстителей часто появлялся в самом глубоком тылу гитлеровцев и уничтожал их без всякой пощады.

Боевые корабли, носившие имя Анатолия Железнякова, в дни Великой Отечественной войны были на Балтике, на Днепре и в других военно-морских флотах и флотилиях. И везде команды этих кораблей стойко, по-железняковски, били фашистских оккупантов, мужественно защищая советскую отчизну.

Газета «Красный Балтийский флот» нередко печатала крупными буквами призывы к защите Ленинграда:

«Балтийцы! Бейте фашистов так же крепко и беспощадно, как бил всех врагов Советской власти матрос Железняков!»

И в годы мирного строительства в Советском Союзе многие боевые корабли Военно-Морского Флота носят славное имя прославленного героя-балтийца Анатолия Железнякова.

Хорошо сказал грузинский поэт А. Мирцхулава:

Далеким прошлым станут наши дни,
Но не умрут героев имена —
В грядущем будут вновь звучать они,
Героя смерть — рожденью равна.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Для среднего
и старшего возраста

Амурский
Илья Егорович

МАТРОС ЖЕЛЕЗНЯКОВ

Издание второе

Ответственный редактор
В. К. Зиборов.
Художественный редактор
В. П. Дроздов.
Технический редактор
З. П. Корекюк.
Корректоры
Н. Н. Жукова и Т. Г. Шаховская.

ИБ 5941

Сдано в набор 16.11.81. Подписано к печати 25.02.82. Формат $70 \times 100^1/_{32}$. Бумага офсетная № 1. Шрифт литературный. Печать офсетная. Усл. печ. л. 9,1. Усл. кр.-отт. 18,85. Уч.-изд. л. 8,72. Тираж 100 000 экз. Заказ № 271. Цена 40 коп. Ленинградское отделение ордена Трудового Красного Знамени издательства «Детская литература». Ленинград, 191187, наб. Кутузова, 6. Фабрика «Детская книга» № 2 Росглавполиграфпрома Государственного комитета РСФСР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли. Ленинград, 193036, 2-я Советская, 7.

ДОРОГИЕ ЧИТАТЕЛИ!

Присылайте нам ваши отзывы о прочитанных книгах и пожелания об их содержании и оформлении.

Напишите свой точный адрес и возраст.

Пишите по адресу: Ленинград, 191187, наб. Кутузова, 6. Дом детской книги издательства «Детская литература».

Амурский Илья

А 62 Матрос Железняков: Документальная повесть/Предисл. В. Азарова; Рис. В. А. Лебедева.—2-е изд.—Л.: Дет. лит., 1982.—220 с., ил.

В пер.: 40 коп.

Автор книги — бывший моряк-балтиец, писатель Илья Амурский — рассказывает в своей книге о легендарном герое революции и гражданской войны А. Г. Железнякове.

$А\frac{4803010102—130}{М101(03)—82}463—82$ 9 С3КП1(092)

ЧИТАЙТЕ КНИГИ ИЗДАТЕЛЬСТВА «ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА»

КОНДРАТЬЕВ Н.
ЛЕГЕНДАРНЫЙ КОМБРИГ.
Рассказы.
о Яне Фабрициусе.
Л., 1960.

ВАСИЛЬЕВ АРК.
СЕМНАДЦАТЫЙ.
М., 1969.

ФУРМАНОВ Д.
ЧАПАЕВ.
Повесть.
М., 1971.

РАЗУМКЕВИЧ В.
ПРИКАЗ НОМЕР ОДИН.
Рассказы
О Чапаеве.
М., 1973.

ОСТРОВЕР Л.
НИКОЛАЙ ЩОРС.
Историческая
повесть.
М., 1957.

ВСЯ
ВЛАСТЬ

COBETAM

40 коп.